

**Дубакирова Ж.С., Столярова Э.О.,
Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л.,
Алексеев А.Н.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗРЫВЫ В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**НАО «Восточно-Казахстанский технический университет
имени Д. Серикбаева»**

**Ж. С. АУБАКИРОВА, Э. О. СТОЛЯРОВА, Г. А. САРСЕМБАЕВА,
Н. Л. КРАСНОБАЕВА, А. Н. АЛЕКСЕЕНКО**

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗРЫВЫ В КАЗАХСТАНЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
И СОВРЕМЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

**г. Усть-Каменогорск,
2025 г.**

УДК 314.182
ББК 60.7 (5Каз)
Д31

Рецензенты:

Садвокасова А. К., д.соц.н., профессор, Институт философии, политологии и религиоведения РК (Алматы, РК)

Лысенко Ю. А., д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, РФ)

Калиева К. С., к.и.н., Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, РК)

Рекомендовано Ученым советом НАО «Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева»
Протокол № 2 от 29.08.25 г.

Д31 Демографические взрывы в Казахстане: исторический опыт и современный потенциал: монография. Аубакирова Ж. С., Столярова Э. О., Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ имени Д.Серикбаева, 2025. – 216 с.
ISBN 978-601-208-894-6

Монография посвящена цивилизационным и социокультурным трансформациям казахов, ставших следствием особенностей демографического развития этноса в XX – начале XXI вв. Основное внимание уделено демографическим взрывам, переживаемых казахами в 1950–1960-е гг. и в 2010–2020 гг. Показаны причины возникновения и социально-демографические следствия этого явления. Выявлены основные этапы и региональная специфика демографической истории казахов в контексте развития всего населения Казахстана. Изучена социализация разных поколений казахов в социально-демографическом и социокультурных контекстах. Впервые сконструированы и сопоставлены социокультурные портреты различных поколений казахов. Описан алгоритм формирования суверенной демографической системы, базирующейся на социокультурных установках казахского этноса.

Монография адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей.

УДК 621.6.072
ББК 38.625

Монография разработана в рамках реализации грантового научного проекта «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития» (AP19676895), финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

ISBN 978-601-208-894

© Аубакирова Ж. С. и др., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Алексеевко А. Н.)	5
1 СОЦИАЛЬНО - ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В 1920–1989 гг.	8
1.1 Казахстан в период демографических катастроф (1920–1950 гг.) (Алексеевко А. Н., Аубакирова Ж. С.)	8
1.2 Демографический взрыв в 1950–1960-х гг.: генезис, социальные последствия и историческое значение (Краснобаева Н. Л., Сарсембаева Г. А.)	17
1.3 Трансформация демографической структуры Казахстана в контексте социально-экономических изменений 1970–1989-х гг. (Аубакирова Ж. С., Алексеевко А. Н.)	42
1.4 Специфика демографической динамики казахского населения в контексте социокультурных и социально-экономических трансформаций советского периода (Алексеевко А. Н., Сарсембаева Г. А.)	59
2 СУВЕРЕННЫЙ ЭТАП ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ КАЗАХСТАНА: СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ (1990–2021 гг.)	64
2.1 Рождаемость в Казахстане в условиях изменения этнодемографической структуры населения (1990–2009 гг.) (Алексеевко А. Н., Аубакирова Ж. С.)	64
2.2 Феномен второго демографического взрыва: структурные особенности и модернизационные детерминанты (2010–2021 гг.) (Алексеевко А. Н., Сарсембаева Г. А.)	69
2.3 Демографическая мозаика рождаемости: региональный аспект (2010–2021 гг.) (Краснобаева Н. Л., Сарсембаева Г. А.)	83
3 СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ ПОКОЛЕНИЙ 1950-1960-х, 1970-1980-х и 2000-х ГОДОВ РОЖДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТАХ	127
3.1 Методологические основы анамнестического социологического исследования (Столярова Э. О.)	127
3.2 Поколения казахов 1950–1960-х и 1970–1980-х годов рождения: общие характеристики условий социализации (Столярова Э. О., Краснобаева Н. Л., Сарсембаева Г. А.)	133
Внутренние факторы социализации	133
Внешние факторы социализации	143
3.3 Поколение казахов 2000-х годов рождения: общие характеристики условий социализации (Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Краснобаева Н. Л.)	162

<i>Внутренние факторы социализации</i>	162
<i>Внешние факторы социализации</i>	175
3.4 Социокультурные портреты трех поколений казахов в социальной динамике (<i>Сарсембаева Г. А., Столярова Э. О.</i>)	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Алексеевко А. Н., Столярова Э. О.</i>)	202
ПРИЛОЖЕНИЕ (<i>Краснобаева Н. Л., Столярова Э. О.</i>)	206
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	215

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых измерений государственной независимости Казахстана выступает не только обретение политического суверенитета, но и формирование полноценного демографического суверенитета, обеспечивающего устойчивое развитие на основе внутренних демографических ресурсов. В этом контексте особую научную и практическую значимость приобретает исследование исторической траектории демографического развития Казахстана, этнокультурным ядром которого выступает казахский народ. Несмотря на то, что в середине XX века доля титульного этноса в общей численности населения республики была сравнительно невысокой и не превышала трети, именно демографические стратегии и репродуктивные установки казахов оказались определяющим фактором в формировании современных демографических реалий и тенденций развития населения суверенного Казахстана.

В 1950–1960-е гг. казахский этнос переживал состояние демографического взрыва, когда вследствие низкой смертности и высокой рождаемости темпы роста населения были наиболее высоки. Особенностью Казахстана является то, что демографический взрыв 1950–1960-х гг. стал возможным в полиэтнической среде. Казахское население преимущественно сохраняло сельский тип расселения, что способствовало устойчивому воспроизводству традиционных моделей демографического поведения. Индустриально-промышленный, городской вектор развития, ведущий к снижению рождаемости, определяли представители других этносов.

Демографические волны, следующие за «взрывом», во многом влияют на процессы воспроизводства населения в настоящее время. Одним из следствий «классического» варианта демографического взрыва середины XX века стал новый демографический взрыв, пик которого пришелся на второе десятилетие XXI века. Второй демографический взрыв, в основе своей, проходил на фоне все более динамично становящейся моноэтничности населения республики. В начале XXI века большинством населения Казахстана были уже представители казахского этноса, основная часть которого проживала в городских поселениях. Тем не менее, показатели рождаемости сохранялись на высоком уровне. Сложившаяся ситуация потребовала новых подходов к изучению причин демографических процессов. Этим объясняется методическое разнообразие в освещении первой, второй и третьей частей монографии.

Первый раздел – «Социально-демографические процессы в Казахстане в 1920–1990 гг.» – охватывает продолжительный и крайне неоднородный по своему содержанию исторический отрезок. Этот период включает как фазы масштабных демографических потрясений, среди которых особо трагичными являются катастрофы 1920-х и 1930-х годов, так и этапы относительной демографической стабилизации и роста, пришедшиеся на 1950–1980-е годы. Учитывая сложность и противоречивость указанных процессов, наиболее

важным аналитическим инструментом для их изучения представляется исторический метод. Дополнительные сложности в исследовании данного периода обусловлены ограниченной достоверностью или полным отсутствием демографической статистики на отдельных его этапах, что требует критического подхода к источникам и широкого привлечения анамнестического и социологического материала.

Второй раздел монографии – «Суверенный этап демографической эволюции Казахстана: состояние и потенциал (1990–2021 гг.)» – охватывает тридцатилетний отрезок новейшей истории страны. Каждое из этих трех десятилетий отличалось важными этапами в становлении и институционализации национальной демографической системы. Несмотря на относительно краткую временную протяженность, каждый этап характеризуется важнейшими преобразованиями, направленными на формирование самостоятельной демографической системы. Ввиду наличия полноценного статистического материала анализ суверенного этапа осуществляется преимущественно с опорой на методы демографической науки и статистики.

В монографии использованы ключевые демографические индикаторы, наиболее полно отражающие динамику и содержание трансформаций в демографической истории Республики Казахстан. Особое внимание уделяется показателям рождаемости как одному из центральных элементов естественного воспроизводства населения. В то же время, ограниченность этнически детализированной статистики, представленной в открытом доступе, не позволяет в полной мере реконструировать демографические траектории отдельных этнических групп. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют выявить основные направления и особенности этнодемографических процессов как на республиканском уровне, так и в региональном разрезе. Кроме того, включение демографической истории Казахстана в систему универсальных статистических координат создает возможность для проведения сравнительного анализа с аналогичными процессами в других странах, что расширяет контекст и аналитические горизонты проводимого исследования.

Третий раздел монографии «Социализация казахов поколений 1950–1960-х, 1970–80-х и 2000-х годов рождения в социально-демографическом и социокультурном контекстах» освещает результаты анамнестического и социологического исследования. Данные собирались в формате глубинных полуформализованных интервью и представляют собой воспоминания казахов 1950–60-х, 1970–80-х и 2000-х годов рождения о тех условиях, в которых прошли их детские и юношеские годы. Такой комплексный подход (применение анамнестического метода и социологического инструментария) позволил не только собрать обширный материал о повседневной жизни трех поколений в периоды их взросления, выявить и описать наиболее характерные черты, присущие каждому времени, но и сконструировать социокультурные портреты поколений казахов. Используя сопоставительный метод, была

выявлена поколенческая социальная динамика, оценен результат реализации демографического потенциала многочисленных поколений второй половины XX века, разработана проекция будущей социальной самореализации поколения начала XXI века.

В настоящей монографии применяется преимущественно описательный подход к анализу демографических процессов, ориентированный на фиксацию статистических фактов без авторской интерпретации или оценочных суждений. Такой метод избран сознательно – с целью избежать избыточной коннотативной нагрузки, которая зачастую сопровождает освещение демографической истории Казахстана и нередко приводит к ее идеологизации, мифологизации или искажению.

Одной из ключевых задач, поставленных авторами, является предоставление читателю возможности сформировать собственное, независимое мнение на основе объективного анализа статистических, исторических и социологических данных. Именно поэтому в монографии представлено большое количество систематизированного эмпирического материала в форме таблиц, схем, диаграмм, а также библиографический обзор трудов, посвященных историко-демографическим вопросам развития Казахстана.

Анализ демографических процессов в различные исторические периоды основывается исключительно на официальных источниках статистической информации, с обязательным указанием первоисточников, что обеспечивает прозрачность и воспроизводимость исследования.

Хронологическая структура первой и второй частей монографии выстроена в соответствии с проведением всеобщих переписей населения, которые традиционно осуществляются один раз в десятилетие. Такой подход позволяет использовать переписные данные в качестве демографического хронологического стержня, способного адекватно отразить особенности исторического развития Казахстана. Он обеспечивает возможность синхронного анализа демографических и исторических процессов, выявляя их внутреннюю взаимосвязь и взаимовлияние в разные периоды XX и XXI веков. Включение статистических данных в контекст живых воспоминаний, предпринятое в третьей части монографии, позволяет создать объемную картину нескольких последовательных, но различных по своему характеру исторических периодов. Такой синтез количественного и качественного материала позволяет не только реконструировать динамику социодемографических процессов, но и выдвигать аргументированные гипотезы относительно потенциальных механизмов трансформации демографических дивидендов Казахстана в его реальный человеческий капитал.

1. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В 1920–1990 гг.

Демографическое развитие казахов в советский период истории неоднозначно. Его можно разделить на два диаметрально противоположных по своим последствиям этапа – демографические потрясения 1920–1950 гг., приведшие к огромному числу жертв, и стремительный рост численности этноса в 1950–1980-е гг., ставший следствием демографического взрыва казахов в 1950–1960-е гг. Необходимо выявить причины появления демографических событий, их влияние на этнодемографические процессы в суверенном Казахстане.

1.1 Казахстан в период демографических катастроф (1920–1950 гг.)

Первые десятилетия советской власти в Казахстане ознаменовались глубокими демографическими потрясениями, которые не только унесли жизни сотен тысяч людей, но и оставили долговременные демографические последствия для этнической и возрастной структуры, численности и размещения населения. К числу наиболее масштабных и трагичных событий относятся: народно-освободительное восстание казахов 1916 года, сопровождавшееся жестокими карательными акциями и массовой миграцией населения; гражданская война, приведшая к значительным потерям среди гражданского населения; голод 1921–1922 годов, вызванный экономическим коллапсом и продразверсткой; голод 1931–1933 годов – одна из крупнейших гуманитарных катастроф XX века, результат коллективизации, насильственного оседания кочевников и разрушения традиционного уклада жизни казахского общества. К числу демографических ударов следует также отнести масштабные политические репрессии 1930-х годов, приведшие к депортациям народов, массовым арестам и расстрелам; потери в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, а также послевоенный голод 1946 года, отразившийся на естественном воспроизводстве населения.

Эти факторы в совокупности привели к сокращению численности коренного населения, резкому изменению возрастно-половой структуры, нарушению устоявшихся форм социального устройства и к значительным изменениям в этнической структуре республики – прежде всего, вследствие притока переселенцев из других регионов Советского Союза и насильственной депортации корейцев, немцев, чеченцев, ингушей и других народов.

В связи с этим одной из ключевых задач настоящего исследования становится комплексный анализ демографических процессов 1920–1950-х годов как решающего этапа в формировании современного демографического ландшафта Казахстана. Понимание масштабов и последствий этих демографических катастроф позволяет по-новому взглянуть на последующее развитие страны и более точно интерпретировать текущие этнодемографические реалии.

Население Казахстана в первой половине 1920-х гг. Изучение численности и состава населения Казахстана в первой половине 1920-х годов представляет собой методологически сложную задачу, обусловленную как острой нехваткой достоверных статистических данных, так и глубоко противоречивым характером общественно-политических процессов данного периода. Происходила активное изменение административно-территориальных границ, создавались новые национально-государственные образования, формировались основы советской системы управления.

Важным этапом в этом процессе стало образование Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (Казахской АССР) в составе РСФСР в августе 1920 года. При этом в ее состав были включены: Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская губернии, Мангышлакский уезд, Четвертая и Пятая Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, Синеморская область Астраханской губернии, Букеевская орда (также известная как Букеевская степь), а также земли казенного пользования, населенные преимущественно казахами и примыкавшие к 1-му и 2-му Приморским округам. В сентябре 1920 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял дополнительный декрет, согласно которому в состав Киргизской АССР (КазАССР) была включена Оренбургская губерния, временно исполнявшая функции столицы автономии. Из состава Алтайской, Тюменской и Омской губерний в состав автономии перешли волости с общей численностью населения в 370,6 тыс. человек.¹

Административно-территориальные преобразования, начатые в первые годы советской власти, активно продолжались и в последующий период. Одним из ключевых этапов в этом процессе стало национально-территориальное размежевание республик Средней Азии, завершившееся в конце 1924 года. В результате этих реформ в состав Киргизской АССР (с 1925 г. – Казакская АССР) были включены обширные территории, ранее входившие в состав Туркестанской и Самаркандской областей, а также Семиреченской области.

Так, к республике отошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Чимкентский уезды, значительная часть Аулиеатинского уезда, а также части Ташкентского и Мирзачульского уездов Сырдарьинской области. Кроме того, были включены шесть кочевых волостей Джизакского уезда Самаркандской области, а также Алма-Атинский, Джаркентский, Лепсинский и Капальский (позднее – Талдыкурганский) уезды Семиреченской области.

¹ Сыдыков Е.Б., Малышева М. П. Сибирь и Казахстан (национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей. 2010; Алтайская губерния-Казахстан. 1917–1925. История административно-территориального разграничения (сборник документов и материалов). Барнаул. 2001; Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск. 1999. С. 5.

Эти изменения имели значительный территориальный и демографический эффект: площадь Казакской АССР увеличилась на 685,9 тыс. кв. км, а численность населения возросла на 1 468 тыс. человек.²

Однако столь масштабное расширение сопровождалось управленческими трудностями. Существенная удаленность новых южных территорий от столицы республики – города Оренбурга – объективно затрудняла оперативное руководство хозяйственным строительством, инфраструктурным развитием и управлением региональной политикой. Это послужило основанием для дальнейших корректировок в административной структуре республики. В апреле 1925 года ВЦИК принял решение о выведении Оренбургской губернии из состава Казакской АССР. Осенью того же года была установлена новая граница между республикой и Оренбургской губернией, а столичный статус был передан городу Ак-Мечеть, позднее переименованному в Кызыл-Орду.

Голод 1920-х гг.: потери казахского населения.³ Вопросы численности и состава населения республики в 1920-е годы находились в центре внимания преимущественно экономистов и статистиков, они следовали за событиями, отражая лишь отдельные фрагменты значительно более сложной и масштабной демографической картины. Анализ населения в этот период в значительной степени носил прикладной характер и был тесно связан с задачами текущего управления, административно-территориальным изменением⁴ и преодоления последствий глубоких социально-экономических кризисов, вследствие голода⁵.

Значительную ценность как источника имеют отчеты Совета труда и обороны (СТО) Казакской АССР и губернских структур. Существенное место в них занимают сведения о миграции, смертности, мобилизации трудовых ресурсов и борьбе с последствиями голода.

К числу наиболее надежных и репрезентативных источников по изучению демографической ситуации в этот период также относятся материалы двух переписей населения – 1920 и 1926 годов. Хотя перепись 1920 года охватила не все территории и проводилась в условиях поствоенного кризиса, она дает важные ориентиры по численности и размещению населения. Перепись 1926 года, напротив, считается более полной и методологически выверенной, что делает ее особенно ценным источником для

² Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (авг. 1920 – дек. 1936 гг.). Алма-Ата. 1959. С. 19.

³ Потери казахского населения указаны без учета населения Туркестанской и Сыр-Дарьинской областей.

⁴ Буров М. Экономическая сторона и проблемы национального размежевания Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент. 1924. № 2; Мендешев С. Национально-территориальное размежевание Средней Азии и Киргизской ССР // Советская Киргизия. 1924. № 8–9.

⁵ Мардаровский Н.И. Голод в Киргизии и борьба с недородами. Оренбург. 1922; Иванов Ю. М. Голод в КССР и общие условия хозяйственной жизни голодающих губерний // Экономическая жизнь Киргизского края. 1927. № 1. С. 31–35.

анализа демографической динамики в условиях первых лет советской модернизации.

Так, демографические данные 1920-х годов складываются из фрагментарных, но значимых источников, требующих комплексной интерпретации с учетом политико-административного контекста и методологических ограничений своего времени.

Объем историографической базы по рассматриваемому вопросу остается относительно ограниченным. В советский период исследование демографических процессов 1920-х годов преимущественно велось в рамках экономической и социально-политической тематики, в частности – в контексте формирования системы народного хозяйства и реализации политики советизации казахского аула⁶. Демографическая составляющая рассматривалась опосредованно, как вторичный аспект социально-экономических трансформаций.

В постсоветской историографии проблема демографических последствий 1920-х годов, включая голод 1921–1922 гг., изучалась главным образом как составной элемент общей истории Казахстана XX века⁷. Среди немногих авторов, специально занимавшихся голодом начала 1920-х годов, особого упоминания заслуживают труды Б. А. Мусаева⁸ и З. Д. Назаровой⁹, основанные на значительной источниковой базе и отличающиеся детальной реконструкцией хода событий и их последствий.

Ретроспективный анализ динамики численности и этнической структуры населения в первой половине 1920-х годов осложняется не только фрагментарностью статистических данных, но и множественными административно-территориальными преобразованиями, проводившимися в этот период. Сопоставление данных по различным регионам затруднено как

⁶ Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата. 1965; Нейштадт С.А. Социалистические преобразования в экономике Казахской ССР в 1917–1937 гг. Алма-Ата. 1957; Виленский Е.Л. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения в Средней Азии и Казахстане (1917–1932 гг.). Алма-Ата. 1980.

⁷ Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата. 1991; Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата. 1991; Алексеенко А. Н. Сельское население Казахстана (1920–1990 гг.). Алматы. 1993.

⁸ Мусаев Б. А. Россия и Казахстан: опыт взаимосвязи прошлых лет по борьбе с голодом в начале 20-х годов XX века // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Интегрирующий союз Казахстана и России: вызовы глобализации. Уральск. 2003. – С. 160–165; Организационные мероприятия по борьбе с голодом в Казахстане в начале 20-х годов XX в. // Республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 200-летию М. Утемисова. Уральск. 2003. С. 30–43.

⁹ Назарова З. Д. Голод 1921–1922 годов в Казахстане: причины, масштабы, последствия // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2005. № 1. С. 13–19; Голод в 1923–1924 годах в Акмолинской губернии // История столицы в материалах архивов: материалы международной научно-практической конференции. Астана. 2005. С. 74–80.

изменением границ, так и неоднородностью охвата статистическим наблюдением.

Формирование демографической ситуации в Казахстане в 1921–1922 годах находилось под воздействием целого комплекса факторов, среди которых наибольшее значение имели разрушительные последствия Первой мировой и Гражданской войны, политика военного коммунизма, сопровождавшаяся насильственным изъятием продовольствия у сельского населения, а также совокупность неблагоприятных природно-климатических условий. Существенным фактором, оказавшим влияние на аграрные и демографические процессы, стали также земельные мероприятия советской власти, направленные на возвращение казахским кочевникам земель, изъятых в период столыпинской аграрной реформы.

Этот шаг, несмотря на свою политическую и историческую обоснованность, был сопряжен с серьезными экономическими издержками. Английский историк Эдвард Карр подчеркивал, что отказ от перераспределения уже обработанных земель в пользу их возвращения прежним владельцам, казахским кочевникам, имел веские причины, «поскольку такая мера, какой бы она ни была справедливой и политически целесообразной, неизбежно повлекла бы за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства».¹⁰

По расчетам авторов, численность казахского населения, пострадавшего от голода (за исключением Джетысуйской и Сырдарьинской губерний), составила 421,3 тыс. человек, что эквивалентно 17,8 % от численности этноса в охваченных регионах.¹¹

Таким образом, демографические процессы и этническая структура населения Казахстана в первой половине 1920-х годов в значительной степени формировались под воздействием голода 1921–1922 годов, а также в результате административно-территориальных преобразований. При этом массовое миграционное движение, способное существенно изменить характер формирования населения в указанный период становления советской власти, по нашему мнению, зафиксировано не было. Отчасти исключение составляют украинские переселенцы, чья миграционная активность в направлении Акмолинской и Семипалатинской губерний была обусловлена началом реализации Столыпинской аграрной реформы. В целом же существенного притока населения из европейской части РСФСР на территорию Казахстана в рассматриваемое время не наблюдалось; напротив, имели место процессы миграционного оттока.

Для подтверждения данной позиции обратимся к данным Всесоюзной переписи населения 1926 года. (см. табл. 1.1).

¹⁰ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. А. П. Ненарокова. М. 1990. С. 261–262.

¹¹ Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан: ТОО «Шанырак-Медиа». 2020. С. 227–231.

Таблица 1.1 Численность и этнический состав населения КАСР по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. (тыс. человек)

Губернии	все население		казахи		русские		Немцы		украинцы		другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	6198,0	100	3627,5	58,5	1275,8	20,6	51,1	0,8	860,0	13,9	383,6	6,2
Акмолинская	1211,6	100	430,8	35,6	394,1	32,5	21,2	1,7	312,3	25,8	53,2	4,4
Актюбинская	468,3	100	320,0	68,3	43,8	9,3	1,7	0,4	88,4	18,9	14,4	3,1
Джегтысуйская	887,8	100	563,1	63,4	144,0	16,2	0,5	0,1	88,9	10,0	91,3	10,3
Семипалатинская	1310,2	100	714,6	54,5	399,3	30,5	11,9	0,9	140,2	10,7	44,2	3,4
Сырдарьинская	1157,2	100	876,2	75,7	82,4	7,1	4,4	0,4	43,2	3,7	151,0	13,0
Уральская	638,0	100	467,9	73,3	127,4	20,0	0,6	0,1	25,4	4,0	16,7	2,6
Адаевский уезд	135,6	100	131,5	97,0	2,1	1,5	0,0	0,0	0,8	0,6	1,2	0,9
Кустанайский округ	389,3	100	123,4	31,7	82,7	21,2	10,8	2,8	160,8	41,3	11,6	3,0

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская ССР. Т. 8. М. 1928. С. 15–46, 126–153.

В 1926 году доля некоренного (неказахского) населения в общей численности населения Казахстана по сравнению с 1920 годом снизилась на 11 %, при этом доля русских уменьшилась на 13,8 %.

Одновременно наблюдался рост удельного веса казахского населения на 11 %. Подобная этнодемографическая динамика обусловлена, прежде всего, территориально-административными преобразованиями, проведенными в контексте размежевания республик Средней Азии, в результате чего в состав Казахстана были включены преимущественно территории, населенные казахами. В то же время из состава республики была выведена Оренбургская губерния, на территории которой преобладало русское население (более 70 %), что также существенно повлияло на изменение этнического баланса в республике.

Потери казахского населения в 1930-е гг. Проблема голода 1930-х годов и сопряженные с ним демографические потери казахского этноса продолжают оставаться одной из ключевых и дискуссионных тем в отечественной историографии. Среди казахстанских историков и демографов отсутствует консенсус относительно точного количества казахов, пострадавших в результате голода. В связи с этим представляется целесообразным изложить собственные расчеты, проведенные на основе методологии, подробно изложенной в монографии «Казахи в контексте демографической истории»¹².

Согласно полученным данным, совокупные потери казахского населения в 1930-е годы составили 1 839,4 тыс. человек, что эквивалентно 47,3% общей численности казахского этноса на 1930 год. При этом важно подчеркнуть, что указанные потери включают не только умерших от голода, но и репрессированных, насильственно депортированных, а также лиц, покинувших территорию республики вследствие вынужденной миграции, то есть отражают совокупные демографические утраты казахского народа в рассматриваемый период.

Большое значение, на наш взгляд, имеют региональные особенности последствий голода. С этой целью в сопоставимый вид были приведены административные границы Казахстана в 1926 и 1939 гг.¹³ Республика была разделена на пять экономических районов. К Западному району по административному делению 1939 года относились Гурьевская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области (см. табл. 1.2).

Южный район включал Джамбульскую, Кзыл-Ординскую, Южно-Казахстанскую и Алма-Атинскую области. Центральный район представляла Карагандинская область. Северный район охватывал Акмолинскую, Павлодарскую, Кустанайскую и Северо-Казахстанскую области, Восточный – Семипалатинскую и Восточно-Казахстанскую области (см. табл. 1.2).

¹² Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан: ТОО «Шанырак-Медиа». 2020. 400 с.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.8. Казакская АССР. – М., 1928. – С. 15–16, 126–159; ГАРФ. Ф. 1562. Оп 336. Л. 388–402.

Таблица 1.2 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1939 г.¹⁴
(тыс. человек)

Области	все насел.		казахи		русские		немцы		украинцы		другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	6151,0	100	2327,7	37,8	2458,7	40,0	92,6	1,5	658,3	10,7	613,7	10,0
Актюбинская	339,1	100	165,9	48,9	82,0	24,2	1,6	0,5	68,4	20,2	21,2	6,2
Алма-Атинская	568,2	100	211,7	37,3	235,9	41,5	6,3	1,1	39,0	6,9	75,3	13,2
Акмолинская	458,5	100	120,5	26,3	207,9	45,3	10,1	2,2	81,8	17,8	38,2	8,3
ВКО	538,2	100	116,1	21,6	369,8	68,7	4,0	0,7	27,3	5,0	21,6	4,0
Гурьевская	268,1	100	183,4	68,4	65,4	24,4	0,5	0,2	6,0	2,2	12,8	4,8
Джамбулская	321,6	100	149,6	46,5	97,6	30,3	2,7	0,8	31,1	9,7	40,6	12,6
Карагандинская	418,3	100	136,5	32,6	190,0	45,4	14,8	3,5	40,2	9,6	36,8	8,8
Кзыл-Ординск.	328,1	100	200,0	61,0	67,5	20,6	0,6	0,2	10,3	3,1	49,7	15,1
Кустанайская	367,9	100	117,3	31,9	118,1	32,1	9,8	2,7	104,0	28,3	18,7	5,0
Павлодарская	251,3	100	101,4	40,4	86,4	34,4	6,6	2,6	45,4	18,1	11,5	4,5
СКО	541,5	100	106,7	19,7	277,3	51,2	23,0	4,2	73,9	13,7	60,6	11,2
Семипалатин.	378,6	100	137,0	36,2	185,8	49,1	4,1	1,1	29,0	7,7	22,7	5,9
ЗКО	395,6	100	206,5	52,2	138,7	35,1	1,7	0,4	27,6	7,0	21,1	5,3
ЮКО	745,5	100	349,5	46,9	169,8	22,8	6,1	0,8	57,5	7,7	162,6	21,8
г. Алма-Ата	230,5	100	25,6	11,1	166,4	72,2	0,8	0,3	16,7	7,2	21,0	9,1

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 388–402.

¹⁴ Данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. полностью не опубликованы до настоящего времени. Материалы переписи отложились в архивах ГАРФ и ЦГАРК. Но если в ГАРФ данные представлены по переписным листам, то в ЦГАРК – в пересчете на административно-территориальное деление Казахстана в 1959 г. В связи с этим сведения о численности и национальном составе населения республики в разных источниках отличаются, иногда весьма существенно. Для определения численности и национального состава населения мы использовали переписные листы, хранящиеся в ГАРФ.

Наиболее значительные демографические потери среди казахского населения пришлось на восточные регионы республики.

Здесь численность этноса сократилась на 379,4 тыс. человек, что составило 64,5% от общей численности казахов в 1930 году. В восточных областях наблюдалась интенсивная миграция в пограничные районы Китая и России, что еще более усугубило демографический кризис.

Северный Казахстан потерял более половины казахского населения – 410,1 тыс. человек, или 52,3% этноса. В Западном регионе численность сократилась на 394,7 тыс. человек (45,0%), в Южном – на 632,7 тыс. человек (42,9%). Центральный Казахстан понес относительно меньшие потери по сравнению с другими регионами – 22,5 тыс. человек, что составляет 15,6% населения этнической группы на данной территории. Более низкий процент утрат в центральных областях объясняется частичной компенсацией за счет внутренней миграции казахского населения из других регионов страны.

В 1930-е годы Центральный Казахстан отличался относительно более благоприятными социально-экономическими условиями: здесь формировался Карагандинский угольный бассейн, обеспечивавший население продовольственными товарами в большей степени, чем в других областях. Это способствовало более высокой устойчивости местного населения к последствиям демографического кризиса.

Определить количественные параметры потерь среди других этнических групп, населявших Казахстан, представляет значительную сложность, главным образом из-за высокой подвижности этих групп в условиях масштабных миграционных процессов.

Таблица 1.3 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1926 и 1939 гг. (тыс. человек)

Этносы	1926		1939		1939 к 1926 (%)
	численность	%	численность	%	
Все население	6298,0	100	6151,0	100	99,2
Казахи	3637,5	58,5	2327,7	37,8	64,2
Русские	1275,8	20,6	2458,7	40,0	192,7
Украинцы	860,0	13,9	658,3	10,7	76,5
Немцы	51,1	0,8	92,6	1,5	181,2
Другие этносы	254,2	4,1	493,5	8,0	194,1

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.8. Казакская ССР. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 388–402.

С одной стороны, значительное число представителей различных этносов покинуло республику в связи с голодом, с другой – имела место целенаправленная государственная политика по привлечению миграционного потока с целью компенсации демографических потерь. В результате, уже к концу 1930-х годов наблюдается заметный рост как абсолютной численности, так и удельного веса некоренного (неказахского) населения в этнической структуре населения Казахстана (см. табл. 1.3).

Население Казахстана в годы Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война оказала глубокое воздействие на демографические процессы в Казахстане. Из 1,2 миллиона мобилизованных погибло более 600 тыс. человек, включая около 130 тысяч казахов¹⁵. Основной демографический прирост в республике в 1940-е годы был связан с миграцией: переселением, депортациями и эвакуацией.

К 1941 году в Казахстане насчитывалось около 110 тыс. переселенцев¹⁶, в последующие годы поступление населения усилилось за счет депортированных (до 988 тыс. к 1953 г.) и около 1,5 млн. эвакуированных¹⁷. В то же время свыше 200 тыс. казахстанцев было направлено на трудовые стройки за пределами республики¹⁸.

Из-за отсутствия переписи 1949 года точная оценка численности и этнического состава затруднена. Согласно имеющимся данным, население Казахстана за десятилетие увеличилось на 3,6%, в основном за счет миграции¹⁹. Численность казахского этноса восстановилась до уровня конца XIX века лишь к концу 1960-х годов.

1.2 Демографический взрыв в 1950–1960-х гг.: генезис, социальные последствия и историческое значение

Период 1950–1960-х годов занимает особое место в историко-демографическом развитии Казахстана, характеризуясь интенсивным социально-экономическим ростом, связанным, прежде всего, с реализацией масштабных государственных программ, таких как освоение целинных и залежных земель, а также индустриализация и промышленный подъем. Указанные преобразования сопровождались значительными и в ряде аспектов противоречивыми демографическими изменениями. В этот период основная масса казахского населения сохраняла традиционную аграрную занятость, в то время как ведущие позиции в индустриально-промышленном секторе занимали специалисты, прибывшие в Казахстан из других союзных республик. Сложившаяся система расселения и особенности социально-экономической деятельности сыграли ключевую роль в формировании демографической тенденции, когда среди казахского населения наблюдался выраженный рост рождаемости, приведший к «демографическому взрыву». Характерным явлением стали многодетные семьи, что обусловило резкое увеличение численности этноса в рассматриваемый период. В то же время представители славянских этнических групп демонстрировали значительно

¹⁵ История Казахстана в пяти томах. Т.4. Алматы: Атамұра. 2010. С. 499.

¹⁶ Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан: ТОО «Шанырак-Медиа». 2020. С. 240–241.

¹⁷ Там же. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 243.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 388–402; Игнатьева Л. Н. Роль миграции в формировании населения Казахстана (1926–1959 гг.). Усть-Каменогорск. 2015. С.158.

более низкий уровень рождаемости, что было обеспечено преимущественно за счет миграционных притоков, инициированных как экономическими потребностями, так и государственной политикой по заселению и индустриальному освоению территорий Казахстана.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала результат этнически различных вариантов демографического развития Казахстана. Согласно данным переписи, абсолютным большинством в составе населения являлись представители «славянских» этнических групп. Удельный вес титульного населения республики составлял лишь 30,0% (см. табл. 1.4).

Таблица 1.4 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1959 г. (тыс. человек)

Области	все население		казахи		русские		немцы		украинцы		др. этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	9294,7	100	2787,3	30,0	3972,0	42,7	659,8	7,1	741,3	8,0	1134,3	12,2
Актюбинская	401,0	100	173,2	43,2	105,2	26,2	28,1	7,0	67,7	16,9	26,8	6,7
Алма-Атинская	433,0	100	145,0	33,5	152,9	35,3	43,3	10,0	14,3	3,3	77,5	17,9
ВКО	734,9	100	139,2	18,9	521,1	70,9	22,7	3,1	17,2	2,3	34,7	4,7
Гурьевская	252,0	100	192,5	76,4	45,3	18,0	1,8	0,7	1,6	0,6	10,8	4,3
Джамбульская	558,6	100	218,9	39,2	175,0	31,3	37,8	6,8	36,4	6,5	90,5	16,2
Джезказганская	279,0	100	53,4	19,1	132,2	47,4	30,4	10,9	6,8	2,4	56,2	20,1
Карагандинская	743,2	100	142,2	19,1	351,9	47,3	80,6	10,8	71,5	9,6	97,0	13,1
Кзыл-Ординская	327,9	100	236,4	72,1	50,2	15,3	2,9	0,9	4,5	1,4	33,9	10,3
Кокчетавская	491,5	100	90,6	18,4	204,9	41,7	67,7	13,8	60,2	12,2	68,1	13,9
Кустанайская	654,2	100	101,3	15,5	275,9	42,2	78,7	12,0	145,0	22,2	53,3	8,1
Мангистауская	35,8	100	15,6	43,7	14,4	40,3	0,2	0,4	1,3	3,7	4,3	12,0
Павлодарская	455,0	100	116,4	25,6	178,8	39,3	55,1	12,1	65,9	14,5	38,8	8,5
СКО	469,2	100	58,5	12,5	301,8	64,3	35,3	7,6	44,6	9,5	29,0	6,2
Семипалатинская	520,2	100	186,5	35,8	235,0	45,2	43,0	8,3	17,3	3,3	38,4	7,4
Талды-Курганская	480,4	100	157,0	32,7	221,7	46,1	-	-	15,9	3,3	85,8	17,9
Тургайская	126,9	100	44,4	35,0	42,6	33,5	-	-	20,5	16,1	19,4	15,3
Уральская	381,2	100	175,3	46,0	158,2	41,5	2,3	0,6	27,9	7,3	17,5	4,6
Целиноградская	551,7	100	100,2	18,2	236,7	42,9	96,6	17,5	59,2	10,7	59,0	10,7
Чимкентская	906,7	100	398,2	43,9	207,4	22,9	28,3	3,1	40,3	4,4	232,5	25,6
г. Алма-Ата	492,1	100	42,3	8,6	361,4	73,4	3,9	0,8	23,3	4,7	61,2	12,4

Рассчитано по: Источник: Всесоюзная перепись населения 1959 г. ЦГАРК. Ф. 1568. Оп. 21. Д.4.

В демографической истории Казахстана 1950–1960-х годов наблюдается формирование этнически дифференцированных моделей рождаемости, отражающих специфику социально-экономического развития республики в указанный период.²⁰

²⁰ Зимовина Е.П. Динамика численности и этнического состава населения Казахстана во второй половине XX в. // Демоскоп Weekly. 2003. №103–104. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit03.php>; Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, Гылым.

Однако среднереспубликанские показатели, фиксируемые официальной статистикой, не отражали этих различий в полной мере, представляя собой обобщенную и во многом абстрактную картину демографических процессов, нивелирующую этнокультурные и социально-экономические особенности отдельных групп населения.

В связи с этим особую значимость приобретает изучение этнических вариантов рождаемости, формировавшихся в контексте различных социальных практик и уровней экономического развития в Казахстане. Учитывая, что среднестатистические показатели не дают возможности исследовать этнические аспекты рождаемости в этот период, авторами были использованы сведения переписи населения 1989 года о распределении казахских и русских женщин по возрасту и числу рожденных детей, позволяющие осуществить ретроспективный анализ репродуктивного поведения в 1950–1960-е годы.²¹ Существенный статистический материал содержится в многолетних выпусках сборников «Народное хозяйство Казахстана», издававшихся с середины 1950-х годов по 1990 год. Неизменность структуры этих сборников позволяет выявить динамику таких показателей, как состояние здравоохранения, уровень образования, развитие системы культурного и бытового обслуживания населения и др., что, в совокупности с материалами переписей 1959 и 1970 годов, дает возможность увидеть этнически выраженные особенности процессов рождаемости в Казахстане в 1950–1960-е годы.²²

Подходы к оценке демографических процессов указанного периода существенно различаются в советской и постсоветской казахстанской историографии. В советской научной традиции акценты делались преимущественно на достижениях социально-экономического развития республики – освоении целины, строительстве новых городов и промышленных объектов – что интерпретировалось как результат братской помощи союзных республик и притока высококвалифицированных кадров.²³

В постсоветский период исследовательский фокус сместился к изучению динамики численности и этнического состава населения, а также к анализу миграционных процессов.²⁴ Вместе с тем этническая специфика

1991. 193 с.; Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск: Полиграфия. 1999. 158 с.; Алексеенко А. Н. Население Казахстана (1920–1990 гг.). Алматы: «Гылым». 1993. 126 с.

²¹ Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Алма-Ата. 1992.

²² Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.; Федотова В. Г. Типологизация модернизации и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.

²³ Баишев С.Б. Расцвет экономики советского Казахстана // Казахстан в нерушимом союзе братских республик. Алма-Ата. 1972. С. 77–86; Ким И. Бюджет и развитие экономики и культуры Казахстана. Алма-Ата. 1961. 116 с.; Сулейменов Р. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. «Наука», Алма-Ата. 1972. 493 с.

²⁴ Базанова Ф. Н. Влияние межреспубликанской миграции на динамику численности и национальный состав населения Советского Казахстана (1920–1979 гг.) //

воспроизводства, за редким исключением,²⁵ остается малоразработанной, что делает ее исследование актуальным направлением для дальнейших демографических и историко-социологических изысканий.

Межреспубликанская миграция в 1950-1960-е гг. В 1950–1960-е годы межреспубликанские миграции оказали значительное воздействие на демографическую динамику и трансформацию этнической структуры населения Казахстана. Масштабные миграционные потоки, обусловленные как социально-экономическими потребностями, так и целенаправленной государственной политикой по заселению и индустриальному освоению республики, стали одним из ключевых факторов роста численности населения. Согласно статистическим данным, к 1970 году численность населения Казахской ССР практически удвоилась по сравнению с 1950 годом, увеличившись с 6522,0 тыс. до 13 008,7 тыс. человек вследствие интенсивного миграционного притока из других союзных республик, преимущественно из РСФСР, Украины и Белоруссии.²⁶

Рост численности населения Казахстана в 1950–1960-е годы в значительной степени был обусловлен масштабным миграционным притоком из других союзных республик, инициированным крупными государственными программами, прежде всего, освоением целинных и залежных земель, а также активным индустриальным развитием региона. Эти процессы превратили Казахстан в один из ключевых центров притяжения трудовых ресурсов в Советском Союзе. Положительное сальдо межреспубликанской миграции сохранялось вплоть до 1968 года, обеспечивая устойчивый прирост населения за счет притока переселенцев, преимущественно из РСФСР, Украины и Белоруссии. Наибольшее влияние миграционные процессы оказали на демографическую динамику в середине 1950-х годов. Так, в 1954–1955 годах

Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане в XIX – XX вв.: тезисы докладов и сообщений. Целиноград, 1991. С. 45–48; Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки. Алма-Ата: Наука. 1978. 143 с.; Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата: Наука. 1989. 125 с.; Игнатъева Л. Н. Регулирование трудовой миграции в Казахской ССР в 50-е годы XX в. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XVIII Международной научно–практической конференции. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс». 2019. С. 143–152.

²⁵ Аубакирова Ж. С. Воспроизводство населения Казахстана: этнорегиональный аспект. Усть-Каменогорск. 2010. 190 с.; Асылбеков М.Х., Козина В. В. Казахи (демографические тенденции 80-90-х гг.). Алматы: Оркениет. 2000. 144 с.; Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С. Население Казахстана в 50-80-е годы XX в.: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16. №8. С. 127–144.; Сарсембаева Г.А., Омырзак Т.Е., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О. Исторические предпосылки формирования казахстанской модели рождаемости: середина XX – начало XXI вв. // Вопросы истории. 2022. №10 (2). С. 174–185.

²⁶ Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата. 1991. С.7-11.

миграции обеспечили 42,2 % прироста населения республики, а уже в 1955–1956 годах данный показатель достиг 61,2 %, что свидетельствует о пиковых темпах миграционного прироста в рамках целинной кампании.

В целом, за десятилетие 1950–1959 годов положительное сальдо миграции составило 777,8 тыс. человек, что подчеркивает исключительную роль миграционных процессов в формировании демографического облика Казахстана в послевоенный период и в становлении его как индустриально-аграрной республики с полиэтническим составом населения (см. рис. 1,1; прил. 1, табл. 1). На карте республики появились девять новых городов и тридцать рабочих поселков.²⁷ В то же время, по данным переписи населения 1959 г. удельный вес казахов в составе населения Казахской ССР снизился до 30% (см. табл. 1.6).

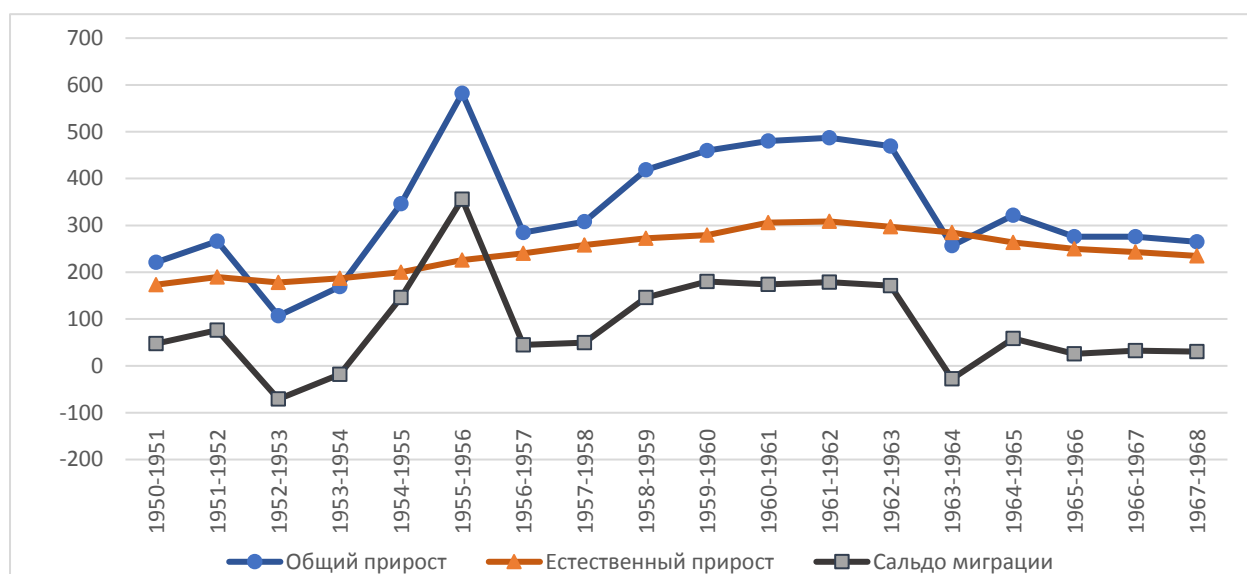

Рисунок 1.1 Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1950–1968 гг., тыс. человек

Рассчитано по: Население СССР. 1975. С. 74; Население СССР. 1987. С. 10; Демографический ежегодник. 1990. С. 93.

Тенденции социально-экономического, демографического развития Казахстана, оформившиеся в 1950-е гг., сохранились и в 1960-е гг., особенно в первой их половине. Темпы роста промышленности в Казахстане в 1960-е годы существенно превышали средние показатели по СССР. За десятилетие было введено в эксплуатацию 503 крупных государственных промышленных предприятия,²⁸ активно развивалась транспортная инфраструктура, построено 33 города и 52 рабочих поселка.²⁹ Как и в 1950-е годы, индустриализация в

²⁷ Казахская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 г. / Сост. Ю.А. Подосенов. Алма-Ата: Казахстан. 1989. С 5–200.

²⁸ Александров Ю. Г. Казахстан перед барьером модернизации. М.: Институт востоковедения РАН. 2013. С.19–20.

²⁹ Казахская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 г. / Сост. Ю.А. Подосенов. Алма-Ата: Казахстан. 1989. С 5–200.

основном осуществлялась за счет трудовых ресурсов, прибывавших из других союзных республик. В 1960–1968 гг. положительное сальдо межреспубликанской миграции составило 823,8 тыс. человек. (см. прил. 1, табл. 1). Одной из причин масштабной миграции стало отсутствие прочных экономических связей между новыми городами и местным сельским населением. По мнению Н. Масанова, казахское население в тот период в целом было не подготовлено к условиям и требованиям промышленного производства.³⁰

В связи с этим дефицит рабочей силы восполнялся за счет привлечения специалистов из других союзных республик. Итоги демографического развития Казахстана в 1960-е годы были зафиксированы переписью населения 1970 года (см. табл. 1.5).

Таблица 1.5 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1970 г. (тыс. человек).

Области	все население		казахи		русские		немцы		украинцы		другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	13008,7	100	4234,2	32,5	5521,9	42,4	858,1	6,6	933,5	7,2	1461,0	11,2
Актюбинская	550,6	100	261,6	47,5	145,2	26,4	31,5	5,7	77,1	14,0	35,2	6,4
Алма-Атинская	696,7	100	249,9	35,9	243,1	34,9	51,5	7,4	16,8	2,4	135,4	19,4
ВКО	845,3	100	195,9	23,2	587,5	69,5	21,7	2,6	15,9	1,9	24,3	2,9
Гурьевская	340,3	100	240,0	70,5	76,3	22,4	1,9	0,5	6,0	1,8	16,1	4,7
Джамбульская	792,3	100	322,8	40,7	256,2	32,3	66,4	8,4	36,5	4,6	110,4	13,9
Джезганская	411,4	100	145,2	35,3	166,6	40,5	24,4	5,9	37,7	9,2	37,5	9,1
Карагандинская	1145,8	100	144,7	12,6	620,8	54,2	122,1	10,7	115,4	10,1	142,8	12,5
Кзыл-Ординская	494,4	100	346,4	70,1	91,8	18,6	3,1	0,6	11,0	2,2	42,1	8,5
Кокчетавская	589,2	100	133,7	22,7	238,0	40,4	75,5	12,8	64,7	11,0	77,3	13,1
Кустанайская	889,6	100	137,6	15,5	408,1	45,9	90,4	10,2	169,5	19,1	84,0	9,4
Мангистауская	159,2	100	72,1	45,3	60,0	37,7	0,6	0,4	7,5	4,7	19,0	11,9
Павлодарская	697,9	100	175,7	25,2	310,0	44,4	73,6	10,5	85,8	12,3	52,8	7,6
СКО	555,8	100	83,1	14,9	352,7	63,5	37,6	6,8	44,9	8,1	37,5	6,7
Семипалатинская	717,6	100	313,0	43,6	294,0	41,0	47,4	6,6	19,0	2,6	44,2	6,1
Талды-Курганск.	606,3	100	250,4	41,3	247,6	40,8	34,6	5,7	12,6	2,1	61,1	10,1
Тургайская	221,4	100	71,9	32,5	74,6	33,7	11,5	5,2	33,6	15,2	29,8	13,4
Уральская	513,1	100	253,1	49,3	197,2	38,4	4,1	0,8	32,0	6,2	26,7	5,2
Целиноградская	754,9	100	141,1	18,7	349,2	46,3	99,8	13,2	79,2	10,5	85,6	11,3
Чимкентская	1284,9	100	604,9	47,1	282,5	22,0	46,4	3,6	37,4	2,9	313,7	24,4
г. Алма-Ата	747,1	100	92,4	12,4	522,2	69,9	15,1	2,0	31,4	4,2	86,0	11,5

Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–70.

³⁰ Масанов Н. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. Отв. ред. Г.Витковская. М., 1998. С. 60–61.

Межреспубликанские миграционные процессы оказали значительное влияние на динамику численности, систему расселения и этническую структуру населения Казахстана. В период с 1959 по 1970 годы численность населения республики возросла на 40%, при этом численность русских увеличилась на 39%, украинцев – на 22,6%, а представителей других этнических групп – на 30,7 %. (см. табл. 1.6).

Таблица 1.6 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 гг. (тысяч человек)

Этносы	1959		1970		1970 к 1959 (%)
	численность	%	численность	%	
Все население	9294,7	100	13008,7	100	140,0
городское	4067,2	100	6538,6	100	131,6
сельское	4327,5	100	6470,1	100	149,5
Казахи	2787,3	30,0	4234,2	32,5	151,9
городское	678,5	16,7	1115,3	17,0	164,4
сельское	2108,8	48,7	3118,9	48,2	147,9
Русские	3972,0	42,7	5521,9	42,4	139,0
городское	2343,3	57,6	3818,3	58,4	162,9
сельское	1628,7	37,6	1703,6	26,3	104,6
Украинцы	761,4	8,2	933,5	7,2	122,6
городское	307,0	7,5	501,3	7,7	163,3
сельское	454,4	10,5	432,2	6,7	95,1
другие этносы	1774,0	19,1	2319,1	17,9	130,7
городское	738,4	18,2	1103,7	16,9	149,5
сельское	1035,6	23,9	1215,4	18,8	117,4

Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата. 1991. С.7-11.

Несмотря на высокую миграционную активность из-за пределов республики, наибольшие темпы роста в 1959–1970 годах демонстрировало казахское население. К 1970 году численность казахов увеличилась на 51,9 % (в среднем 4,7 % в год), что стало рекордным показателем за всю историю этноса. В значительной мере этот рост объясняется миграционными перемещениями, преимущественно из Китая. В результате как плановых переселений, так и массового бегства через границу в конце 1950-х – начале 1960-х годов на территорию СССР прибыло 229,8 тыс. жителей Китая.³¹

В период 1959–1963 годов в Казахстан было репатриировано 165,9 тыс. человек, среди которых одну часть составляли представители русской этнической группы.³² Даже при условии, что все прибывшие в Казахстан в

³¹ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2007. 218 с.

³² Алтаев А. Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. Учебное пособие для вузов. Алматы, «Бастау». 2008. С. 196,198.

рамках миграции и репатриации в 1959–1963 гг. были этническими казахами, их вклад в общий прирост численности казахского населения был незначительным. Между переписями 1959 и 1970 гг. число казахов увеличилось на 1 446,9 тыс. человек, что свидетельствует о доминирующей роли естественного прироста в демографической динамике этноса в этот период.

Эта тенденция стала еще более выраженной в 1970-е годы. Устойчивый миграционный отток представителей европейских этнических групп и высокие показатели естественного прироста среди казахского населения привели к заметным изменениям в этнической структуре республики. Согласно переписи 1979 года, удельный вес казахов увеличился до 36,0 %, тогда как доля русских снизилась до 40,8 % (см. табл. 1.7).

Таблица 1.7 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1979 г. (тыс. человек)

Области	все население		казахи		русские		украинцы		немцы		другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	14684,3	100	5289,3	36,0	5991,2	40,8	898,0	6,1	887,4	6,1	1618,4	11,0
Актюбинская	630,4	100	328,4	52,1	158,3	25,1	74,8	11,9	30,1	4,9	38,8	6,2
Алма-Атинская	836,1	100	315,4	37,7	281,6	33,7	17,1	2,0	60,2	7,2	161,8	19,3
ВКО	878,9	100	223,3	25,4	594,7	67,7	15,9	1,8	21,4	2,4	23,6	2,7
Гурьевская	373,6	100	285,1	76,3	68,0	18,2	3,9	1,0	1,7	0,4	14,9	4,0
Джамбульская	930,0	100	410,0	44,1	282,4	30,4	36,0	3,9	69,4	7,5	132,2	14,2
Джезказганская	449,2	100	184,3	41,0	172,9	38,5	31,0	6,9	23,7	5,3	37,3	8,3
Карагандинская	1260,3	100	186,0	14,8	686,2	54,4	112,5	8,9	130,9	10,4	144,7	11,5
Кзыл-Ординская	562,2	100	428,0	76,1	86,1	15,3	12,6	2,2	2,2	0,4	33,3	5,9
Кокчетавская	616,1	100	161,8	26,3	249,1	40,4	58,5	9,5	76,4	12,4	70,3	11,4
Кустанайская	942,9	100	156,2	16,6	444,3	47,1	162,2	17,2	94,6	10,0	85,6	9,1
Мангистауская	248,8	100	108,3	43,5	99,9	40,2	9,3	3,8	1,1	0,4	30,2	12,1
Павлодарская	807,2	100	216,1	26,8	370,9	45,9	83,2	10,3	81,5	10,1	55,5	6,9
СКО	572,7	100	95,3	16,6	363,1	63,4	39,9	7,0	37,6	6,6	36,8	6,4
Семипалатинская	777,2	100	372,7	44,1	304,3	39,1	20,3	2,6	44,1	5,7	35,8	4,6
Талды-Курганск.	659,1	100	303,8	46,1	244,8	37,1	11,0	1,7	35,6	5,4	63,9	9,7
Тургайская	270,2	100	99,5	36,8	85,9	31,8	35,0	13,0	-	-	49,8	18,4
Уральская	585,5	100	301,6	51,5	217,7	37,2	32,1	5,5	4,7	0,8	29,4	5,0
Целиноградская	809,4	100	167,8	20,7	380,6	47,0	72,6	9,0	102,7	12,7	85,7	10,6
Чимкентская	1565,0	100	797,8	51,0	300,4	19,2	34,8	2,2	50,7	3,2	381,3	24,4
г. Алма-Ата	915,0	100	152,6	16,7	600,4	65,6	35,2	3,8	18,6	2,0	08,2	11,8

Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата. 1991. С. 7–70.

В 1980-е годы демографическое развитие Казахстана приобрело устойчивый характер, окончательно сформировав новую тенденцию в этнической структуре населения. В результате, по данным переписи населения 1989 года, казахи впервые за долгий период стали самой многочисленной этнической группой, составляя относительное большинство населения республики (см. табл. 1.8).

Таблица 1.8 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписи населения 1989 г. (тыс. человек)

Область	все население		казахи		русские		украинцы		немцы		др. этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	16464,5	100	6534,6	39,7	6227,5	37,8	956,2	5,8	957,5	5,8	1788,7	10,9
Актюбинская	732,7	100	407,2	55,6	173,3	23,6	74,5	10,2	31,6	4,3	46,1	6,2
Алма-Атинская	977,4	100	406,8	41,6	294,2	30,1	18,5	1,9	61,3	6,3	196,6	20,1
ВКО	931,3	100	253,7	27,2	613,4	65,9	16,2	1,7	22,8	2,4	25,2	2,7
Гурьевская	424,7	100	339,0	79,8	63,7	15,0	3,7	0,9	1,4	0,3	16,9	4,0
Джамбульская	1038,7	100	507,3	48,8	275,4	26,5	33,9	3,3	70,2	6,7	151,9	14,6
Джезказганская	493,6	100	227,4	46,1	172,3	34,9	29,5	6,0	24,2	4,9	40,2	8,1
Карагандинская	1347,6	100	231,8	17,2	703,6	52,2	167,1	12,4	143,5	10,6	101,6	7,5
Кзыл-Ординская	645,0	100	512,0	79,4	86,0	13,3	11,5	1,8	2,1	0,3	33,4	5,2
Кокчетавская	662,1	100	191,3	28,8	261,8	39,5	55,6	8,4	82,0	8,4	71,4	10,8
Кустанайская	1051,8	100	183,6	17,4	494,2	47,0	166,0	15,6	107,4	10,2	100,6	9,6
Мангистауская	324,2	100	165,0	50,9	106,8	32,9	10,2	3,1	1,1	0,4	41,1	12,7
Павлодарская	942,3	100	268,5	28,5	426,8	45,4	86,7	9,2	95,3	10,1	65,0	6,9
СКО	599,7	100	111,6	18,6	372,3	62,1	38,1	6,3	39,3	6,5	38,4	6,4
Семипалатинская	834,4	100	432,8	51,9	300,5	36,0	19,5	2,3	44,1	5,3	37,5	4,5
Талды-Курганская	716,1	100	360,5	50,3	235,3	32,9	12,2	1,7	5,3	4,9	102,8	14,4
Тургайская	301,4	100	127,0	42,1	87,4	29,0	32,7	10,8	14,4	4,8	39,9	13,2
Уральская	629,5	100	351,1	55,8	216,5	4,4	28,1	4,5	4,6	0,7	29,2	4,6
Целиноградская	872,3	100	193,7	22,2	400,9	46,0	73,7	8,4	112,3	12,9	91,7	10,5
Чимкентская	1818,3	100	1012,3	55,7	278,5	15,3	33,0	1,8	44,5	2,4	450,0	24,7
г. Алма-Ата	1121,4	100	252,1	22,5	663,3	59,1	45,6	4,1	20,1	1,8	140,3	12,5

Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата. 1991. С. 7–70.

Этнические особенности рождаемости. Определить этническую специфику процессов воспроизводства населения Казахстана в 1950–1960-е годы затруднительно из-за отсутствия детализированных данных по отдельным этническим группам. Официальная статистика того периода охватывает все население республики в целом, что позволяет зафиксировать лишь общие демографические тенденции. Согласно представленным данным (см. прил. 1, табл. 2), в 1950-е годы наблюдались высокие темпы естественного прироста, достигшие максимального значения в 1960 году – 30,6%. Это стало возможным благодаря существенному снижению общего коэффициента смертности – с 11,7% в 1950 году до 6,6% в 1960 году – при сохранении высоких показателей рождаемости.

Однако в 1960-е годы началось снижение общего коэффициента рождаемости: с 37,2% в 1960 году до 23,4% в 1970 году. В результате этого естественный прирост населения также сократился – с 30,6% до 17,4% в течение десятилетия (см. рис. 1.2.; прил. 1, табл. 2).

Приведенные данные на первый взгляд свидетельствуют о достаточно быстром прохождении Казахстаном фаз демографического перехода и формировании модели воспроизводства, приближающейся к «европейскому»

типу, для которого характерны стабильно снижающиеся показатели рождаемости. Этот вывод в определенной степени подтверждается и динамикой возрастных коэффициентов рождаемости, которые демонстрируют тенденцию к сокращению практически во всех возрастных группах. Наряду с этим наблюдается уменьшение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), что указывает на постепенное снижение репродуктивной активности населения и подтверждает начавшуюся трансформацию традиционной демографической модели (см. рис. 1.3; прил. 1, табл.3).

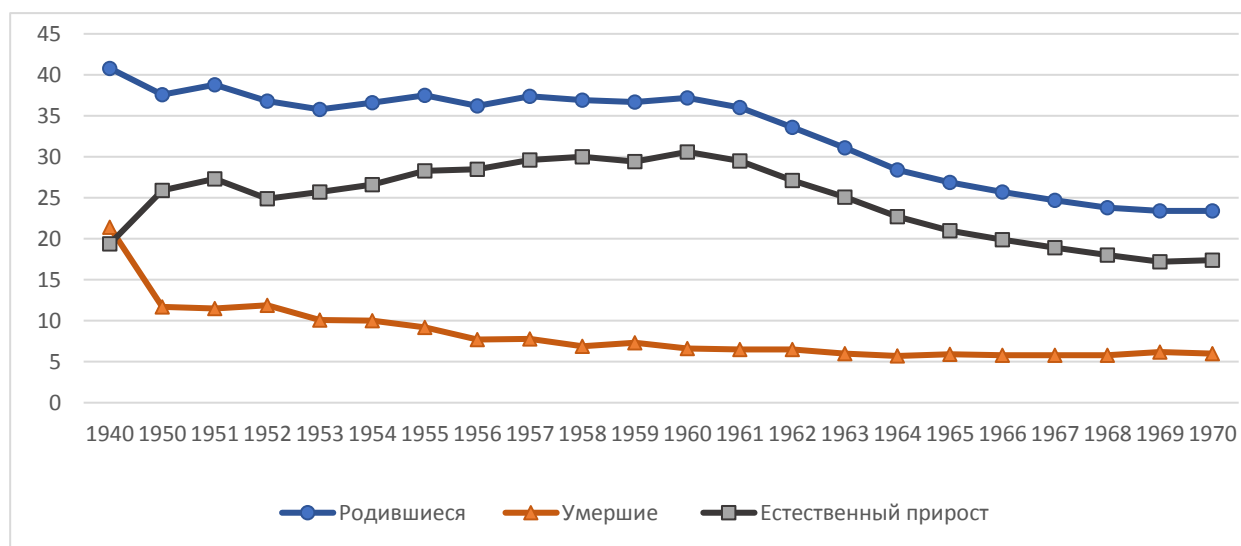

Рисунок 1.2 Воспроизводство населения Казахстана в 1950–1970 гг. (на 1000 населения)

Рассчитано по: *Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Ст. сб. М., 1975. С.74.*

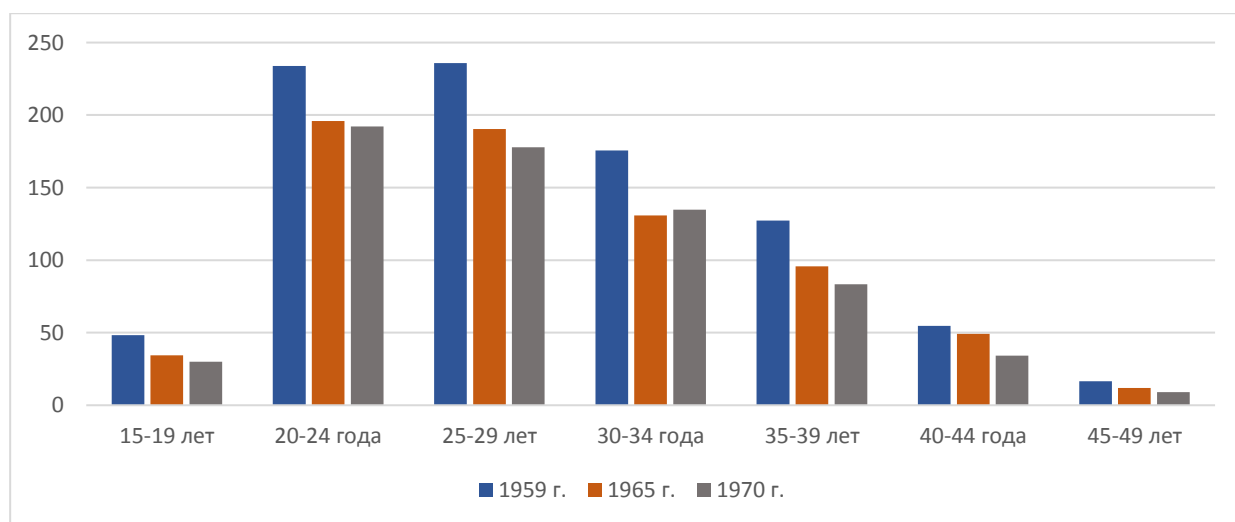

Рисунок 1.3. Возрастные коэффициенты рождаемости в 1959–1970 гг. (на 1000 населения)

Рассчитано по: *Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сборник. Алма-Ата: Казахстан. 1988. С.189.; Народное хозяйство Казахстана в 1968 г. Статистический сборник. Алма-Ата. 1970. С.9.*

Среднестатистические показатели, применяемые к полиэтнической республике, каковой являлся Казахстан в 1950–1960-е годы, не отражают реального характера демографических процессов и зачастую искажают их интерпретацию. В частности, стремительный рост численности казахского населения не может быть адекватно объяснен с позиций усредненных общереспубликанских данных, которые сглаживают этнические различия в воспроизводственном поведении.

Во многом направление демографических изменений в сторону «европейской» модели воспроизводства, наблюдаемое в 1960-е годы, определялось этнической структурой возрастно-половой пирамиды населения (см. рис. 1.4; прил. 1, табл. 4). В 1950–1970-е годы основная доля женщин, находившихся в наиболее активном репродуктивном возрасте, приходилась на поколения 1920–1944 годов рождения (т. е. женщин в возрасте 45 лет и старше по состоянию на 1989 г.). При этом численность русских женщин данной возрастной когорты составляла 1020,5 тыс. человек, что почти вдвое превышало численность казахских женщин – 540,3 тыс. человек.

Такая демографическая структура оказывала значительное влияние на усредненные показатели рождаемости, формируя иллюзию общереспубликанского перехода к «европейскому» типу воспроизводства, несмотря на сохранявшуюся высокую репродуктивную активность среди казахского населения.³³ Можно обоснованно предположить, что уровень рождаемости среди русских женщин в рассматриваемый период был значительно ниже, чем среди казахских женщин, что и оказало существенное влияние на усредненные демографические показатели.

Опосредованное подтверждение различий в репродуктивном поведении дает анализ особенностей расселения казахского и русского населения. Согласно переписи 1959 года, русские составляли 57,6 % городского населения, а в 1970 году – 58,4 %. В то же время удельный вес казахов в городской среде оставался значительно ниже: 16,7 % в 1959 году и 17,0 % в 1970 г. Соответственно, в сельской местности казахи преобладали и составляли: 83,3 % в 1959 году и 83,0 % в 1970 году.

Несмотря на то, что численность казахского городского населения за 1959–1970 гг. выросла на 64,4 %, этот прирост обусловлен так называемым «эффектом малых величин» и не должен вводить в заблуждение относительно реальной доли казахов в городском приросте: она составила лишь 17,7 %, тогда как доля русских – 59,7 %. Кроме того, значительную часть городского населения составляли жители рабочих поселков, особенно в южных регионах, где большинство населения составляли казахи. Образ жизни в таких поселках сохранял сельские черты, что нивелировало различия между показателями рождаемости городского и сельского населения.

³³ Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Республиканский информационно-издательский центр. Алма-Ата. 1992. С.360-361.

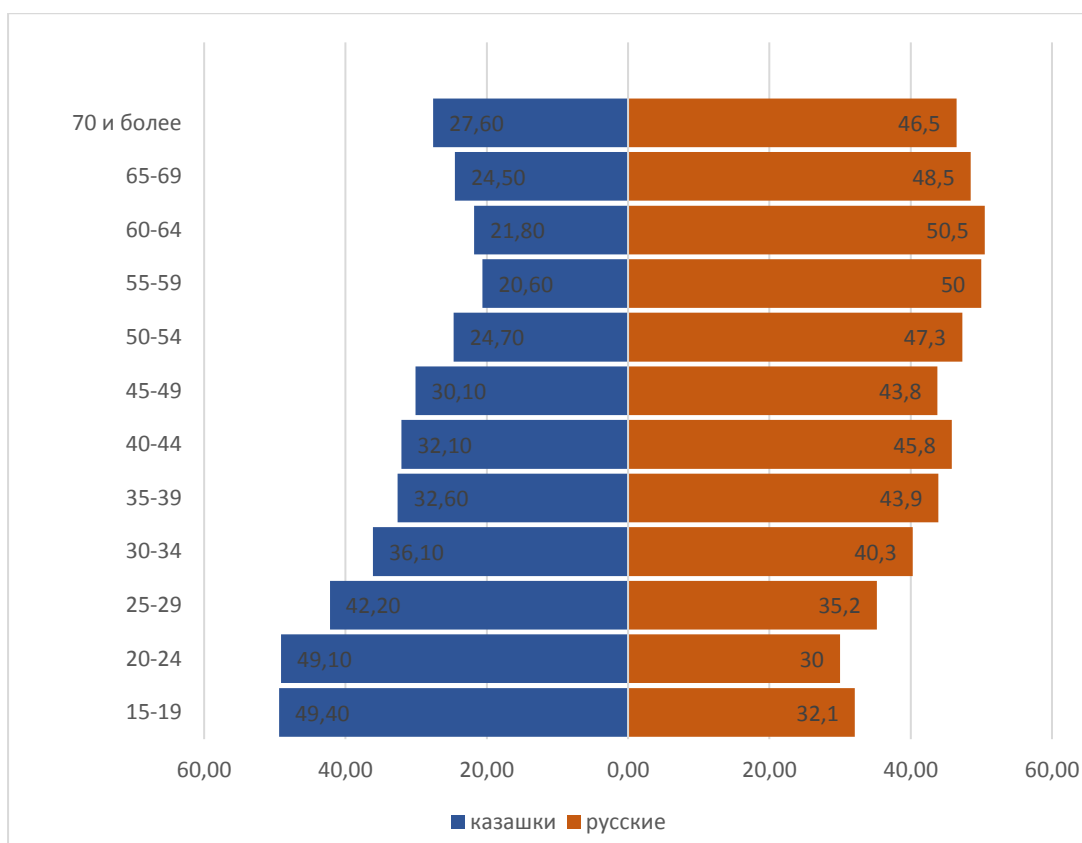

Рисунок 1.4 Возрастная структура казахских и русских женщин в возрасте 15 лет и старше в 1989 г. (%)

Рассчитано по: Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. Итоги ВПН 1989г. Том 2. Алма-Ата. 1992. С. 357–361.

Таким образом, статистически казахи учитывались как часть городского населения, однако сохраняли сельскую модель рождаемости, в то время как русские, в большей степени интегрированные в урбанизированную среду, демонстрировали более низкий уровень рождаемости.³⁴

Особенностью сельского образа жизни казахского населения, как отмечает Ж. Б. Абылхожин, было сохранение в условиях советской аграрной периферии родоплеменной структуры и традиционалистских форм социальных отношений. Вопреки модернизационным процессам, охватывавшим другие сферы советского общества, сельская среда казахов во многом сохраняла такие элементы общественного устройства, которые способствовали воспроизводству традиционной модели демографического поведения с высокими показателями рождаемости и преобладанием многодетных семей.³⁵ Именно по этой причине рождаемость в сельской

³⁴ Численность населения Казахской ССР по областям, городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1990 г. Алма-Ата. 1990. С. 5–12.; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 182–183.

³⁵ Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы. 2019. С.162.

местности существенно превышала показатели, зафиксированные в городских поселениях. Статистические данные подтверждают значительное различие в показателе «среднее число рождений детей на одну женщину» между городским и сельским населением, особенно в возрастной группе 45–59 лет, это по данным переписи 1989 года – поколение, чья наивысшая репродуктивная активность пришлась на 1950–1960-е годы. Так, среди женщин в возрасте 45–49 лет данный показатель в сельской местности был выше в 2,1 раза по сравнению с городом, в возрастной группе 50–54 лет – в 1,9 раза и т. д. (см. прил. 1, табл. 5).

Эти различия наглядно свидетельствуют о устоявшемся влиянии традиционного сельского уклада жизни, особенно характерного для казахского населения, на репродуктивное поведение и сохранение высоких показателей рождаемости.

Более точное представление об этнических особенностях демографических процессов дают данные, позволяющие провести сравнительный анализ среднего числа детей, рожденных казахскими и русскими женщинами. Существенная разница между этими группами начинает проявляться уже с возрастной категории 30–34 лет и достигает наибольших значений в возрастной группе 45 лет и старше. Поскольку женщины этой возрастной когорты к моменту переписи 1989 года, как правило, завершили свой репродуктивный цикл, соответствующие показатели можно рассматривать как окончательные, отражающие суммарную рождаемость поколений (см. рис. 1.5; прил. 1, табл. 6).

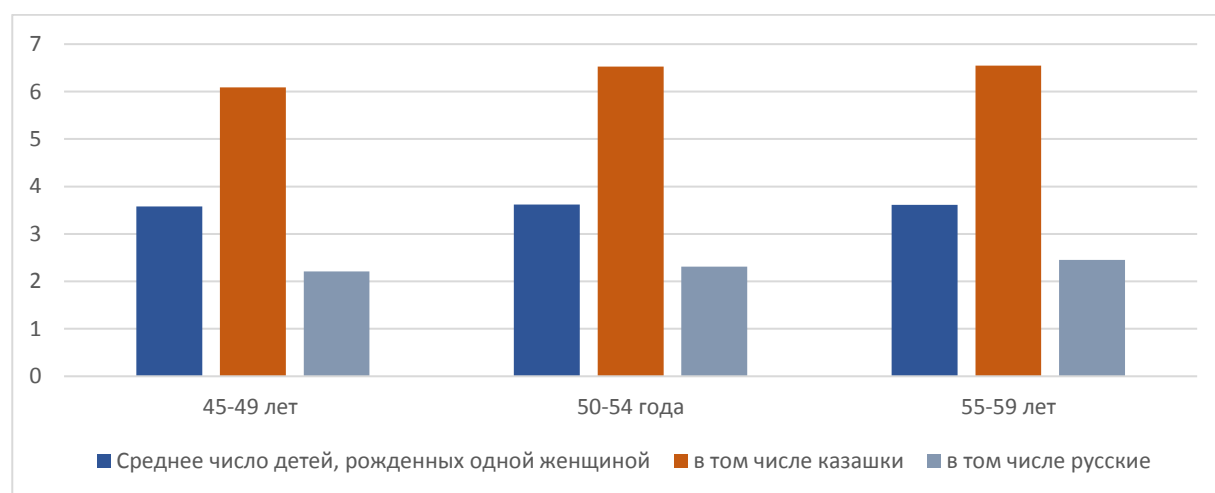

Рисунок 1.5 Распределение казахских и русских женщин по возрасту и числу рожденных детей по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Том 2. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр. 1992. С.357, 360–361.

Существенные различия в репродуктивном поведении казахских и русских женщин особенно отчетливо проявляются в возрастной группе 50–54 лет. Согласно данным, среднее число детей, рожденных казахской женщиной в этой когорте, в 2,8 раза превышает аналогичный показатель у русских

женщин; в группе 55–59 лет – в 2,7 раза (см. приложение 1, табл. 6). В целом, среди женщин в возрасте 45–64 лет на момент переписи 1989 года – то есть среди тех, чья основная репродуктивная активность пришлась на 1950–1960-е годы – среднее число детей, рожденных одной казахской женщиной, составляло 6,30, тогда как у русской женщины – лишь 2,38. При этом высокий уровень рождаемости сопровождался достаточно высокой детской выживаемостью: доля детей, доживших до конца 1980-х годов, составила 87,6 % (см. табл. 1.9). Разница между сельской (86,0 %) и городской (89,7 %) выживаемостью была незначительной, что особенно примечательно с учетом огромной территории Казахстана и дисперсного характера сельского расселения.³⁶

Таблица 1.9 Рожденные и выжившие дети по данным ВПН 1989 г.

Возраст женщин, лет	Годы рождения	Все население			в том числе					
		Число рожденных	Число живых	Доля выживших	городское			сельское		
					Число рожденных	Число живых	Доля выживших	Число рожденных	Число живых	Доля выживших
15–19	1970–1974	33599	32499	96,7	18918	18470	97,6	14681	14029	95,6
20–24	1965–1969	484109	463169	95,7	251477	244054	97,0	232632	219115	94,2
25–29	1960–1964	1255777	1191502	94,9	670017	644979	96,3	585760	546523	93,3
30–34	1955–1959	1550557	1458879	94,1	839748	802799	95,6	710817	656080	92,3
35–39	1950–1954	1554995	1448987	93,2	822332	781081	95,0	732663	667906	91,2
40–44	1945–1949	1083051	1000171	92,3	535331	504639	94,3	547720	495532	90,5
45–49	1940–1944	1392285	1263079	90,7	584920	543855	93,0	807365	719224	89,1
50–54	1935–1939	1562963	1402592	89,7	689001	632884	91,9	873962	679708	88,1
55–59	1930–1934	1126494	979387	86,9	538513	478076	88,8	587981	501311	85,3
60–64	1925–1929	1257200	1047847	83,3	634786	540737	85,2	622414	507110	81,5
65–69	1920–1924	716897	559713	78,1	375165	297762	79,4	341732	261951	76,6
70 +	Ранее 1920	1716323	1087078	63,3	960672	613272	63,8	755751	473806	62,7

Рассчитано по: Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. Итоги ВПН 1989 г. Том 2. Алма-Ата. 1992. С.358–359, 366–367.

³⁶ Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Алма-Ата, Республиканский информационно-издательский центр. 1992. С. 358–359, 366–367.

С определенной долей условности данные о среднем числе детей, рожденных женщинами разных этнических групп, можно интерпретировать как ретроспективный аналог коэффициентов суммарной рождаемости казахских и русских женщин в 1950–1960-е годы. Полученные значения демонстрируют значительную разницу в репродуктивном поведении, особенно если учитывать, что еще в конце 1920-х годов общий коэффициент рождаемости у русских был несколько выше, чем у казахов (43,6 и 40,6‰ соответственно). Таким образом, в течение нескольких десятилетий произошли кардинальные изменения динамики: казахское население не только преодолело демографические потери 1930-х годов, но и продемонстрировало устойчивый рост рождаемости, в то время как среди русских наблюдалось снижение репродуктивных показателей носило такой же характер.³⁷

Значительная часть казахских женщин в рассматриваемый период имела статус многодетных матерей. Согласно действовавшим тогда социальным критериям, многодетными считались женщины, родившие четверых и более детей, при этом государственные пособия начинали выплачиваться с появлением четвертого ребенка.

Как свидетельствуют данные таблицы 1.10, в возрастных группах, завершивших репродуктивный цикл, доля таких женщин была чрезвычайно высокой – более 70 % матерей имели четырех и более детей. Эти цифры подтверждают массовый характер многодетности среди казахского населения и подчеркивают устойчивость традиционной модели воспроизводства в 1950–1960 гг.

Таблица 1.10 Распределение казахских женщин по возрасту и числу рожденных детей по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Возраст женщин, лет	Годы рождения женщин	Общее число рожденных детей	в том числе женщины, родившие (%)				
			1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 и более детей	не родившие ни одного ребенка
15-19	1970–1974	9057	2,1	0,2	0,1	-	97,6
20-24	1965–1969	200743	24,6	13,3	2,8	0,5	58,6
25-29	1960–1964	541081	20,4	30,4	16,2	9,0	24,0
30-34	1955–1959	662917	11,1	23,5	22,8	30,4	12,2
35-39	1950–1954	693455	7,3	16,3	19,4	50,3	6,7
40-44	1945–1949	528240	5,9	12,5	15,0	62,2	4,3
45-49	1940–1944	701923	4,1	7,8	9,4	76,0	2,7
50-54	1935–1939	685713	2,7	6,5	7,4	79,3	2,7
55-59	1930–1934	415296	5,1	6,9	6,9	77,6	3,5
60-64	1925–1929	457383	7,7	8,1	7,7	72,3	4,2

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Республиканский информационно-издательский центр. Алма-Ата. 1992. С.360.

³⁷ Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР: этнодемографический аспект. М., 1977. С. 23–28.

Каковы же были глубинные причины «демографического ускорения» казахского этноса в 1950–1960-е годы?

Во-первых, важную роль сыграл так называемый эффект поколения. В это время в репродуктивный возраст вошли женщины, чье «демографическое сознание» формировалось в условиях демографических катастроф 1930–1940-х годов – периода массового голода, высокой младенческой и детской смертности, репрессий и насильственных миграций. В традиционном обществе естественной реакцией на масштабные демографические потери является компенсаторное повышение рождаемости – попытка «восстановить» численность семьи и рода.

Однако определяющее значение для становления массовой многодетности имело уникальное сочетание социокультурных и социально-экономических факторов, сложившееся в середине XX века. При этом важно разграничивать понятия рождаемости и многодетности. Рождаемость у казахов традиционно оставалась высокой, но до середины XX века не обеспечивала существенного прироста численности этноса, поскольку нивелировалась столь же высокой смертностью.

Так, в конце XIX – начале XX века среднегодовой прирост казахского населения составлял лишь 0,7–1,0 %. Иными словами, высокая рождаемость в условиях высокой смертности не превращалась в демографическое преимущество. Лишь в условиях улучшения медицинского обслуживания, снижения младенческой и детской смертности и повышения уровня жизни в 1950–1960-е годы традиционная модель воспроизводства начинает давать выраженный естественный прирост, трансформируясь в массовую многодетность.³⁸

В 1950–1960-е годы в Казахстане наблюдалось значительное снижение уровня смертности, особенно в детских возрастных группах, что стало одним из ключевых факторов демографического роста. Наиболее впечатляющие изменения зафиксированы среди детей младшего возраста. Так, коэффициент смертности в возрастной группе 0–4 года сократился с 85,9‰ в 1939 году до 15,6‰ в 1959 году и до 6,8‰ в 1970 году. Аналогичная динамика наблюдалась и в возрастной группе 5–9 лет: если в 1939 году показатель составлял 7,8‰, то в 1959 году – уже 1,7‰, а в 1970 году – лишь 0,7‰.

Такая позитивная трансформация в детской смертности свидетельствует о существенных сдвигах в сфере здравоохранения, санитарных условиях и общем уровне жизни, что, в свою очередь, обеспечило переход от просто высокой рождаемости к реальному приросту населения, особенно среди казахского этноса (см. рис. 1.6; прил. 1, табл. 7).

Снижение уровня смертности в Казахстане в 1950–1960-е годы было во многом обусловлено социально-экономическими преобразованиями, проведенными в этот период. Одним из ключевых факторов стало массовое

³⁸ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1890–1917 гг.). Новосибирск. 1976. С.138.

преобразование колхозов в совхозы в 1950-е годы,³⁹ что сопровождалось расширением государственной поддержки сельского населения, включая обеспечение бесплатного доступа к медицинским и образовательным услугам.

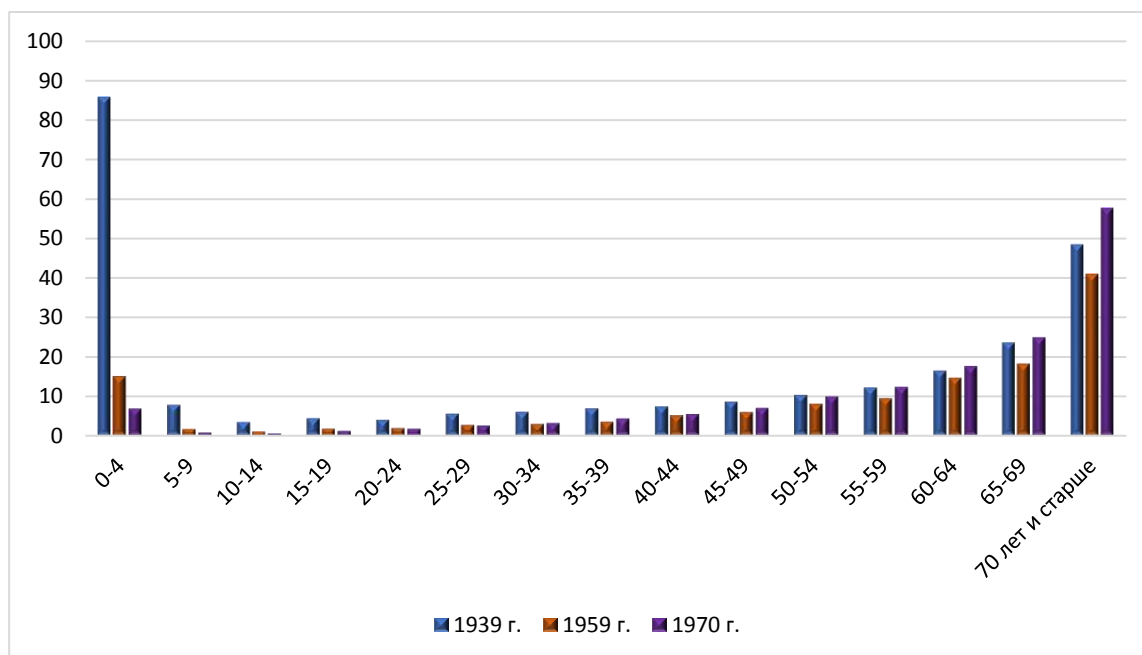

Рисунок 1.6 Возрастные коэффициенты смертности населения Казахстана в 1939, 1959 и 1970 гг. (на 1000 населения)

Рассчитано по: Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М. 1960. С.25; Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сб. Алма-Ата: Казахстан. 1988. С.189.

Особое значение это имело для казахского населения, основная масса которого продолжала проживать в сельской местности. Именно в этих условиях улучшение медицинской инфраструктуры оказало наиболее ощутимое влияние на снижение детской и общей смертности.

Как свидетельствуют данные таблиц 1.11, 1.12, в 1950–1970 годах произошло стремительное увеличение числа врачей всех специальностей – их количество выросло в 4,5 раза. Особенно заметен рост в сфере охраны материнства и детства: число педиатров увеличилось также в 4,5 раза, акушеров-гинекологов – в 3,7 раза. Одновременно расширялась сеть учреждений здравоохранения – увеличивалось количество женских консультаций и коек для беременных. Эти структурные изменения в системе здравоохранения создали базу для стабильного снижения смертности и укрепления положительной демографической динамики.

Однако важным фактором демографического роста в 1950-е – начале 1960-х годов было не только снижение смертности. Заслуживает внимания тот факт, что в этот период общий коэффициент рождаемости оставался стабильно высоким (см. табл. 1.6), несмотря на значительные изменения в этническом составе населения республики.

³⁹ Тюрина А. П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. №5. С. 3–21.

Таблица 1.11 Численность врачей по основным специальностям

Годы	Всего врачей всех специальностей	в том числе			
		терапевты	хирурги	акушеры- гинекологи	педиатры
1950	6447	1245	574	461	841
1960	14376	2856	1372	986	1938
1965	22494	3953	2180	1398	2956
1966	23414	4050	2299	1464	2961
1967	24274	4160	2489	1522	3094
1968	25900	4496	2595	1591	3206
1970	28834	4857	2877	1732	3757
1971	30876	5357	3172	1828	4083
1972	33247	6129	3440	2057	4370
1973	35157	6849	3717	2149	4802
1974	37095	7100	3829	2150	4734

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан». 1973. С. 372; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан». 1975. С. 289.

Таблица 1.12 Показатели развития здравоохранения

Годы	Численность врачей всех специальностей	Число коек для беременных	Число женских консультаций
1950	6447	4890	383
1951	7129	5212	453
1952	7528	5509	468
1953	7748	6026	524
1954	8648	6833	540
1955	9226	7853	559
1956	9727	8851	562
1957	10513	9758	579
1958	11448	10506	568
1959	12490	11217	580
1960	14376	11900	624
1965	22494	14697	900
1966	23114	15000	902
1967	24274	15400	954
1968	25900	15600	941
1970	28824	16258	982
1971	30876	16104	976
1972	33247	16261	995
1973	35157	15986	1120
1974	37095	15434	1199

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана за 40 лет. Алма-Ата. 1960. С. 490–491, 496–497; Народное хозяйство Казахстана в 1972. Алма-Ата. 1973. С. 370–371; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Алма-Ата. 1975. С. 288.

К концу 1950-х – началу 1960-х годов большинство населения Казахстана составляли русские, украинцы, белорусы и другие народы с

традиционно более низким уровнем рождаемости. Тем не менее, именно казахское население – несмотря на то, что по переписи 1959 года оно составляло менее трети от общей численности – обеспечивало высокие среднереспубликанские показатели рождаемости (см. табл. 1.6).

Сохранению высокой рождаемости способствовала и советская государственная политика, направленная на поддержку семей с детьми. Начиная с конца 1940-х годов, такие семьи получали значительную материальную помощь: за рождение третьего ребенка выплачивалось 400 рублей, четвертого – 1300 рублей, пятого – 1700 рублей, а за десятого – 5000 рублей. Ежемесячные пособия также увеличивались в зависимости от числа детей: на четвертого ребенка – 80 рублей, на десятого – 300 рублей.

С 1970 года статус многодетной семьи начали присваивать уже при наличии трех детей, а размер единовременного пособия составлял: на третьего ребенка – 20 рублей, четвертого – 65 рублей, седьмого – 100 рублей. Эти меры материального стимулирования, в сочетании с устойчивыми традиционными ценностями, особенно в сельской казахской среде, способствовали сохранению высокой рождаемости и укреплению тенденции демографического роста.⁴⁰ (При анализе необходимо учесть денежную реформу 1961 года, когда номинальная стоимость рубля уменьшилась в 10 раз).

Согласно Положению «О порядке назначения и выплаты пособий на детей малообеспеченным семьям» (утвержденному Постановлением Совета Министров СССР от 25 сентября 1974 г.), право на получение социальной помощи предоставлялось семьям, в которых среднедушевой доход не превышал 50 рублей в месяц. Это означало, что даже семьи с формально средним уровнем доходов могли претендовать на пособия, если воспитывали четырех и более детей. Так, при доходе родителей в пределах средней заработной платы (около 150–200 рублей на семью) семья, имеющая четырех детей (минимальный порог для назначения пособия – 300 рублей общего дохода), уже подпадала под действие программы поддержки. На каждого ребенка выплачивалось 12 рублей в месяц, что при нескольких детях составляло ощутимую прибавку к семейному бюджету.

Государственная система социальной поддержки была ориентирована на стимулирование многодетности, и фактически создавала условия, при которых пособия могли получать даже те семьи, чей уровень дохода находился на среднем уровне, но численность детей делала их формально малообеспеченными. Это способствовало сохранению высокой рождаемости, особенно в среде казахского населения, для которого многодетность оставалась важной социокультурной нормой. Объемы выплат государственных пособий многодетным и одиноким матерям выросли с 40,1 млн. рублей в 1960 г. до 50,5 млн. в 1970 г.⁴¹ Расходы по беременности и родам

⁴⁰ Какие пособия получали в СССР многодетные семьи // Вестник труда. Сетевое издание. 20 декабря 2021.

⁴¹ Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Статистический сборник. Алма-Ата:

на предметы ухода и кормления ребенка увеличились с 29,0 млн. рублей в 1960 г. до 46,2 млн. в 1965 г. и 61,9 млн рублей в 1970 г.⁴²

Таким образом, пособия существенно улучшали экономическое положение семей. Кроме того, государство все активнее брало на себя задачи по воспитанию детей – значительно увеличивалось количество детских садов и яслей, а также число детей, посещающих их. При этом темпы роста этих показателей в сельской местности были значительно выше, чем в городах. Если в городах с 1950 по 1970 год число детских садов выросло в 5,1 раза, а число детей в них – в 15,7 раза, то в селах эти показатели увеличились соответственно в 12,1 и 34,6 раза (см. табл.1.13).

Таблица 1.13 Численность детских садов, яслей, детей и воспитателей в городских и сельских поселениях в 1950–1960-е гг.

Годы	Всего			в том числе					
	Число детских садов, яслей	В них детей (тыс.)	Заведующих и воспитателей (тыс.)	в городских поселениях			в сельской местности		
				Число детских садов, яслей	В них детей (тыс.)	Заведующих и воспитателей (тыс.)	Число детских садов, яслей	В них детей (тыс.)	Заведующих и воспитателей (тыс.)
1950	691	26,7	2,1	458	21,6	1,6	233	5,2	0,5
1955	835	42,8	-	-	-	-	-	-	-
1960	1863	113,4	8,1	929	80,9	5,5	934	32,5	2,6
1965	4178	363,7	23,3	1846	233,6	14,8	2332	130,1	8,5
1966	4468	407,7	27,2	1983	264,5	17,7	2485	143,2	9,5
1967	4646	441,4	28,1	2127	289,3	18,5	2519	152,1	9,6
1968	4875	473,9	30,1	2247	310,6	19,9	2628	163,3	10,2
1969	5027	501,5	31,7	2311	328,6	21,2	2716	172,9	10,5
1970	5149	518,5	33,3	2329	338,4	22,0	2820	180,1	11,3
1971	5319	546,0	35,2	2395	355,2	23,2	2924	190,8	12,0
1972	5407	569,4	37,0	2412	371,5	24,7	2995	197,9	12,3
1973	5553	592,8	38,5	2476	386,0	25,5	3077	206,8	13,0
1974	5880	634,1	41,4	2539	410,1	27,1	3341	224,0	14,3

Рассчитано по: Казахстан за 50 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1971. С. 145; Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1973. С. 339; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1975. С. 258.

В 1960–1970-е гг. более чем в два раза выросли государственные расходы по поддержке беременности и родов, более чем в три раза – по внешкольному обслуживанию детей (см. табл. 1.14). Это, безусловно, имело положительное значение для сохранения и улучшения здоровья матерей и вовлечению детей в дополнительное образование и внесло свой вклад в социализацию подрастающего поколения.

Казахстан, 1973. С. 400–401.

⁴² Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Алма-Ата: Казахстан, 1975. С. 304.

Таблица 1.14 Расходы по бюджету государственного социального страхования (млн. рублей)

Годы	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974
Всего	118,6	199,3	333,8	360,0	384,4	418,3	460,2
По беременности и родам, на предметы ухода и кормления ребенка	29,0	46,2	61,9	67,5	69,9	74,4	84,9
Обслуживание детей (пионерские лагеря, внешкольное обслуживание детей)	1,8	4,5	5,8	6,2	6,7	6,8	8,0

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Алма-Ата, «Казахстан», 1975. С. 304.

Ускоренными темпами вводятся в строй дошкольные и больничные учреждения (см. табл. 1.15). Улучшение медицинского обслуживания повлияло на снижение материнской, младенческой и детской смертности, улучшения качества предоставляемых медицинских услуг, обеспечения доступа населения к ним.

Таблица 1.15 Ввод в действие дошкольных и больничных учреждений в 1950-60-е гг.

Годы	Детские дошкольные учреждения (количество мест)	Больничные учреждения (количество коек)
1951–1955	29215	...
1956–1960	77702	11233
1961–1965	128816	18585
1966–1970	140649	18826
1971	26755	4405
1972	26100	4584
1973	29425	4542
1974	26750	3897

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Стат. сборник. Алма-Ата, «Казахстан». 1975. С. 222.

Расходы государства на содержание детских садов в 1960–70 гг. выросли в шесть раз, общеобразовательных школ – более чем в два раза (см. табл. 1.16). В советской литературе редко писали о размерах и условиях выплаты государственных пособий одиноким и многодетным матерям, чаще всего авторы указывали лишь на сам факт государственной помощи этим матерям. Между тем, в высшие партийные инстанции поступали тысячи писем от одиноких и многодетных матерей, в которых они просили повысить государственные пособия и продлить срок выплаты этих пособий. Одиноким матерям выплачивалось пособие на одного ребенка в размере 5 рублей в месяц,

на двух детей – 7,5 рублей, на трех и более – 10 рублей. Выплата пособий прекращалась по достижении детьми 12-летнего возраста⁴³.

Таблица 1.16 Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету Казахской ССР (млн. рублей).

Годы	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974
Всего	743,4	1337,2	1983,6	2142,8	2272,5	2420,7	2583,4
Детские сады	20,6	84,4	122,6	129,6	136,6	145,8	152,4
Общеобразовательные школы всех видов	142,3	298,1	393,6	423,1	450,5	495,3	513,9
Гос. пособия многодетным и одиноким матерям	40,1	46,8	50,5	52,5	51,5	51,1	50,3

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1973. С. 400–401; Народное хозяйство Казахстана в 1974. Ст. сб. Алма-Ата. 1975. С. 302–303.

В 1950–1970-е гг. быстро растет количество школ, учителей и учащихся, что отражает не только социальную политику государства в этот период, но и рост количественных показателей субъектов, вовлеченных в сферу предоставления и получения бесплатных образовательных услуг (см. табл. 1.17, 1.18).

Таблица 1.17 Количество школ, учителей, учащихся в Каз ССР в 1950–1960 гг.

Годы	1950/51	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
Всего									
школ	9088	8959	8922	9043	9183	9329	9318	9488	9497
учителей	60385	65238	67674	70128	75125	77733	81167	83889	88006
учащихся	1334888	1299884	1291929	1290634	1286718	1295533	1338952	1438811	1548409
Городские поселения									
Школ	1200	1325	1366	1390	1412	1487	1517	1575	1610
учителей	17965	20430	21595	22344	24823	26108	27471	28619	30711
учащихся	477108	486715	500422	513662	518460	531707	555304	602500	656907
Сельские поселения									
школ	7888	7634	7556	7653	7771	7842	7801	7913	7887
учителей	42420	44808	46079	47784	50302	51625	53696	55270	57295
учащихся	857780	813169	791507	776972	768258	763826	783648	836311	891502

Рассчитано по: Казахстан за 40 лет. Стат. сборник. Алма-Ата. 1960. С. 420–423.

⁴³ Иванова Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния» Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). [Электронный ресурс] https://statehistory.ru/books/G-M--Ivanova_Na-poroge-gosudarstva-vseobshchego-blagosostoyaniya-Sotsialnaya-politika-v-SSSR--seredina-1950-kh---nachalo-1970-kh-godov/13. Дата обращения 11.05.25

Таблица 1.18 Число школ и количество учащихся в 1960–1970 гг.

Годы	Число школ	Численность учащихся (тыс. человек)
1960/61	10269	1788,2
1965/66	10578	2808,9
1966/67	10523	2866,5
1967/68	10439	2966,5
1968/69	10337	3065,4
1969/70	10154	3140,8

Рассчитано по: Казахстан за 50 лет. Стат. сборник. Алма-Ата. 1971. С. 166–167.

Конечно, такая динамика во многом объясняется «эффектом малых величин», но рост впечатляет. Материальная нагрузка на семьи по содержанию и воспитанию детей значительно снизилась. Многодетность обеспечивала определенный уровень социально-экономического существования, к тому же дети помогали в домашнем хозяйстве.

Основной причиной демографического взрыва в 1950–60-е годы, по нашему мнению, стало сохранение традиционных семейных норм казахов в селе, получивших государственную поддержку, что сделало многодетные семьи массовым явлением. При этом пособия оказываются эффективными лишь тогда, когда они сочетаются с традиционными представлениями о семье и количестве детей. Если таких представлений мало, пособия слабо влияют на рождаемость.

Это хорошо видно на примере рождаемости русских женщин, показатели которой значительно ниже, чем у казашек (см. табл. 1.19). В возрастной группе 45–49 лет в 1989 г. четверых и более детей родили 10,6% русских женщин (у казахских – 76,0%), в группе 50–54 года – 13,5% (казахских – 79,3%), 55–59 лет – 18,6% (казахских – 77,6%). При этом 64,2% русских женщин 45–49 лет ограничились одним–двумя детьми (у казахских – 11,9%), 59,6% русских 50–54 лет (казахских – 10,2%) и 51,3% русских 55–59 лет (казахских – 12,0%). Столь значимые различия в старших возрастных группах еще раз подтверждает этические особенности репродуктивного поведения представительниц двух главных этносов – казашек и русских женщин (см. табл. 1.19).

Еще более четко этническая дифференциация видна при анализе структуры многодетности (удельный вес рождений 4, 5, 6, 7 и более детей). Если у казахских женщин 47,1% всех рождений у женщин в возрасте 45–64 года в 1989 г. приходилось на седьмого ребенка, то у русских – 1,9 % (см. табл. 1.20). Сложившаяся структура многодетности в разрезе этносов имела, безусловно, свои последствия, давала не только социальные преференции, но и демографические дивиденды для казахов в будущем. В течение короткого времени в Казахстане оформились этнически различные тенденции рождаемости, во многом ставшие следствием особенностей социокультурного, социально-экономического развития и существенно повлиявшие на динамику численности, и состав населения в последующем.

Таблица 1.19 Распределение русских женщин по возрасту и числу рожденных детей по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Возраст женщин, лет	Годы рождения женщин	Общее число рожденных детей	В том числе женщины, родившие (%) ⁴⁴				
			1 ребенка	2 детей	3 ребенка	4 и более детей	не родившие ни одного ребенка
15–19	1970–1974	15976	6,1	0,5	-	-	93,4
20–24	1965–1969	164689	42,7	16,6	2,0	0,3	38,4
25–29	1960–1964	412982	34,0	41,4	8,8	2,3	13,5
30–34	1955–1959	522101	22,7	49,2	15,3	5,1	7,7
35–39	1950–1954	516613	19,9	49,2	17,7	7,3	5,9
40–44	1945–1949	335446	21,4	48,0	16,8	8,0	5,8
45–49	1940–1944	376095	19,3	44,9	19,3	10,6	5,9
50–54	1935–1939	475000	17,7	41,9	20,9	13,5	6,0
55–59	1930–1934	384328	16,3	35,0	22,3	18,6	7,8
60–64	1925–1929	458347	17,4	29,4	21,2	22,8	9,2

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Алма-Ата. 1992. С.361.

Таблица 1.20 Распределение казахских и русских женщин по возрасту и очередности рождений 4, 5, 6 и 7 ребенка по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., %

Возраст	казашки				русские			
	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 детей	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 детей
45–49	9,2	12,2	11,1	43,5	5,5	2,9	1,1	1,1
50–54	7,9	11,1	10,9	49,4	6,9	3,8	1,5	1,3
55–59	7,2	9,8	9,8	50,8	9,3	5,0	1,9	2,2
60–64	8,2	10,1	9,3	44,7	10,7	6,0	2,9	3,2
45–64	8,1	10,8	10,3	47,1	8,2	4,4	1,9	1,9

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т.2. Алма-Ата. 1992. С.361.

Число многодетных матерей, получающих ежемесячное государственное пособие, постепенно сокращается: в 1970 г. по сравнению с 1965 г. их стало на 5,5% меньше, в основном за счет матерей с 4–5 детьми. При этом количество многодетных с 7 и более детьми продолжает расти (см. табл. 1.21). Это связано с постепенным завершением демографического взрыва. Особенно заметно на примере матерей с четырьмя детьми – их число в 1970 г. по сравнению с 1960 г. уменьшилось на 28,9%. То есть число новых «вступающих» в категорию многодетных в 1960-е годы сократилось. В то же время численность матерей, ставших многодетными еще в 1950-е и в 1960-е годы родивших седьмого и более ребенка, продолжает расти: в 1970 г. таких стало в 2,6 раза больше, чем в 1960 г.

В 1950–1960-е годы в Казахстане сложились этнически разнородные тенденции рождаемости, обусловленные особенностями социокультурного и социально-экономического развития, которые значительно повлияли на

⁴⁴ без учета женщин, не указавших число рожденных детей.

динамику численности и состав населения. Социально-экономическая история этого периода сформировала тенденцию этнической дифференциации демографического развития: показатели рождаемости казахов и русских, сопоставимые в 1920-е годы, начали значительно расходиться. Это связано с тем, что промышленное развитие Казахстана в 1950–1960-е годы в основном осуществлялось прибывшим из других республик СССР населением, преимущественно русскими. В результате ускоренной индустриальной урбанизации традиционные основы демографического поведения ослабели, что привело к снижению рождаемости.⁴⁵

Таблица 1.21 Численность многодетных матерей, получающих ежемесячное государственное пособие (тысяч)⁴⁶

Годы	1960	1965	1970	1971	1972	1973	1974
Всего многодетных матерей, получающих пособие	352,6	403,2	381,3	372,5	360,7	355,2	346,0
В том числе с 4 детьми	165,2	157,9	117,6	108,0	101,7	97,4	92,1
с 5 детьми	97,6	103,1	91,4	87,8	81,4	78,2	75,2
с 6 детьми	51,9	71,3	71,6	70,4	69,7	66,5	64,3
с 7 и более детьми	37,9	70,9	100,7	106,3	107,9	113,1	114,4

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1973. С. 280; Народное хозяйство Казахстана в 1974 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1975. С. 224.

Традиционные ценности казахского этноса, «законсервированные» в сельской среде, сохранялись в условиях полиэтничности, где индустриально-городские функции выполняли представители других народов. Демографический потенциал казахов реализовался благодаря государственной социальной и экономической поддержке. Их демографическое поведение было больше обусловлено культурными нормами, чем урбанизацией и социально-экономическими изменениями. Советская система не подавила традиционный потенциал, а, наоборот, способствовала его раскрытию.

В 1980-х годах поколение демографического взрыва (возраст 15–29 лет в 1989 г.) вступило в репродуктивный возраст, вызвав новый подъем рождаемости. Рожденные в 1980-е годы обеспечили следующую демографическую волну, пик которой пришелся на 2000-е. Сегодня поколение 2000-х все сильнее влияет на демографическое развитие Казахстана. Таким образом, человеческий капитал, сформированный в 1950–1960-х годах, стал

⁴⁵ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда М.: Наука. 1982; Антонов А. И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ. 1996. 304 с.; Антонов А. И. Социология рождаемости (теоретические и социологические проблемы). М.: Статистика. 1980. 270 с.

⁴⁶ Кроме того, матери, родившие третьего ребенка, получали единовременное государственное пособие.

основой долгосрочного демографического роста казахского этноса и в суверенный период.

1.3 Трансформация демографической структуры Казахстана в контексте социально-экономических изменений 1970–1989-х гг.

Во многом демографические процессы 1970–1989-х годов стали логическим продолжением и следствием масштабного демографического сдвига, оформившегося в 1950–1960-е гг. Речь идет, прежде всего, о так называемой инерции демографического взрыва среди казахского населения, проявившейся в форме последовательных демографических волн, обусловленных выходом многочисленных поколений в активный репродуктивный возраст. Это повлияло не только на численность, но и на возрастную структуру населения, усилив этнический компонент в воспроизводственных процессах.

Наряду с этим в этот период усиливаются миграционные процессы, прежде всего отток представителей неказахского населения за пределы республики. Данный отток был обусловлен как социально-экономическими, так и социокультурными факторами: экономическим кризисом, ростом национального самосознания казахов, изменением языковой среды, преобразованием системы занятости и изменением приоритетов государственной политики. В результате, к 1980-м годам ведущую роль в формировании демографических тенденций республики начинает играть именно казахское население. Это касается как общего прироста численности, так и демографических процессов в городских поселениях, ранее определяемых в основном мигрантами из других союзных республик.

Межреспубликанские миграции в 1970–1989 гг. Главной особенностью демографического развития в семидесятые-восемидесятые годы XX века является прекращение влияния положительного сальдо межреспубликанских миграций на динамику численности, этнический состав населения Казахстана и нарастание влияния сальдо отрицательного. Отрицательное сальдо межреспубликанской миграции в 1969–1989 гг. составило 1395,6 тыс. человек. При этом в 1980-е гг. динамика процесса была намного (в 1,7 раза) выше, чем в 1970-е (см. рис. 1.7; прил. 1, табл. 8).

Внешний источник формирования полиэтнического состава населения Казахстана – межреспубликанская миграция 1930–1960-х гг. – постепенно иссяк, что оказало существенное влияние на дальнейшие тенденции этнодемографического развития республики. В результате демографическая динамика претерпела заметные изменения: с 1970-х по 1990-е годы среднегодовые темпы прироста численности населения снизились почти в три раза по сравнению с периодом 1959–1970 гг. – с 3,6% до 1,3%.

Это замедление роста населения отражает как естественные демографические процессы, связанные с завершением эффекта «демографического взрыва» казахов 1950–1960-х гг., так и сокращение

миграционных потоков, ранее способствовавших увеличению численности славянских этнических групп. Определяли процесс наиболее многочисленные этносы республики – казахи и русские. Так, темпы роста численности казахов уменьшились в 1,7 раза, русских – в 6,0 раза (см. табл. 1.22). Основной причиной замедления динамики роста у русских явилось отрицательное сальдо межреспубликанской миграции. А так как за пределы Казахстана выезжало в основном население репродуктивного возраста, снижаются и показатели воспроизводства.

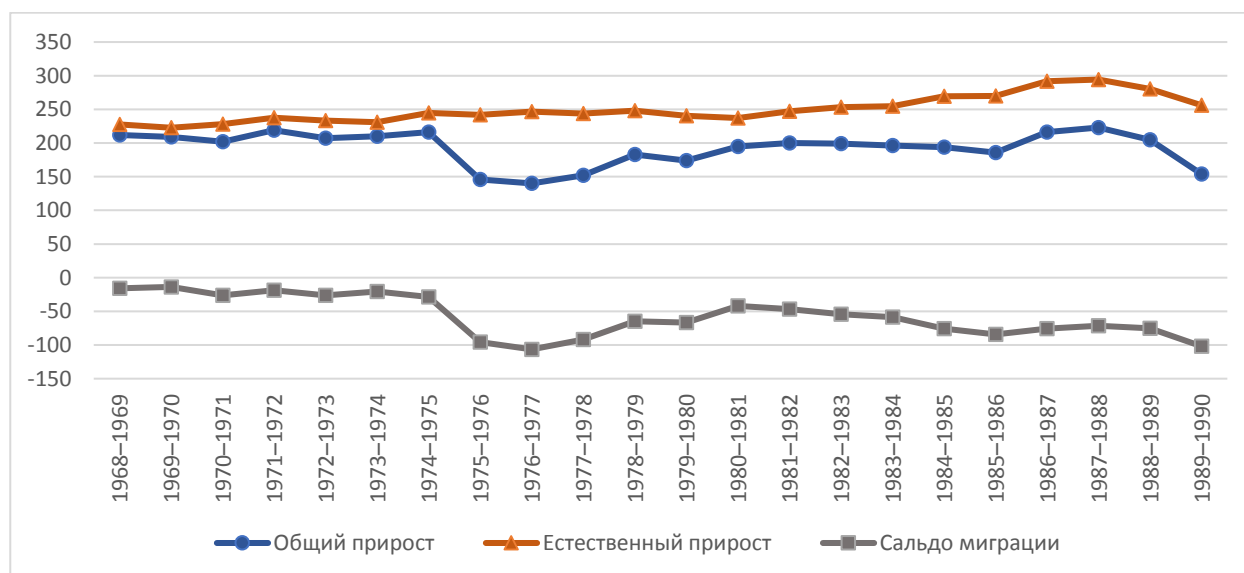

Рисунок 1.7 Компоненты роста численности населения в 1969–1990 гг.,
тыс. человек

Рассчитано по: *Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Ст. сб. М.: 1975. С. 74; Население СССР. 1987. Ст. сб. М.: 1988. С. 10; Демографический ежегодник СССР. М. 1990. С. 93.*

Более ярко эта тенденция проявилась в сельской местности, где на динамику численности населения накладывались одновременно процессы урбанизации и фактически завершение межреспубликанской миграции. В результате численность русских в сельских поселениях начала сокращаться: за период 1970–1989 гг. она снизилась на 14,9%. Это сокращение объясняется как естественным убыванием населения, так и его перемещением в города в поисках работы и лучших социально-экономических условий. В городах в 1989 г. русских стало больше, в сравнении с 1970 г., на 27,3%. Но динамику роста численности городского населения в 1970–1990 гг. уже определяли казахи. Численность городских казахов за эти два десятилетия увеличилась в 2,2 раза (см. табл. 1.22).

Миграционный поток казахского населения из сельской местности в города сохранялся на протяжении всей советской истории, однако в первые десятилетия он не оказывал значимого влияния на показатели рождаемости. Ситуация кардинально меняется к концу 1970-х – 1980-е гг., когда интенсивность урбанизации казахского населения существенно возросла.

Таблица 1.22 Численность, этнический состав и расселение населения Казахстана по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., тыс. человек

Этносы	1959		1970		1979		1989	
	чис-ть	%	чис-ть	%	чис-ть	%	чис-ть	%
все население	9294,7	100	13008,9	100	14684,3	100	16464,5	100
городское	3780,5	100	6077,8	100	7320,6	100	8751,1	100
сельское	5514,2	100	6931,1	100	7363,7	100	7713,4	100
казахи	2787,3	30,0	4234,2	32,5	5289,3	36,0	6534,6	39,7
городское	641,8	17,0	1048,6	17,2	1495,9	20,4	2331,4	26,6
сельское	2145,5	38,9	3185,6	46,0	3793,4	51,5	4203,2	54,5
русские	3942,0	42,7	5522,3	42,4	5991,2	40,8	6227,5	37,8
городское	2190,9	57,9	3624,7	59,6	4222,6	57,7	4613,1	52,7
сельское	1781,1	32,3	1897,6	27,4	1768,6	24,0	1614,4	20,9
др. этносы	2535,4	27,3	3252,4	25,0	3403,8	23,2	3702,4	22,5
городское	947,8	25,1	1404,5	23,1	1602,1	21,9	1806,6	20,6
сельское	1587,6	28,8	1847,9	26,7	1801,7	24,5	1895,8	24,6

Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 19–21.

В период между переписями населения 1979 и 1989 гг. численность городского казахского населения увеличилась на 53,3% (с 1 634,8 тыс. до 2 506,3 тыс.), тогда как русского населения прирост составил лишь 9,0% (с 4 426,5 тыс. до 4 823,2 тыс.). Удельный вес казахов в росте городского населения достиг 56,4%, тогда как для русских он составил всего 25,7%.⁴⁷ Впервые в истории динамику численности городского населения стали определять казахи, и это происходило не только за счет миграции, но и благодаря естественному приросту. Так, если в 1979 г. удельный вес казахов в общем числе рождений в городах составлял 30,4%, то в 1989 г. он увеличился до 41,4%.⁴⁸ Удельный вес казахов в естественном приросте городского населения в 1989 г. составил 55,3%, тогда как в 1979 г. – 38,4%.⁴⁹

Эти показатели во многом объясняются перемещением в города большого числа казахов молодого, наиболее репродуктивного возраста. Важным вопросом остается, насколько новый городской статус отразился на демографическом поведении казахского населения. В таблице 1.23 представлены данные об общих коэффициентах рождаемости, смертности и естественного прироста казахского городского населения и городского населения без учета казахов, что позволяет выявить влияние урбанизации на процессы воспроизводства в республике.

⁴⁷ Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–9.

⁴⁸ Демографический ежегодник СССР. 1990. М., «Финансы и статистика». 1990. С. 182–183.

⁴⁹ Там же.

Таблица 1.23 Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста городского населения в 1979–1989 гг.: казахи и городское население без учета казахов. 1979–1989 гг. (на 1000 населения)

Показатели	1979 г.		1989 г.	
	казахи	без учета казахов	казахи	без учета казахов
ОКР	32,2	20,7	32,0	17,6
ОКС	6,4	9,1	5,5	9,3
ЕП	25,8	11,6	26,5	8,3

Рассчитано по: Демографический ежегодник СССР. М. 1990. С. 182–183.

Необходимо учитывать, что данные по общим коэффициентам рождаемости и смертности не полностью отражают суть демографической ситуации, поскольку казахское население характеризовалось значительно более молодой возрастно-половой структурой по сравнению со славянским населением. Молодое население обеспечивало высокую репродуктивную активность, что влияло на показатели рождаемости и естественного прироста независимо от урбанизационного статуса.

В то же время важно учитывать исторический и социально-экономический контекст. В период 1950–1960-х годов казахское население пережило так называемый «демографический взрыв», когда многодетность стала массовым явлением, поддерживаемым государственными мерами социальной поддержки и традиционными семейными нормами. Это сформировало поколение, обладающее высоким демографическим потенциалом, которое вступило в репродуктивный возраст в 1970–1980-е годы.

Показатели рождаемости и естественного прироста городских казахов в 1979 и 1989 гг. остаются высокими и практически не отличаются от сельских показателей. Общий коэффициент рождаемости у казахов в городах в 1,8 раза выше, чем у городского населения без учета казахов, общий коэффициент смертности – в 1,7 раза ниже, естественный прирост – в 3,2 раза выше (см. табл. 1.23). Это позволяет сделать вывод о том, что урбанизация в этот период не оказала существенного влияния на воспроизводство казахов, а традиционный расширенный тип воспроизводства сохранялся даже в условиях городской среды. Сохраняющаяся высокая рождаемость объясняется сочетанием нескольких факторов.

Во-первых, перманентная урбанизация обеспечивала постоянный приток молодого казахского населения из сельской местности, которое продолжало воспроизводить традиционные репродуктивные установки. Во-вторых, государственная поддержка многодетных семей в городах, включая пособия, развитие детских садов и яслей, снижала материальную нагрузку на семью и способствовала сохранению традиционных моделей воспроизводства. В-третьих, социальная структура городского казахского населения формировалась таким образом, что большая часть горожан представляла собой первое поколение переселенцев, продолжающее жить в соответствии с культурными и семейными нормами сельской среды. Сохранение этих

традиций в городской среде обеспечило продолжение демографической динамики, заложенной поколением 1950–1960-х годов, и создало основу для последующих демографических волн в Казахстане.

Показатели рождаемости и естественного прироста среди городских казахов в 1979 и 1989 гг. практически не изменились. Это свидетельствует о том, что пребывание в городе не оказало значимого влияния на их репродуктивное поведение, преобладает расширенный тип воспроизводства. Во всяком случае, разницы в данных городского и сельского населения фактически нет (см. табл. 1.24).

Таблица 1.24 Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста казахов в городских и сельских поселениях в 1979–1989 гг. (на 1000 населения)

Показатели	1979 г.			1989 г.		
	всего	город	Село	всего	город	село
ОКР	30,3	32,2	29,5	31,1	32,0	30,6
ОКС	6,6	6,4	6,7	6,3	5,5	6,7
ЕП	23,7	25,8	22,8	24,8	26,5	23,9

Источник: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 184, 186–187.

Поколение казахов с «городскими» моделями воспроизводства к этому времени еще не успело сформироваться. Традиционная социокультурная линия не была нарушена «европейскими» городскими стандартами даже к концу советского периода. В городских условиях сохранялось большое значение расширенных семейных связей. В отличие от оседлых народов Центральной Азии, у казахов – потомков кочевников – родственные связи поддерживались и распространялись на значительные расстояния. Крупные казахские семьи могли расселяться как в сельской местности, так и в городах, при этом обеспечивая взаимную социальную поддержку через браки между родственниками и тесные родственные сети. Такой социальный механизм способствовал сохранению традиционного демографического поведения даже в условиях урбанизации.⁵⁰

Таким образом, в 1970–1980-е гг. активно шел процесс выстраивания демографической системы на внутренней основе. Демографическую динамику все более явно определяли процессы воспроизводства казахского этноса. Численное доминирование русских базировалось на быстро растворяющихся тенденциях демографического развития в 1930–1960 гг. и постепенно сходило на нет. В конце 1980-х гг. большинством населения республики становятся казахи.

Воспроизводство населения. В создающейся демографической системе определенное значение имели и события прошлых лет, отразившиеся в общих коэффициентах рождаемости и смертности (см. рис. 1.8, прил. 1, табл. 9).

⁵⁰ Акимбеков С. Предисловие // Социальный портрет современного казахстанского общества. Сб. статей. Астана. Алматы. ИМЭП. 2015. С. 11–12.

Так, во второй половине 1970-х – 1980-е гг. наблюдался рост общего коэффициента смертности. Растут и возрастные коэффициенты смертности (см. рис. 1.9, прил. 1, табл. 10). В значительной мере это связано с тем, что преждевременно начали уходить из жизни поколения 1910–1930-х гг. рождения, здоровье которых было подорвано катастрофическими событиями тех лет. Наиболее выпукло проблема отразилась на показателях 1979 г. В сравнении с 1970 г. в возрасте 40 лет и старше наблюдается рост возрастных коэффициентов смертности. Срабатывает эффект «отложенной смертности».

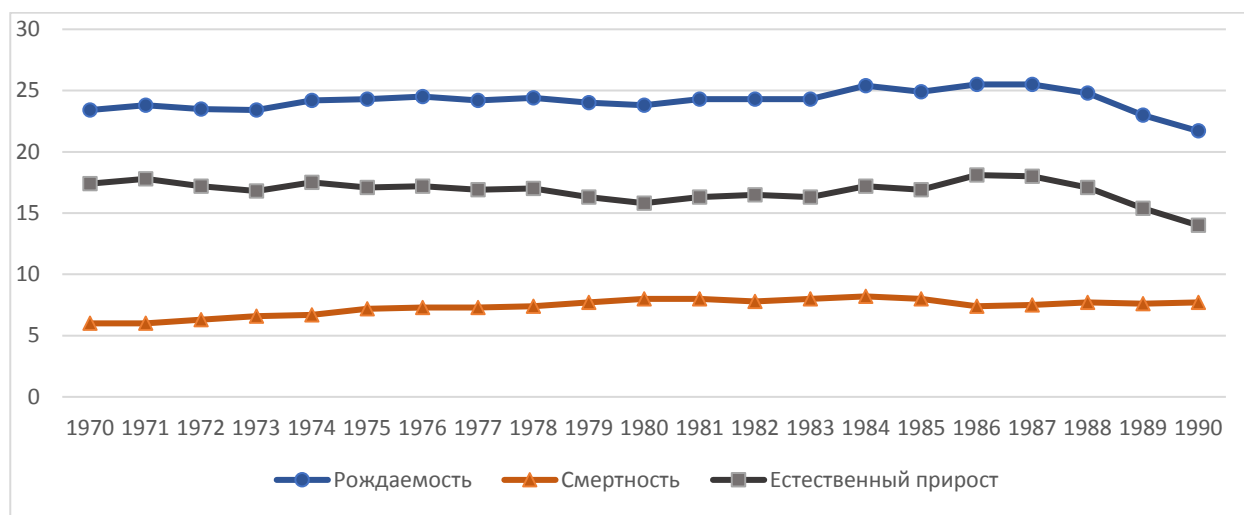

Рисунок 1.8 Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 1970–1990 гг. (на 1000 населения)

Рассчитано по: Население СССР. 1973. Ст. сб. М.: 1975. С. 74; Демографический ежегодник СССР. М. 1990. С. 93; Демоскоп weekly. Приложение. 2023. № 995–996 (22 августа – 4 сентября 2023 г.)

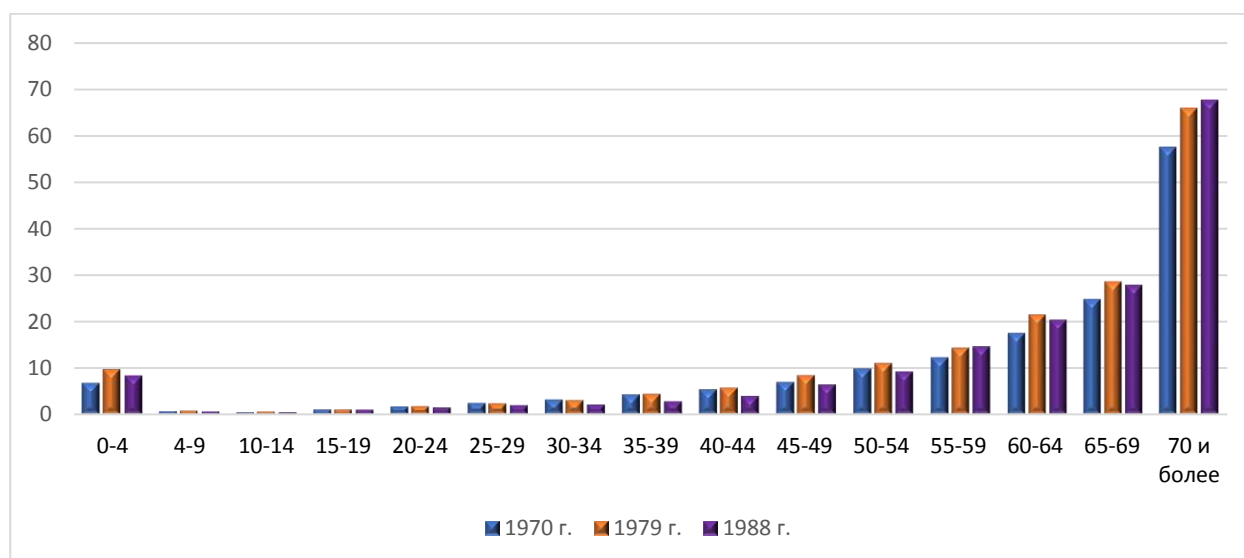

Рисунок 1.9 Возрастные коэффициенты смертности (на 1000 населения соответствующего возраста)

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1988. С.189; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С.14.

Во второй половине 1980-х гг. общие коэффициенты смертности снижаются вследствие «омоложения» возрастной структуры, объясняемое действием первой демографической волны – в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение 1950–1960-х гг. рождения (см. прил. 1, табл. 11). В результате замечен рост общего коэффициента рождаемости, естественного прироста, особенно в 1986–1987 гг. В конце 1980-х гг. действие данной тенденции иссякает, естественный прирост быстро уменьшается (в 1986–1990 гг. на 22,7%).

Схожие тенденции проявляются и при анализе возрастных коэффициентов рождаемости в тридцатилетней ретроспективе. Особенностью календаря рождений 1959 года – времени «демографического взрыва» казахов являются высокие показатели рождаемости не только в традиционно наиболее репродуктивно активных возрастных группах женщин 20–29 лет, но и в старших возрастных категориях – 30–49 лет. Это свидетельствует о том, что казахские женщины сохраняли высокую фертильность даже после 30 лет, что отличало их других, для которых пик рождаемости смещался в более ранние годы. Так, в 1959 году суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в возрастной группе 30–49 лет составлял 1,82, при этом вклад этой группы в общий СКР республики достигал 41,9% (см. прил. 1, табл. 12,13).

В целом суммарный коэффициент рождаемости в республике был высок – 4,47, что указывает на значительную интенсивность воспроизводства населения. Основной вклад в эти показатели вносили казахские женщины, что отражает силу традиционных культурных и семейных норм, поддерживавших расширенный тип воспроизводства. Высокие показатели рождаемости среди женщин старших возрастов подчеркивают также социально-экономическую и культурную устойчивость многодетных семей в сельской местности, где сохранялись родственные и хозяйственные связи. Таким образом, данные характеристики календаря рождений 1959 года демонстрируют, что демографический взрыв казахов был результатом сочетания культурных традиций, социокультурных установок и экономических условий, создававших основу для продолжительного расширенного воспроизводства населения (см. рисунок 1.10, см. прил.1, табл. 11).

В 1970-е годы в этнодемографической истории Казахстана наметилась новая тенденция, окончательно оформившаяся в 1980-е гг. Определило ее то, что в репродуктивный возраст все более активно вступало молодое поколение, появившееся на свет в 1950–1960-е годы. Одновременно интенсифицируется миграционный отток из республики европейской части населения, средний возраст которой был выше, чем у казахов. Эволюции этнической и возрастно-половой структуры приводят к этнической дифференциации показателей рождаемости. Динамику рождаемости в группе 15–24 года в 1980-е годы в значительной мере определяют уже представительницы казахского этноса. В результате СКР этой возрастной группы существенно увеличился в сравнении с 1970 и 1979 гг. (см. рис. 1.11; прил. 1, табл. 12), вклад в суммарный коэффициент рождаемости возрастной группы моложе 25 лет составил 49,9%

в 1990 г. (см. прил. 1, табл.13). Подобный всплеск во многом объясняется также резко возросшим в 1980-е годы миграционным притоком казахской молодежи в городские поселения.

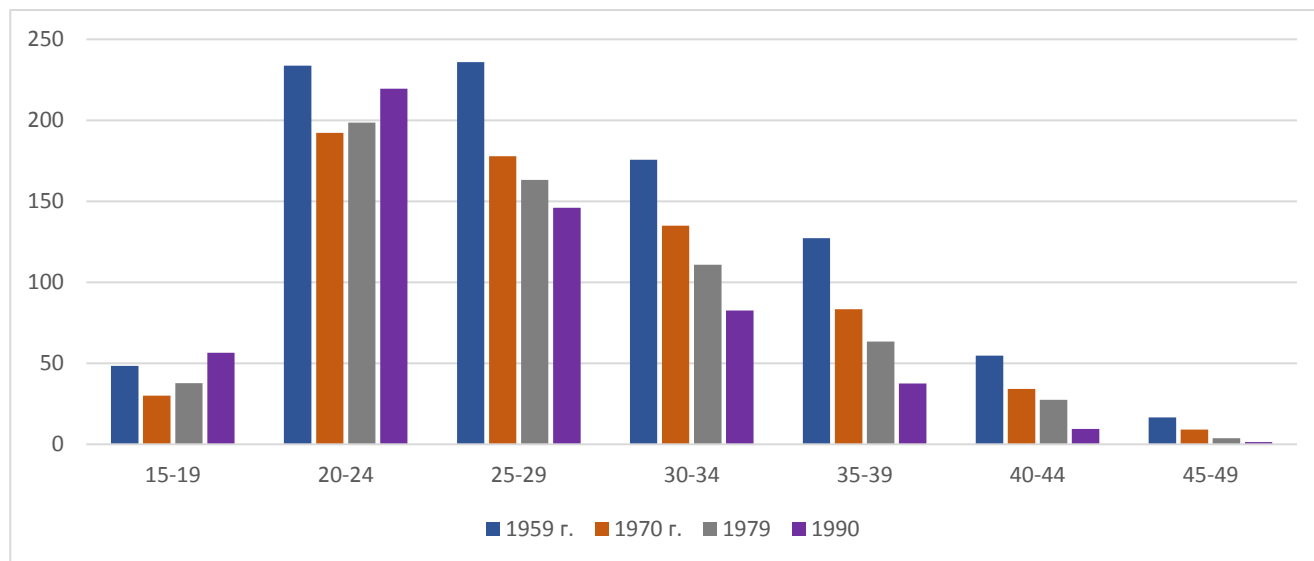

Рисунок 1.10 Возрастные коэффициенты рождаемости в 1959–1990 гг.
(на 1000 человек населения)

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С.189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы. 1998. С. 103.

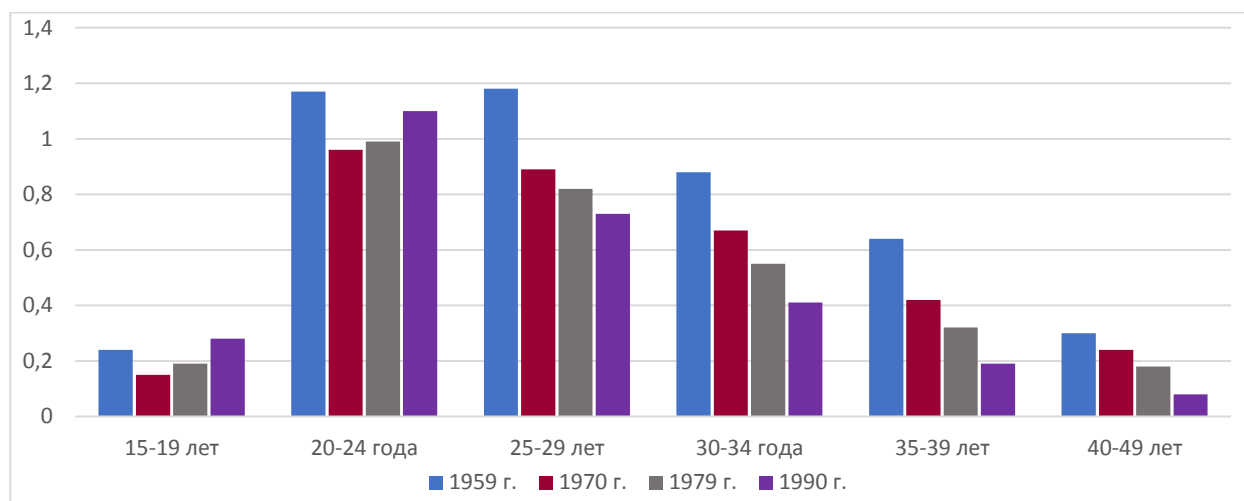

Рисунок 1.11 Суммарный коэффициент рождаемости возрастных групп
в 1959–1990 гг.

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С. 189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы, 1998. С. 103.

Как известно, у первого поколения горожан рождаемость всегда выше, чем в сельской местности, что объясняется совпадением сохранившихся традиционных репродуктивных установок с лучшими социальными условиями жизни в городе (медицина, социальные услуги и т. д.). В то же время, в течение 30 лет (1959–1990 гг.) коэффициенты рождаемости в старших

репродуктивных возрастах, в значительной мере представленных не делающими ставку на многодетную семью славянскими этническими группами, неизменно снижались (см. прил. 10). Уменьшается и СКР в этих возрастных группах (30–49 лет), если в 1959 г. он составлял в сумме 1,82, то в 1970 г. уже 1,33, в 1979 г. – 1,05, в 1990 г. – 0,61 (см. прил. 1, табл. 12).

Сокращается и вклад старших возрастных групп в СКР: в 1959 г. – 41,9%, в 1970 г. – 39,5%, 1979 г. – 33,9%, 1990 г. – 23,6% (см. рис. 1.12, см. прил. 1, табл. 13). В результате – четко выраженная тенденция омоложения рождаемости и сокращение суммарного коэффициента рождаемости в Казахстане до 2,79 в 1990 г.

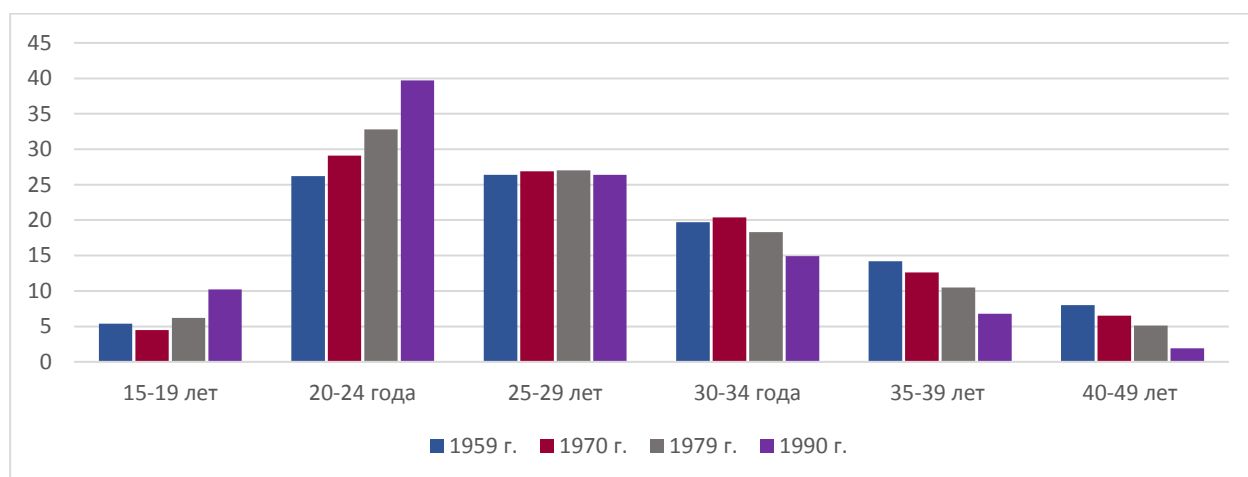

Рисунок 1.12 Вклад возрастных групп в суммарный коэффициент рождаемости в 1959–1990 гг. (%)

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С. 189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 1998. С. 103.

Таким образом, во второй половине XX века этнический фактор оказывал существенное влияние на демографические процессы в Казахстане. Тенденции воспроизводства населения, особенно показатели рождаемости, во многом определялись культурными и социокультурными традициями различных этнических групп. Казахи, сохранившие традиционный образ жизни в сельской местности, поддерживали расширенный тип семьи и высокую рождаемость, тогда как представители русской и других европейских групп, адаптированных к городскому образу жизни и индустриальным стандартам, демонстрировали более низкие показатели воспроизводства.

Этническая дифференциация касалась не только численности рожденных детей, но и структуры семьи, репродуктивного поведения женщин и возрастных границ воспроизводства. Она отражала сложное взаимодействие культурных норм, экономических условий, социальной поддержки государства и процессов урбанизации. В результате во второй половине XX века формировались разнонаправленные демографические тенденции вследствие этнической дифференциации социокультурных ценностей, влияющих на представления о семье, количестве детей и т. д.

Из данных таблицы 1.25 видно, что число рождений в 1980-е гг. растет, достигнув максимума в 1987 г. и это особенно заметно в сравнении с 1970 г. В то же время, удельный вес матерей, родивших трех и более детей в сравнении с 1970 г. снижается.

Таблица 1.25 Число родившихся, в том числе у матерей, родивших трех и более детей.

Годы	Всего родившихся, тыс. человек	В том числе у матерей, родивших трех и более детей	
		численность	%
1970	306,6	148,8	48,5
1980	356,0	117,6	33,0
1985	396,9	132,1	33,3
1986	410,8	138,9	33,8
1987	417,1	142,4	34,1
1988	407,1	136,6	33,6

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С.12.

Как говорилось выше, объясняется это тем, что в 1980-е гг. в активный репродуктивный возраст вступают женщины, появившиеся на свет в 1950–1960-е гг., большинство которых в 1980-е гг. «успели» родить только одного-двух детей. Судя по числу рождений, случившихся в это десятилетие (особенно во второй его половине), в 1990-е гг. количество рожденных третьими и более детей должно было существенно увеличиться.

Возможную тенденцию прервал социально-экономический кризис 1990-х гг., вследствие которого большое количество матерей не смогло реализовать свои репродуктивные планы. В то же время, данное явление стало основой второго демографического взрыва, наблюдающегося с начала XXI в. Нереализованный в 1990-е гг. репродуктивный потенциал компенсируется в 2000-е гг.

В это время быстро растет число рождений третьего, четвертого и более детей, многодетные семьи вновь становятся распространенным явлением в Казахстане. Но суть суверенной многодетности несколько иная, чем в 1950–1960-е гг. Ее причиной в значительной мере стали именно отложенные рождения, а не рождения, отражающие текущую историческую ситуацию. Реализуются репродуктивные установки, сложившиеся еще в советский период истории.

Изменения возрастной структуры населения оказали заметное влияние на количество матерей, получающих ежемесячные государственные пособия (см. табл. 1.26). В 1989 г. по сравнению с 1970 г. их число сократилось почти в два раза (в 1,9 раза). При этом сокращение носило дифференцированный характер в зависимости от числа детей: количество женщин с семью детьми уменьшилось в 3 раза, с шестью детьми – в 2,9 раза, с пятью – в 2 раза, с четырьмя – в 1,3 раза.

Очевидна четкая закономерность: чем больше число детей в семье, тем более выражено сокращение числа матерей, получающих социальные пособия. Это отражает как завершение демографической волны от «взрыва» 1950–1960-х гг., так и изменение репродуктивного поведения новых поколений женщин, для которых многодетность уже не является массовой нормой.

Снижение числа получателей пособий свидетельствует о постепенном переходе к меньшему числу детей на семью и о трансформации традиционной модели воспроизводства в условиях меняющихся социально-экономических условий.

Таблица 1.26 Численность многодетных матерей, получающих ежемесячные государственные пособия (тыс. человек)

годы	всего многодетных матерей, получающих пособия	в том числе			
		с 4 детьми	с 5 детьми	с 6 детьми	с 7 и более детьми
1960	352,6	165,2	97,6	51,9	37,9
1965	403,2	157,9	103,1	71,3	70,9
1970	381,3	117,6	91,4	71,6	100,7
1975	336,9	90,7	71,7	60,4	114,0
1980	278,2	77,0	56,9	42,9	101,4
1985	203,2	77,4	44,9	27,1	53,8
1989	196,3	92,5	45,8	24,8	33,2

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1972 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1973. С. 280; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный стат. ежегодник. Алма-Ата. 1987. С. 238; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С. 33.

Объясняется это тем, что у поколения, обеспечившего демографический взрыв в 1950–1960-е гг., дети постепенно выходят из возраста, претендующего на пособия, а многочисленные представители демографической волны еще не успели стать многодетными матерями.

Социально-экономические последствия демографического взрыва 1950-1960-х гг. Факт взросления поколения демографического взрыва приводит к существенному росту числа учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях (см. табл. 1.27). Так, в учебном 1980/81 г. в сравнении с 1960/61 г. студентов вузов стало больше в 2,6 раза, средних специальных учебных заведений (ссузов) – в 2,5 раза. В 1980-е гг. динамика роста существенно снижается, так как представители демографической волны постепенно выходят из студенческого возраста. Определенное значение имеет и нарастающее отрицательное сальдо межреспубликанской миграции.

Вследствие того, что демографический взрыв 1950–1960-х гг. и его последующая волна в основном затронули казахское население, это оказало заметное влияние на этнический состав студенчества республики. За период с 1960 по 1990 гг. общее число студентов в Казахстане увеличилось в 3,7 раза.

При этом наибольшие темпы роста наблюдались среди студентов казахской национальности – их число возросло почти в 4,9 раза (см. табл. 1.28).

Таблица 1.27 Численность учащихся высших и средних специальных учебных заведений (тыс. человек)

Годы	Численность студентов вузов	Численность студентов ссузов
1960/61	77,1	86,7
1970/71	198,9	217,9
1980/81	260,0	265,4
1985/86	273,3	277,6
1989/90	285,6	255,4

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С.99.

Рост числа студентов происходил преимущественно за счет казахской молодежи (59,2 %), тогда как вклад русских составил 26,4 %, а других этносов – 14,4 %. С каждым десятилетием увеличивался и удельный вес казахов в общей динамике роста студенчества: в 1960-е гг. представители казахского этноса обеспечивали 39,6 % прироста, в 1970-е – уже 81,7 %, в 1980-е – 98,8 %.

В то же время доля русских студентов в приросте численности студенчества неуклонно снижалась: в 1960-е гг. она составляла 42,0 %, в 1970-е – лишь 8,5 %. К 1990 г. наблюдалось сокращение числа студентов русской национальности по сравнению с 1981 г. Таким образом, демографические процессы 1950–1960-х гг. прямо отразились на формировании этнической структуры студенчества Казахстана, усиливая преобладание казахской молодежи в образовательной сфере.

Таблица 1.28 Национальный состав студентов вузов Казахской ССР в 1960-80-е гг. (на начало учебного года, тыс. человек)

Студенты	1960/61		1970/71		1980/81		1989/90	
	числ-ть	%	числ-ть	%	числ-ть	%	числ-ть	%
Всего	77,1	100	198,9	100	260,0	100	285,6	100
Казахи	31,4	40,7	79,6	40,0	129,5	49,8	154,8	54,2
Русские	34,0	44,1	85,2	42,8	90,4	34,8	89,1	31,2
Украинцы	3,9	5,1	11,4	5,9	11,5	4,4	11,4	4,0
Татары	1,7	2,2	3,7	1,9	4,9	1,9	5,0	1,7
Другие этносы	6,1	7,9	19,0	9,6	23,7	9,1	25,3	8,9

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1976 г. Алма-Ата, 1977. С. 218; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата, 1990. С.100.

Наибольшее представительство студенческой молодежи на 10 000 человек своего этноса в 1960–1980-е гг. также было у казахов (см. табл. 1.29). Причем разрыв показателя у казахов по сравнению с другими этносами с каждым десятилетием увеличивался. Объясняется это, в основе своей,

особенностью возрастной структуры этносов Казахстана. Если для казахов все эти годы была характерна молодая возрастная структура, то у русских значительная часть населения вышла за пределы студенческого возраста, с одной стороны. С другой стороны, большим вовлечением казахской молодежи в процесс получения советского высшего и среднего специального образования. Для казахского населения это имело положительные социальные последствия и определенное значение в плане расширения сфер профессиональной деятельности и доступа к социальному лифту в ближайшей перспективе и в будущем для их детей.

Таблица 1.29 Национальный состав студентов вузов Казахской ССР в 1960-80-е гг. на 10 000 человек своего этноса

Этносы	1960/61 гг.	1970/71 гг.	1980/81 гг.	1989/90 гг.
Казахи	113	188	245	241
Русские	86	154	151	143
Украинцы	51	122	128	127
Татары	89	130	157	153

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата. 1990. С. 11, 100.

Демографический взрыв 1950–1960-х гг. существенно повлиял на образование и социальную мобильность казахов. Рост численности казахской молодежи, вступавшей в репродуктивный возраст, привел к увеличению доли казахов среди студентов, что особенно заметно в период 1970–1990 гг. С течением времени первые поколения казахской молодежи, вступившие в образовательный процесс после демографического взрыва, постепенно «взрослеют». Уже в 1980-е гг. численность студентов на 10 000 человек этноса начинает снижаться (см. табл. 1.30), так как поколение «демографического взрыва» постепенно выходит за пределы студенческого возраста.

Таблица 1.30 Распределение населения отдельных национальностей, проживающих в Казахской ССР по уровню образования по данным переписи населения 1989 г. (на 1000 лиц в возрасте 15 лет и старше)

Национальности	с высшим образованием		с незаконченным высшим образованием	
	городское	сельское	городское	сельское
казахи	150	70	42	10
русские	126	47	18	8
украинцы	117	40	16	7
белорусы	107	27	15	5
узбеки	75	54	13	8
немцы	66	30	12	5
азербайджанцы	81	31	19	7
татары	113	47	20	8
уйгуры	79	40	23	8

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Алма-Ата. 1992. С.176–185.

Благодаря успешной возрастной конъюнктуре, созданной этим демографическим явлением, к концу советского периода у казахов сформировался наиболее высокий уровень высшего образования в республике. Это создало предпосылки для формирования нового поколения образованной молодежи, способной участвовать в социально-экономическом развитии республики. В то же время уменьшение доли русских студентов отражает одновременные процессы этнодемографической перестройки, усиливая роль казахов как ведущего этнического компонента в образовательной и профессиональной сферах.

Таким образом, демографический взрыв, приведший к значительному увеличению естественного прироста казахов в 1950–1960-х гг., в 1970–1980-е гг. имел не менее значительные социальные последствия. Во многом это связано с тем, что с конца 1960-х гг. интенсифицируется отток из Казахстана славянского, немецкого и представителей других этносов, прежде всего, из городов. Освобождающиеся в городах социальные ниши постепенно заполняются представителями казахского этноса. Об этом косвенно свидетельствует структура занятости в конце 1980-х г. Значительная часть казахского населения (35,3%) все еще занята в сельском хозяйстве (русского – 10,3%), работающих в промышленности пока еще не очень много – 13,0% (русские – 27,0%). Наибольшим предпочтением у казахов пользовались такие отрасли, как народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и искусство – 18,7% занятых (у русских – 15,4%).⁵¹ В целом, по мнению С. Ш. Казиева: «... к середине 1980-х казахи доминировали в администрации, высшем образовании, науке и культуре Казахской ССР».⁵²

Столь значительные социальные изменения постепенно начали сказываться и на показателях рождаемости казахских женщин. Наиболее четко тенденция видна на примере возрастной группы 15–19 лет в 1989 г., составляющей 49,4% всех женщин Казахстана этого возраста (русские – 32,1%, другие этносы – 18,5%).⁵³ Вклад казашек в общее число рождений в данной возрастной группе составил всего 27,1%, тогда как русских – 47,6%, представительниц других этносов 25,3% (см. табл. 1.31).

«Социалистический» вариант демографической истории Казахстана к концу советского периода обнаруживает определенные социально-экономические проблемы. Поколение демографического взрыва, появившееся на свет в 1950–1960-е гг., в 1970–1980-е гг. вступает в трудоспособный возраст и все более явно сталкивается с вопросами несоответствия демографического и социально-экономического развития. Этот дисбаланс заключается в том, что социально-экономический потенциал не в состоянии адаптировать потенциал демографический. Так как официально безработицы в СССР не было и

⁵¹ Итоги ВПН 1989 г. Том II. Алма-Ата. 1992. С. 357–364.

⁵² Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. 2015. С. 433–434.

⁵³ Итоги ВПН 1989 г. Том II. Алма-Ата. 1992. С. 357–364.

трудоспособное население должно было быть занято в народном хозяйстве, то, по мнению авторов, данные среднегодовой численности рабочих, служащих и колхозников соответствуют количеству рабочих мест на государственных предприятиях. На эти рабочие места могли претендовать люди, в основном находящиеся в трудоспособном возрасте (за исключением работающих пенсионеров). Естественно, что не все, находящиеся в возрасте от 16 до 60 (55) лет, будут работать.

Таблица 1.31. Распределение рождений по возрасту у женщин отдельных национальностей по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (%)

возраст женщин, лет	всего рождений	в том числе				
		Казашки	Русские	Украинки	Немки	другие этносы
15 лет и старше	100	41,6	33,8	6,2	6,7	11,7
15–19	100	27,1	47,6	6,8	6,5	12,0
20–24	100	41,5	34,0	5,8	6,0	12,7
25–29	100	43,1	32,9	5,0	6,8	12,2
30–34	100	42,8	33,7	4,7	7,3	11,5
35–39	100	44,6	33,2	4,7	6,4	11,1
40–44	100	48,8	31,1	5,5	3,5	11,1
Продолжение таблицы 1.31						
45–49	100	50,4	27,0	6,2	4,3	12,1
50–54	100	43,9	30,4	6,6	6,7	12,4
55–59	100	36,9	34,1	6,4	8,8	13,8
60–64	100	36,4	36,4	7,7	8,0	11,5
65–69	100	37,1	36,8	7,8	6,8	11,5
70 и старше	100	32,1	41,3	8,4	7,9	10,3

Рассчитано по: Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. II. Алма-Ата. 1992. С. 357–364.

Нами учтены следующие моменты:

1. Количество рожденных детей (с учетом младенческой смертности) в 1987–1989 гг. в целом соответствует количеству женщин, находящихся в декретном отпуске;
2. Учащиеся школ и ПТУ, находящиеся в трудоспособном возрасте (16–17 лет);
3. Студенты вузов, ссузов;
4. Пенсионеры, находящиеся в трудоспособном возрасте (вышедшие на пенсию до наступления официального пенсионного возраста), лица, получающие государственные пособия.

По нашим расчетам, около 15 % трудоспособного населения Казахстана входило в перечисленные категории. Этот коэффициент является усредненным для всей республики, однако каждая область имела свои особенности: в одних регионах наблюдалась более высокая рождаемость и, соответственно, больше женщин в декретном отпуске, в других – больше пенсионеров. При этом не учитывался такой фактор, как распространение малых предприятий, кооперативов и других форм самозанятости, которые

появились в конце 1980-х годов, что создавало дополнительные возможности для вовлечения населения в «социалистический рынок».

Эти особенности оказывали непосредственное влияние на экономическую активность трудоспособного населения. В областях с высокой долей женщин в декрете или пенсионеров нагрузка на оставшуюся активную часть населения была выше, что сказывалось на производительности и распределении труда. В то же время рост числа малых предприятий и кооперативов создавал новые рабочие места и позволял частично компенсировать снижение участия в экономике отдельных категорий населения, стимулируя самозанятость и предпринимательскую активность, особенно среди молодежи и женщин, стремившихся совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями. Мы не преследуем цели выявить точное число безработных, это невозможно. Основная задача заключается в том, чтобы увидеть тенденцию, обозначить проблемы, возникающие в контексте демографического и социально-экономического развития. Результаты расчетов представлены в таблице 1.32.

Таблица 1.32 Занятое и незанятое население в трудоспособном возрасте в 1989 г. (без учета г. Алматы)

Регионы	Среднегодов. численность рабочих и служащих, тыс. человек	Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. человек	Занятые в трудоспособном возрасте, %	Не занятые в трудоспособном возрасте, %
Казахстан	6206,0	7186,0	86,4	13,6
Южный Казахстан	1731,0	2289,0	75,5	24,5
Алматинская	328,0	443,0	74,0	26,0
Жамбыльская	359,0	461,0	77,9	22,1
Кзыл-Ординская	208,0	287,0	72,5	27,5
Талдыкорганская	262,0	320,0	81,9	18,1
Южно-Казахстанская	574,0	778,0	73,8	26,2
Северный Казахстан	2073,0	2174,0	97,1	2,9
Кокшетауская	308,0	312,0	98,7	1,3
Костанайская	586,0	591,0	99,1	0,9
Павлодарская	435,0	456,0	95,4	4,6
Северо-Казахстанская	290,0	284,0	102,1	-2,1
Акмолинская	454,0	491,0	92,5	7,5
Западный Казахстан	864,0	981,0	88,1	11,9
Актюбинская	309,0	340,0	90,9	9,1
Атырауская	283,0	347,0	81,6	18,4
Западно-Казахстанская	272,0	294,0	92,5	7,5
Восточный Казахстан	712,0	831,0	85,7	14,3
Восточно-Казахстанская	396,0	440,0	90,0	10,0
Семипалатинская	316,0	391,0	80,8	19,2

Регионы	Среднегодов. численность рабочих и служащих, тыс. человек	Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. человек	Занятые в трудоспособ- ном возрасте, %	Не занятые в трудоспособ- ном возрасте, %
Центральный Казахстан	826,0	911,0	90,7	9,3
Карагандинская	613,0	676,0	90,7	9,3
Жезказганская	213,0	235,0	90,6	9,4

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Пол, возраст, состояние в браке (раздел 2), Алма-Ата. 1990. С. 41–115; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата. 1990. С. 17–20.

Как видно из данных таблицы 1.32, наибольшие проблемы с занятостью имеются в Южном экономическом регионе – 24,5 % населения в трудоспособном возрасте не заняты на государственных предприятиях. Наиболее тревожная ситуация сложилась в Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Алматинской областях. В Восточном экономическом районе дефицит рабочих мест составил 14,3 %, причем положение в Семипалатинской области было намного сложнее, чем в Восточно-Казахстанской. В Западном регионе незанятыми оказались 11,9 % трудоспособного населения, в Центральном – 9,3 %. Налицо существенная разница в обеспечении рабочими местами, в первую очередь Северного и Южного экономических районов. Во многом это следствие действия демографической волны, возникшей в результате демографического взрыва казахов в 1950–1960-е гг. Более остро ситуация обозначилась в сельскохозяйственных регионах. Но в конце 1980-х гг. проблема аграрного перенаселения еще не нейтрализовалась социалистической системой хозяйствования, в которой рыночные методы не работали (в СССР не должно быть безработицы). Так, например, в конце 1980-х гг. Н. Назарбаев отмечал на XVI съезде Компартии Казахстана, что созданные новейшие технологии в овощеводстве в два раза сокращают потребность в рабочих, снижают себестоимость и повышают урожайность. Но эти технологии не применяются в областях южного Казахстана.⁵⁴ Вполне ясно, почему. В случае использования новейших технологий факт скрытой безработицы был бы выражен еще более явно.

Таким образом, проблема несоответствия векторов демографического и социально-экономического развития была актуальна еще в 1980-е гг. По настоящему острой она стала после распада СССР, когда экономика постсоветского пространства полностью была вынуждена перейти на «рыночные» отношения.

⁵⁴ Назарбаев Н. А. О проекте основных направлений экономического и социального развития. Доклад на XVI съезде Компартии Казахстана. Казахстанская правда, 1988. 9 февраля.

1.4 Специфика демографической динамики казахского населения в контексте социокультурных и социально-экономических трансформаций советского периода

В течение веков традиции высокой рождаемости у всех народов мира, казахов и русских в том числе, были следствием не менее высокой смертности населения. Постепенно рождаемость обросла обычаями, традициями и превратилась в культурное наследие, стала вполне самостоятельным явлением, связанным с социально-экономической, материальной культурой.

В то же время необходимо помнить, что демографическая суть проблемы заключается не в рождаемости, а в воспроизводстве, то есть в количестве детей в семье. Рождаемость компенсирует младенческую, детскую смертность. Нужное количество детей в семье достигается компенсацией числа умерших вновь родившимися. Если смертность высокая, то рождаемость должна быть несколько выше. Если смертность снижается, то и рождаемость с течением времени постепенно будет снижаться. Конечное число детей в семье в любом случае будет примерно одинаковым (отражая определенное историческое время). Только достигается разными социалистическими инструментами.

В Европе вследствие роста числа городов, городской инфраструктуры, улучшения медицины смертность снижалась постепенно. Количество детей в семье во многом определялось уже не аграрным способом жизнедеятельности, а городским (отсутствие личного подсобного хозяйства, занятость на производстве). Устанавливается новое демографическое равновесие. Развитие промышленности, городского образа жизни, рост уровня образования, занятости женщин на производстве и, как следствие, повышение материального благосостояния – все это вело к сокращению рождаемости. Демографическая составляющая постепенно выпадала из традиционно-аграрного культурного контекста и вскоре стала составной частью контекста социально-экономического. Таким образом, в европейском варианте (независимо от политической системы, капиталистической или социалистической) довольно четко прослеживается социально-экономическая детерминация рождаемости. Традиционные ценности постепенно уходили, заменяясь рационально-модернизированными, также постепенно менялось демографическое поведение.

В Советском Союзе демографическое развитие носило специфический характер, существенно отличающийся от эволюционных процессов, характерных для дореволюционного периода. Советский период истории был связан с многочисленными политическими, экономическими и социальными потрясениями, которые значительно нарушили естественный ход демографической эволюции. В особенности это касается Казахстана. На протяжении трех десятилетий (1916–1946 гг.) население Казахстана находилось в состоянии «демографического стресса». Наиболее уязвимой категорией оказались представители казахского этноса. Народно-

освободительное восстание 1916 года, Гражданская война, голод 1920-х и 1930-х годов, Великая Отечественная война и послевоенный голод 1946 года привели к значительным потерям населения, нанося глубокие демографические и социальные последствия.

После Великой Отечественной войны развернулась масштабная индустриализация и ускоренный рост городского населения, что сопровождалось снижением рождаемости. В целом этот процесс стал особенно заметен в 1960-е годы в европейской части СССР. Однако он практически не затронул титульное население республик Средней Азии и Казахстана, большинство которого проживало в сельской местности и сохраняло основы традиционной культуры.

При этом автохтонные народы в значительной степени воспользовались социально-экономическими и морально-идеологическими преференциями социалистического государства. Эти меры не только сочетались с традиционными культурными нормами, но и способствовали их укреплению, повышая устойчивость и воспроизводственный потенциал.

Таким образом, рождаемость у коренного населения определялась традиционной культурой, которая не подверглась разрушению вследствие модернизации, урбанизации, урбанистического образа жизни, индустриально-промышленного производства и трансформации структуры занятости. Индустриальные и городские функции в значительной мере выполняли представители «европейских» этнических групп, что наглядно отражалось на различиях в показателях воспроизводства между этническими общностями.

Более всего явление проявилось в Казахстане. Даже в конце советского периода истории удельный вес казахов в составе городского населения Казахстана равнялся 26,6%,⁵⁵ тогда как туркменов в Туркменистане – 53,8%, узбеков в Узбекистане – 53,7%, таджиков в Таджикистане – 50,5%.⁵⁶ И если в Узбекистане, например, удельный вес узбеков, занятых в промышленности, составлял 53%,⁵⁷ то казахов в Казахстане – 13%, тогда как в сельском хозяйстве – 35%.⁵⁸

Варианты нового демографического состояния в Казахстане начали появляться в 1950–1960-е гг. Большое значение в его становлении играл миграционный приток из европейской части СССР в 1930–1960-е гг. «Искусственная полиэтничность», сконструированная политическими методами из этносов с существенно отличающимися социокультурными,

⁵⁵ Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Республиканский информационно-издательский центр. Алма-Ата. 1992.

⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР: Демоскоп Weekly, 13/06/2022/URL: http://www.demoscope.ru/weekly/SSP/USSR_nac_89.php

⁵⁷ Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 292.

⁵⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Республиканский информационно-издательский центр. Алма-Ата. 1992. С.3.

социально-экономическими предпочтениями стала причиной появления в Казахстане параллельных миров с этнически дифференцированной системой расселения (село казахское, город «европейский»), структурой занятости (казахи в сельском хозяйстве, русские в индустриально-промышленном секторе). Демографическим отражением такого «параллельного» существования стали все более различающиеся показатели воспроизводства (в первую очередь рождаемости, показатели смертности почти не отличались, так как стали следствием государственных мер, одинаковых для всего населения) у представителей основных этнических групп республики. Тенденции демографического развития казахстанских русских почти не отличались от российских (советских) стандартов, сформированных под влиянием индустриальной урбанизации: начинается довольно быстрое снижение рождаемости. В то же время у казахов показатели воспроизводства быстро росли.

Одним из ключевых факторов формирования специфики демографического развития казахского населения во второй половине XX века стало то, что традиционные нормы репродуктивного поведения, сохранявшиеся в сельской среде, получили всестороннюю социально-экономическую, моральную и идеологическую поддержку государства. Эта поддержка позволила данным нормам функционировать более продуктивно, чем в классическом кочевом варианте, обеспечивая высокую эффективность воспроизводства.

В то же время традиционное демографическое равновесие, складывавшееся веками под воздействием особенностей кочевого образа жизни, оказалось нарушенным. Вследствие этого произошел резкий рост рождаемости, приведший к демографическому взрыву, пик которого пришелся на 1950 – середину 1960-х годов.

По мнению авторов, традиция многодетности у казахов была рождена советской политикой, экономикой. В течение 30 лет (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) казахи находились в искусственной социально-экономической среде. Это не новое демографическое равновесие. Это результат удачного сочетания сложившихся в это время политических, социально-экономических, идеологических факторов.

Важно то, что большое количество детей в семье не влияло на снижение качества человеческого капитала, закономерность «стремление к качеству ведет к сокращению количества» не срабатывала. Причины следующие:

- большое количество детей не приносило семье больших материальных расходов. Медицина, образование (дошкольное, школьное, высшее) были бесплатными;

- многодетные семьи поощрялись государством (пособия, выплаты). Малодетные таких преференций не имели. Помимо этого, в сельском хозяйстве, в личном подсобном хозяйстве дети были незаменимыми помощниками;

- многодетность поощрялась морально (медали, звания, публикации в СМИ);

- многодетность гарантировала социальный рост (квоты, особенно молодежи из сельской местности на поступления в вузы, в том числе в центральные вузы СССР (Москва, Ленинград и т. д.);

- высокий морально-социальный статус многодетности, формируемый как государственными структурами, так и обществом.

Таким образом, «количество» фактически гарантировало «качество». Нейтрализуется один из основных принципов закономерности, сформированной урбанизацией, индустриальной экономикой – «чем выше качество детей, тем меньше их количество». Многодетность в 1950 – 1980-е гг. базировалась на мощном социально-экономическом, морально-идеологическом фундаменте социалистической системы. Если в кочевом обществе высокая рождаемость была следствием высокой смертности, то в 1950–1960-е гг. эта взаимосвязь во многом перестает работать. Рождаемость стала рациональным выбором, стратегией, основанной на социально-экономической выгоде. Смертность мало влияет на этот процесс.

Многодетность стала социальной целью многих семей. Она гарантировала достойное будущее детям, материальный достаток, почет и уважение родителям. Это – образ жизни. Особенность в том, что все эти предпочтения оценивались через бытовую призму, в довольно замкнутой сельской среде. Роль государства фактически на этом уровне не воспринималась (что вполне естественно), государственные законы, указы и т. д. были некоей абстракцией и не рассматривались как причина роста числа детей в семье. Вследствие этого сформировалось убеждение, что многодетность – это казахская народная традиция. Тем более, что у городских русских ее не было (в массовом порядке). Так что, с одной стороны, многодетность воспринимается как народная традиция, выгодно отличающая казахов от русских, с другой, как важная и значимая работа, хорошо оплачиваемая государством. Социокультурная и социально-экономические линии соединились. Соединила их государственная политика.

Можно сказать, традиция многодетности выросла из симбиоза традиционных ценностей и советской социально-экономической политики. Традиционный доиндустриальный сегмент благополучно существовал в контексте индустриально-промышленного вектора государственного развития, которое осуществляли другие этносы. Вторая половина XX в. является особым, весьма неоднозначным периодом демографической истории казахского этноса. Казахи были «отстранены» от индустриально-промышленного модернизационного вектора развития Казахстана, оставаясь в сельской местности. В то же время это позволило им сохранить традиционные демографические отношения, материально, социально, идеологически поддержанные социалистической системой. В результате естественный прирост достиг высоких значений, многодетные семьи стали распространенным явлением.

Активная урбанизация и социализация в городском пространстве в 1970–1980-е гг. наметили новые тенденции демографического развития

казахской молодежи, показатели рождаемости начинают снижаться. Неоднозначность ситуации в том, что, с одной стороны, советская действительность укрепила традиционный демографический потенциал казахов, следствием чего стал демографический взрыв, приведший к быстрому росту численности этноса. С другой, предоставила возможность реализоваться поколению взрыва в городской, относительно модернизированной среде, что привело к уменьшению показателей рождаемости. Сложно сказать, какими могли быть репродуктивные установки этого поколения в более старших возрастных группах. Распад СССР и создание суверенного Казахстана определили новые тенденции демографического развития населения. Во многом они определялись тем, что демографические отношения, сложившиеся в специфических условиях второй половины XX в. были восприняты как социокультурная особенность этноса, на основе которой начала выстраиваться суверенная демографическая политика.

2. СУВЕРЕННЫЙ ЭТАП ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В КАЗАХСТАНЕ (1990–2021 гг.)

После распада СССР и обретения суверенитета, в Казахстане начинает формироваться новая демографическая система. Особенность в том, что базировалась она на этнодемографическом, социально-экономическом фундаменте XX века. В 1990-е гг. «советский» фундамент был разрушен, основы же суверенного демографического развития находились в стадии становления. В результате Республика Казахстан пережила период демографического кризиса. В течение следующего десятилетия был преодолен переходный этап, что позволило к началу XXI века сформировать параметры суверенной демографической системы, функционирующей на основе социокультурных предпочтений казахского этноса. В настоящее время направления демографического развития определяются факторами, сложившимися в период независимости. Ключевым компонентом, отражающим динамику демографических процессов, остается воспроизводство населения, прежде всего уровень рождаемости.

2.1 Рождаемость в Казахстане в условиях изменения этнодемографической структуры населения (1990–2009 гг.)

Одним из наиболее значимых проявлений кризиса 1990-х гг. стало резкое сокращение рождаемости. В 1990–2000 гг. возрастные коэффициенты рождаемости уменьшились во всех группах репродуктивного возраста (см. рис. 2.1). В первую очередь это касалось представительниц демографической волны, вызванной демографическим взрывом в 1950–1960-е гг. (15 – 24 года в 2000 г.). В 2000 г. в сравнении с 1990 г. возрастные коэффициенты рождаемости в группе 15–19 лет сократились на 45,3%, 20–24 года – на 39,6%. Процесс деторождений в этих возрастах был перенесен на более позднее, благополучное время.

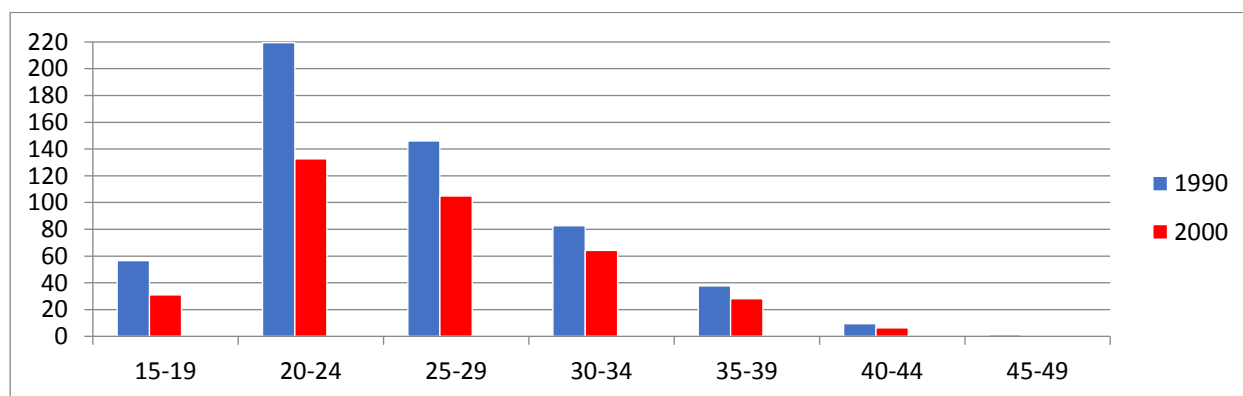

Рисунок 2.1 Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в 1990, 2000 гг.

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 1998. С. 103; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 2006. С. 199.

Показатели рождаемости уменьшаются и в более старших группах, но темпы сокращения были не такими высокими. В результате суммарный коэффициент рождаемости в 1990-е годы снизился на 33,3% и составил в 2000 г. 1,86 – то есть ниже уровня простого воспроизводства (см. рис. 2.1; приложение 1, табл. 14).

Уменьшился и СКР отдельных возрастных групп: в возрасте 15–19 лет – на 53,6%, 20–24 года – на 40,0%, 25–29 лет – на 28,8% (см. рис. 2.2; прил. 1, табл. 15). Наибольший спад наблюдался в перспективных группах, способных оказывать влияние на демографическую ситуацию в недалеком будущем.

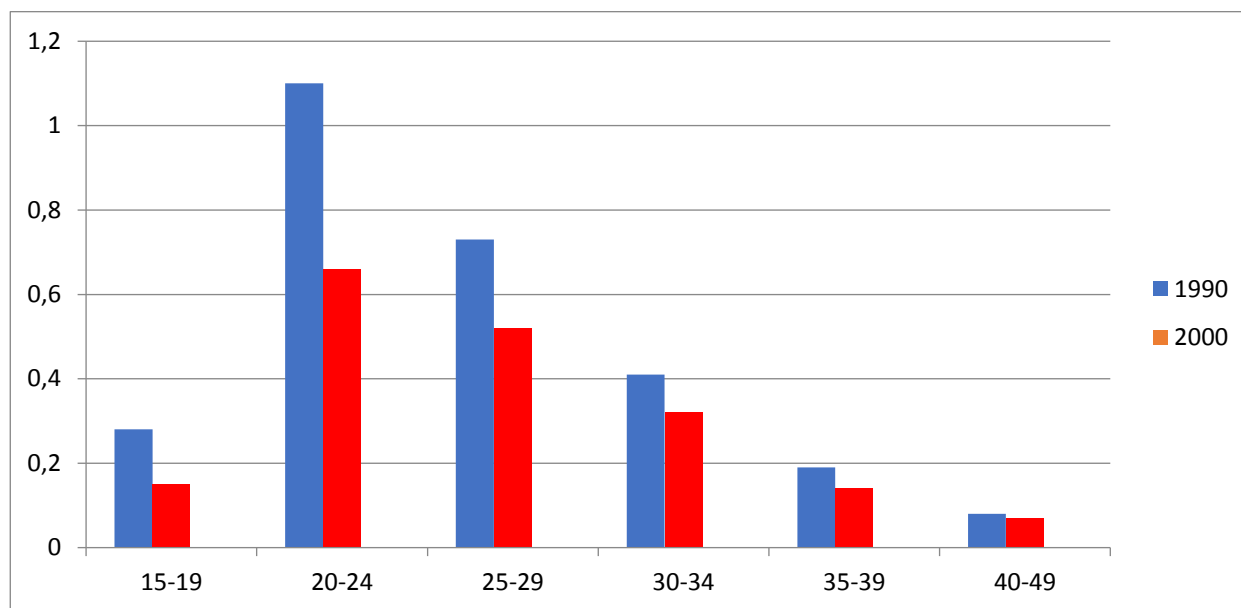

Рисунок 2.2 СКР возрастных групп в 1990, 2000 гг.

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 1998. С. 103; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Алматы. 2006. С. 199.

Структура рождаемости, обозначенная как вклад СКР отдельных возрастных групп в общий СКР, в 1990–2000 гг. изменилась незначительно, так как снижение ВКР наблюдалось во всех репродуктивных группах, но более заметно – в молодых. Если в 1990 г. вклад в общую рождаемость возрастной группы 15 – 24 года (1966–1975 гг. рождения) составлял 49,4%, то в 2000 г. – 43,6% (1976–1985 гг. рождения) (см. рисунок 2.3; прил. 1, табл. 16). Кризис 1990-х гг. нейтрализовал репродуктивный потенциал представительниц демографической волны, вызванной демографическим взрывом 1950 – первой половины 1960-х гг.

Вклад в СКР возрастной группы 25 лет и старше увеличился с 50,6% в 1990 г. до 56,4% в 2000 г. и объясняется тем, что сокращение СКР в этих возрастных группах было выражено не так явно, как в возрасте 15–24 года – времени рождения первенцев.

Демографическое равновесие, сложившееся в советское время, разрушилось. Сменились многие политические, этнические, социальные, экономические статусы, на основе которых это демографическое равновесие

функционировало. Но, несмотря на разрушительные последствия, данные явления были недолговечны. Поэтому особенности демографического развития в 1990–2000 гг. не могли стать началом долговременной тенденции, характеризующей суверенные репродуктивные установки.

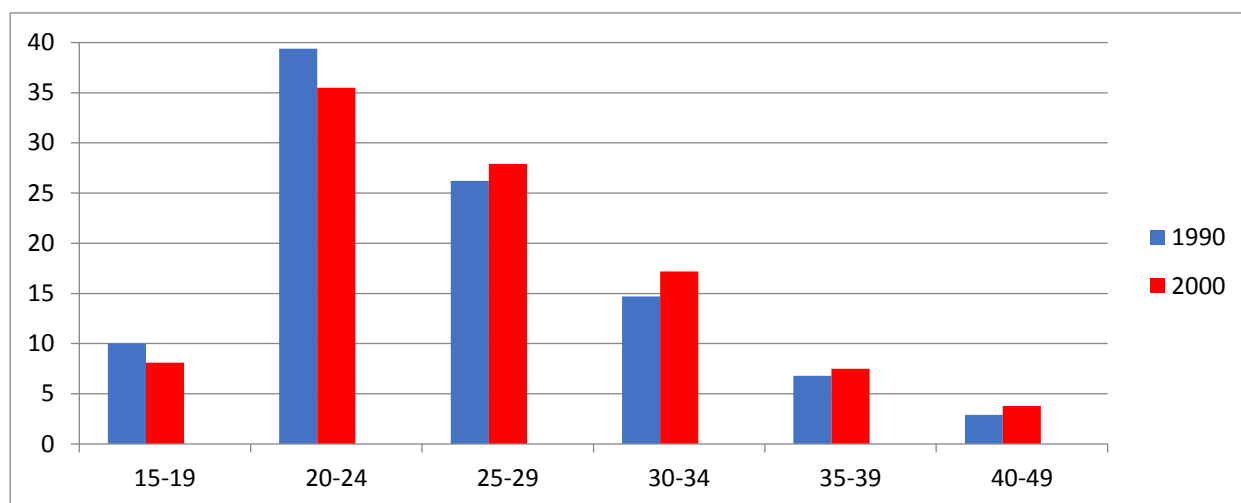

Рисунок 2.3 Вклад СКР возрастных групп в общий СКР в 1990, 2000 гг. (%).
 Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 1998. С. 103;
 Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 2006. С. 199.

Следующее десятилетие (2000–2010 гг.) также не является некой «суверенной моделью» репродуктивных установок, которую можно проецировать в далекое будущее. Это, условно, «компенсаторный период» - возвращение к докризисному времени жизни. Кардинально изменилась социально-экономическая ситуация, поддержка семьи и материнства государством стала гораздо более существенной. Немалое значение имел фактор «этнического замещения» в молодых возрастных группах. Доля славянского и других этносов с низкими показателями рождаемости к 2010 г. в них значительно сократилась (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989, 1999 и 2009 гг. (тыс. человек)

Этносы	1989		1999		2009		2009 к 1989 (%)
	Числ.	%	Числ.	%	Числ.	%	
Все население	16464,5	100	14955,1	100	16009,6	100	97,2
городское	8751,1	100	8414,5	100	8977,8	100	102,6
сельское	7713,4	100	6540,6	100	7031,8	100	91,2
Казахи	6534,6	39,7	7071,6	53,3	10096,8	63,1	154,5
городское	2331,4	26,6	3616,3	43,0	5019,8	55,9	215,3
сельское	4203,2	54,5	4355,3	66,0	5077,0	72,2	120,8
Русские	6227,5	37,8	4489,7	30,0	3793,8	23,7	60,9
городское	4613,1	52,7	3454,0	41,0	2807,9	31,3	60,9
сельское	1614,4	20,9	1035,7	13,0	985,9	14,0	61,1

Этносы	1989		1999		2009		2009 к 1989 (%)
	Числ.	%	Числ.	%	Числ.	%	
другие этносы	3702,4	22,5	2493,8	16,7	2119,0	13,2	57,2
городское	1806,6	20,6	1344,2	16,0	1150,1	12,8	63,7
сельское	1895,8	24,6	1149,6	20,4	968,9	13,8	51,1

Рассчитано по: Ст. сб. по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата. 1991. С. 7–9; Нац. состав населения РК. Т.1. Итоги переписи 1999 г. в РК. Алматы. 2000. С. 6–8; Нац. состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Нац. переписи населения 2009 г. в РК. Астана. 2010. С. 4–6.

Большинством стали представительницы казахского этноса с более высокими репродуктивными установками. Все эти изменения отразились на возрастных коэффициентах рождаемости (см. рис. 2.4, прил. 1, табл. 17).

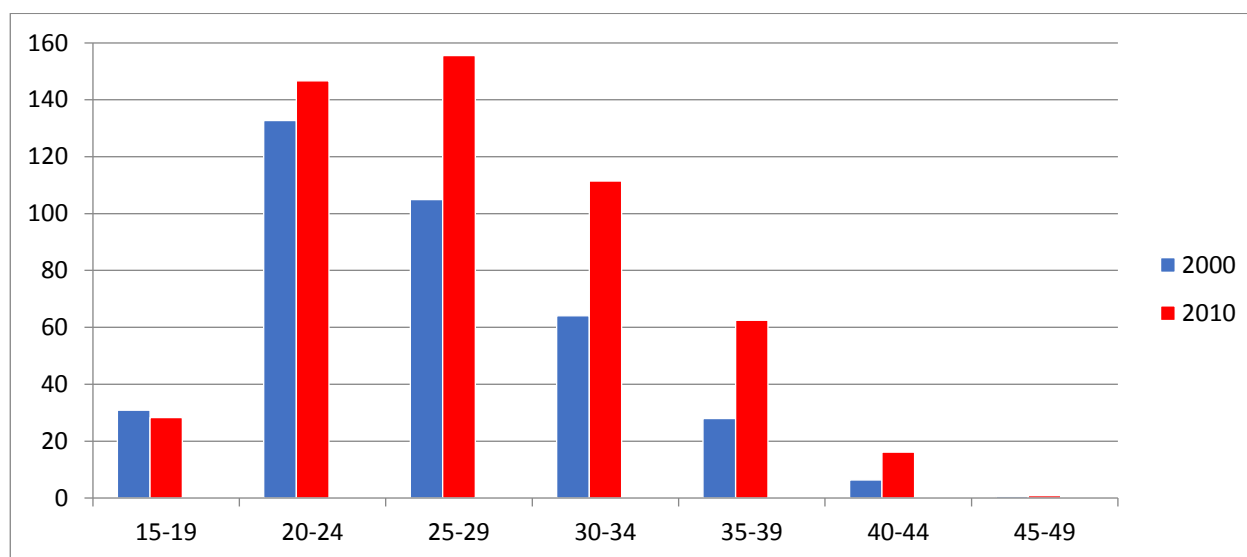

Рисунок 2.4 Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 населения), суммарный коэффициент рождаемости в 2000, 2010 гг.

Рассчитано по: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2017. С. 175–182.

Характерной особенностью «компенсаторных» периодов является повышенная динамика статистических показателей, стремящихся вернуться к прежним параметрам. Особенно четко это видно на примере активности рождений в возрастных группах старше 25 лет, компенсирующих «репродуктивный застой» 1990-х гг. Вырос как суммарный коэффициент рождаемости представительниц этой группы (см. рис. 2.5, прил. 1, табл. 17), так и их вклад в суммарный коэффициент рождаемости РК (см. рисунок 2.6; приложение 1, табл. 18).

В изменившихся социально-экономических условиях результативно сработал эффект «отложенных рождений». Поэтому, несмотря на рост ВКР 20–24-летних, вклад этой возрастной группы в СКР значительно снизился.

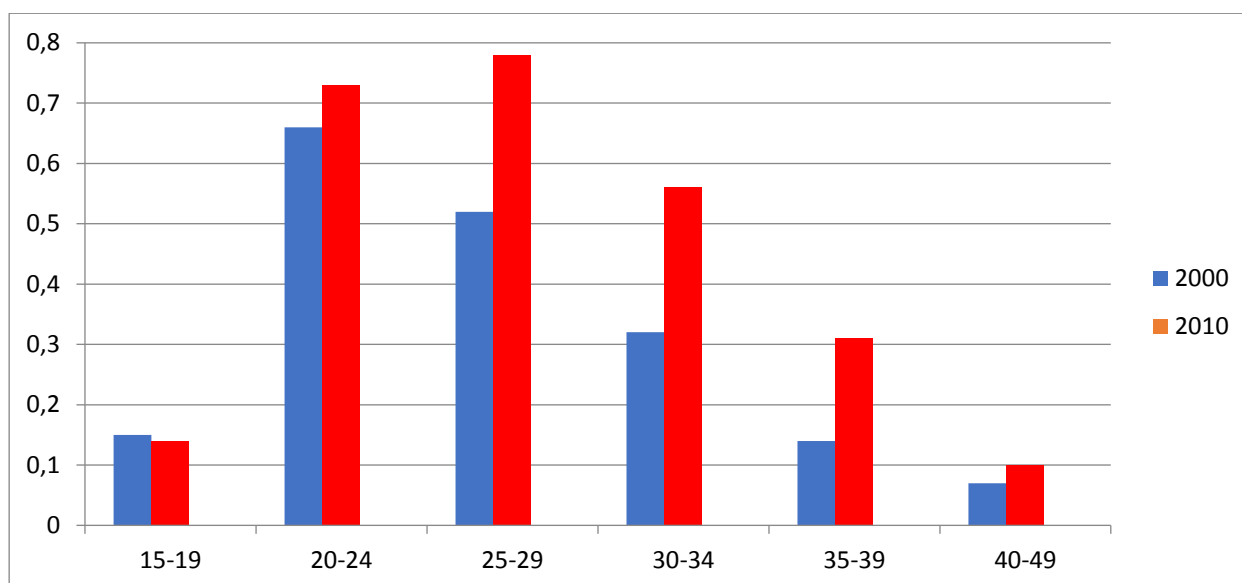

Рисунок 2.5 СКР возрастных групп в 2000, 2010 гг.

Рассчитано по: *Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Астана. 2017. С. 175–182.*

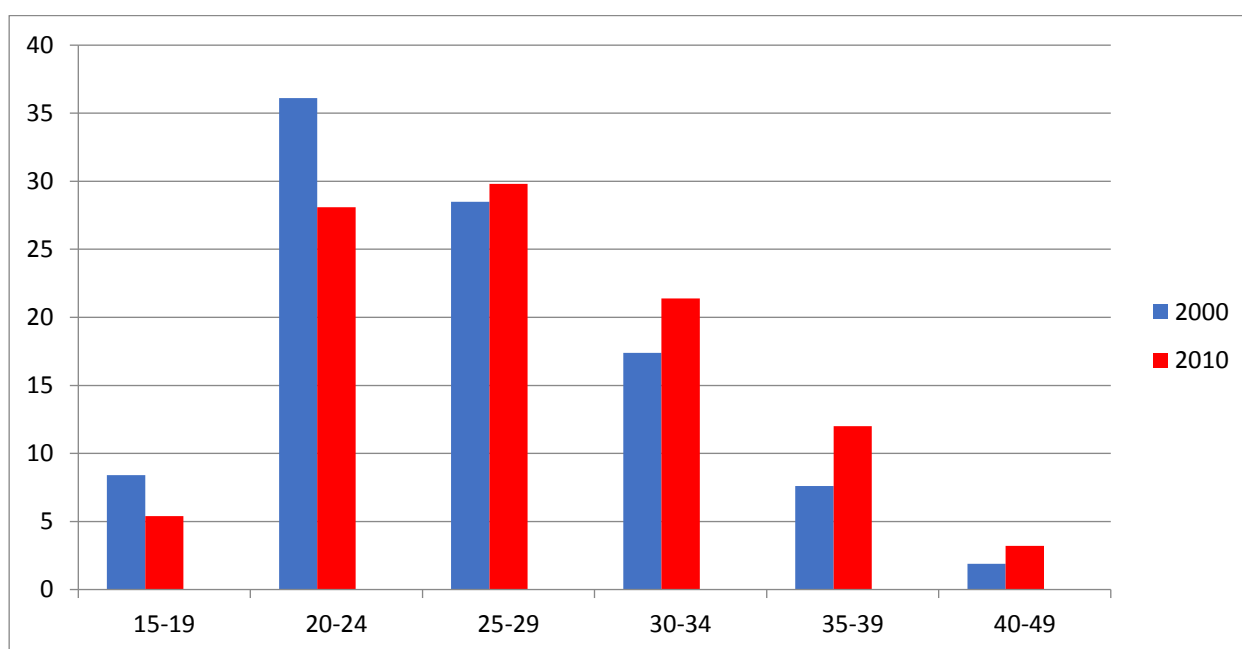

Рисунок 2.6 Вклад СКР возрастных групп в СКР РК в 2000–2010 гг. (%).

Рассчитано по: *Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Астана. 2017. С. 175–182.*

В результате всех этих изменений суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане увеличился в первое десятилетие XXI в. на 40,9% и составил в 2010 г. 2,62 (в 2000 г. – 1,86). Возрастные коэффициенты рождаемости снижаются лишь в группе 15–19 лет. Тенденции социально-экономического развития (урбанизация и изменение социально-экономической среды, обучение в вузах и т. д.) становятся все более важной причиной переноса рождений на более позднее время.

2.2 Феномен второго демографического взрыва: структурные особенности и модернизационные детерминанты (2010–2021 гг.)

Сравнение «посткризисных» данных в 2010 г. с «докризисными» данными 1990 г. демонстрирует изменившуюся за 20 лет структуру возрастных коэффициентов рождаемости. Процессы рождаемости в 2010 г. определяло уже другое поколение, репродуктивные установки которого во многом сформировались в условиях суверенного развития РК. Вследствие этого, условной точкой отсчета становления суверенных репродуктивных установок является, на наш взгляд, 2010 г., что во многом объясняется эволюциями этнического состава населения, зафиксированными в данных переписей населения 2009 и 2021 гг. (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2 Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 2009 и 2021 гг. (тыс. человек)

Этносы	2009		2021		2021 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	16009,6	100	19186,0	100	119,8
городское	8977,8	100	11741,3	100	130,8
сельское	7031,8	100	7444,7	100	105,9
Казахи	10096,8	63,1	13497,9	70,4	133,7
городское	5019,8	55,9	7862,5	67,0	156,6
сельское	5077,0	72,2	5635,4	75,7	111,0
Русские	3793,8	23,7	2981,9	15,5	78,6
городское	2807,9	31,3	2278,8	19,4	81,2
сельское	985,9	14,0	703,1	9,4	71,3
другие этносы	2119,0	13,2	2706,2	14,1	127,7
городское	1150,1	12,8	1600,0	13,6	139,1
сельское	968,9	13,8	1106,2	14,9	114,2

Рассчитано по: Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Астана. 2023. С. 5, 11, 18.

Как следует из данных таблицы 2.2, к 2009 году процесс перестройки этнодемографической структуры в основном завершился. Казахи стали преобладающей этнической группой, в том числе в городских населенных пунктах, и фактически определяют демографические процессы в стране. В 2010 году они обеспечивали 72,5% всех рождений в Республике Казахстан и 93,3% естественного прироста населения.⁵⁹ В период 2010–2021 гг. число рождений увеличилось на 21,4%, достигнув 446,5 тыс. человек к 2021 году по сравнению с 367,7 тыс. в 2010 году. При этом темпы прироста в городских районах в 7,1 раза превышали аналогичный показатель в сельской местности

⁵⁹ Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник/на казахском и русском языках. Астана, 2012. С. 116.

(36,3% против 5,1%) (см. табл. 2.3). Суммарный коэффициент рождаемости возрос на 26,7%, с 2,62 в 2010 году до 3,32 в 2021 году, при этом рост показателя в городах опережал динамику сельской местности.⁶⁰

Таким образом, рост показателей рождаемости, обозначившийся в 2000–2010 гг., продолжается и во втором десятилетии XXI века. И это не следствие эффекта «этнического замещения», определявшего суть процесса в 2000–2010 гг., а в большей мере результат функционирования демографической системы Казахстана на автохтонной основе.

Важно понять, каковы перспективы данного явления. Есть ли это свидетельство становления тенденции, способной определять вектор демографического развития длительное время? Или только следствие действия конъюнктурных факторов, отражающих особенности текущего периода?

С этой целью период 2010–2021 гг. для изучения разделен на две части: 2010–2015 гг. и 2015–2021 гг. Даже на таком коротком временном отрезке между обозначенными периодами наблюдается существенная разница в динамике показателей рождаемости. Так, если в 2010–2015 гг. число рождений увеличилось на 8,4%, суммарный коэффициент рождаемости на 5,3%, то в 2015–2021 гг. соответственно на 12,0% и 20,3% (см. табл. 2.3, 2.7). Вследствие этого период 2015–2021 гг., в течение которого происходили наиболее значительные изменения, разбит еще на два хронологических подпериода: 2015–2018 гг. и 2018–2021 гг.

В обозначенном временном диапазоне особенности демографического поведения казахстанских женщин во многом проявляются через призму показателя «поочередность рождений». В период 2010–2021 гг. произошли существенные изменения в распределении рождений по очередности. Если в 2010 году первенцы составляли 40,7% всех рождений, а дети, рожденные четвертыми и более, – 13,5%, то к 2021 году ситуация кардинально изменилась: доля рождений четвертого, пятого и последующих детей выросла до 28,0%, тогда как первенцев стало 26,8% (см. табл. 2.3). Свою роль в этом сыграла улучшившиеся в эти годы социально-экономическая ситуация и государственная социальная политика.

В целом прослеживается явная тенденция к сокращению удельного веса первенцев и вторых детей и одновременному увеличению доли третьего, четвертого и последующих детей. При этом динамика процесса была значительно более выражена в городах: удельный вес рождений четвертого и более ребенка в 2021 году по сравнению с 2010 годом увеличился в 2,8 раза, тогда как в сельских поселениях – в 1,8 раза. Если в 2010 году удельный вес первенцев в городах превышал долю рождений четвертого и последующих детей в 5,3 раза, то к 2021 году этот показатель составил лишь 1,2 раза.

⁶⁰ Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Айдапкелов Н.С. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана Гл. ред. Шаймарданов Ж.Н. Нур-Султан. 2022. С. 140–145.

Таблица 2.3 Родившиеся по очередности рождений в 2010–2021 гг. (тыс. человек)

Очередность рождений	2010		2015		2018		2021	
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	Числ-ть	%	Числ-ть	%
Всего родилось	367,7	100	398,5	100	397,8	100	446,5	100
первыми	149,7	40,7	134,4	33,7	116,4	29,3	119,9	26,8
вторыми	106,5	29,0	113,4	28,4	111,8	28,1	102,5	22,9
третьими	61,6	16,7	72,5	18,2	91,1	22,9	93,6	21,0
четвертыми и более	49,8	13,5	57,0	14,3	78,0	19,6	125,1	28,0
городское население	192,6	100	225,8	100	235,0	100	262,5	100
первыми	86,4	44,9	84,4	37,4	74,2	31,6	76,0	28,9
вторыми	60,6	31,5	68,0	30,1	71,2	30,3	65,3	24,9
третьими	29,2	15,2	39,2	17,4	52,6	22,4	55,5	21,1
четвертыми и более	16,4	8,5	23,8	10,5	37,0	15,7	62,5	23,8
сельское население	175,1	100	172,6	100	162,6	100	184,0	100
первыми	63,3	36,1	50,0	29,0	42,2	25,9	44,0	23,9
вторыми	45,9	26,2	45,4	26,3	40,6	25,0	37,2	20,2
третьими	32,5	18,6	33,3	19,3	38,5	23,7	38,0	20,6
четвертыми и более	33,3	19,0	33,1	19,2	41,4	25,5	62,6	34,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов Астана, 2017. С. 115–119; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 92–96.

Столь кардинальные изменения очередности рождений в течение десятилетия вызывают много вопросов. При этом обращает на себя внимание то, что динамика процесса существенно усилилась в 2018–2021 гг. Явление сложно объяснить следствием стремительных социокультурных эволюций казахстанских женщин, вызванных урбанизацией, городским образом жизни и т. п. Тем более, что в мировой практике такие эволюции ведут к сокращению многодетности, переход к среднедетной и малодетной семье. Суть проблемы несколько в ином.

Быстрые изменения показателей очередности рождений во многом отражают изменения возрастно-половой структуры в 2010–2021 гг. (см. табл. 2.3). Так, в 2010–2021 гг. численность женщин в возрасте 20–29 лет сократилась на 17,5% (на 265,3 тыс. человек). Численность 15–19-летних за этот же период уменьшилась на 19,8% (на 176,2 тыс. человек). Вследствие малочисленности поколения, рожденного в 1990-е – начале 2000-х гг., снижался и удельный вес рождений первого и второго ребенка. Так, удельный вес детей, рожденных первыми и вторыми, сократился с 69,7% в 2010 г. до 49,7% в 2021 г.

На особенности структуры очередностей рождений в 2010–2021 гг. влияет многочисленное поколение, появившееся на свет в конце 1970 – 1980-е годы. Так, в 2010 г. женщины, рожденные в конце 1970-х–1980-е гг., определяли высокий удельный вес рождений первого и второго ребенка (69,7% рождений: в городах 76,4%, в селах – 62,3%). Затем, по мере взросления многочисленной возрастной группы, постепенно увеличивается доля детей, рожденных третьими, четвертыми и более. Так, женщин в возрасте тридцать лет и старше в 2021 г. в сравнении с 2010 г. стало больше на 15,2% (357,1 тысяч) (см. табл. 2.4). В результате удельный вес детей, рожденных третьими, увеличился с 16,7% в 2010 г. до 21,0% в 2021 г., четвертыми и более – с 13,5% до 28,0% (см. табл. 2.3).

Таблица 2.4 Возрастная структура женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в 2010–2021 гг., тыс. человек

Возраст женщин, лет	2010	2015	2018	2021
15-19	741,8	571,4	544,8	595,7
20-29	1513,8	1563,3	1431,0	1243,5
30 и старше	2344,8	2430,9	2565,1	2701,9

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 25; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 20.

Таким образом, логика очередности рождений во многом зависела от движения возрастной структуры, была плавной и предсказуемой. Но в 2018–2021 гг. происходят довольно существенные изменения, которые нельзя объяснить лишь эволюцией возрастной структуры. Коснулись они только динамики рождений четвертых и более детей. Число таких рождений увеличилось за это короткое время на 60,4%, при этом в городах процесс был выражен более явно, чем в сельских поселениях (рост, соответственно, на 68,9% и 51,2%). Фактически, рождение четвертых и более детей в 2018–2021 гг. определяло динамику рождаемости в РК (см. табл. 2.3).

Существенные изменения за такой короткий период времени во многом объясняются, на наш взгляд, государственной политикой по поддержке многодетных семей, совпавшей с особенностями движения возрастной структуры. На возможность получения пособия по многодетности в большинстве своем отреагировали женщины старшего репродуктивного возраста, многие из которых уже имели трех детей. Именно эта многочисленная возрастная группа создает «эффект многодетности».

Общеизвестно, что всевозможные социальные пособия результативны в том случае, если сочетаются с традиционными представлениями о семье, количестве детей в ней. Если такие представления не распространены, то пособия мало влияют на повышение рождаемости в государстве. Так, в России введение материнского капитала привело лишь к кратковременному подъему, объясняемому изменением календаря рождений: «Программы материнского

капитала и прочих инициатив в области демографической политики существенным образом не сказались на показателях рождаемости».⁶¹

В Казахстане наблюдается несколько иная демографическая картина. Согласно данным таблицы 2.5, традиционные представления о семье и предпочтительном количестве детей сохраняются не только среди старших возрастных групп женщин. Проявления тенденции к многодетности начинают формироваться уже в более раннем репродуктивном возрасте. Так, в возрастной группе 20–24 года в период 2010–2021 гг. фиксируется некоторое снижение удельного веса рождений первого ребенка, при этом растет доля рождений второго и третьего ребенка.

Таблица 2.5 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений в 2010–2021 гг.⁶² (%)

Возраст женщин, лет	Всего (%)	в том числе											
		первый			второй			третий			четвертый +		
		2010	2015	2021	2010	2015	2021	2010	2015	2021	2010	2015	2021
15-19	100	90,3	84,0	87,0	9,5	10,3	11,3	0,2	0,7	0,7	-	-	-
город	100	91,4	85,6	87,3	8,4	9,1	10,7	0,1	0,0	0,2	-	-	-
село	100	89,7	82,7	86,7	10,5	11,3	11,8	0,1	0,1	0,2	-	-	-
20-24	100	62,7	54,8	55,2	30,6	31,7	32,1	5,9	7,2	9,6	0,8	1,0	2,0
город	100	67,8	60,0	59,7	27,7	28,9	29,9	4,0	5,6	7,7	0,4	0,6	1,6
село	100	57,5	48,6	49,9	33,5	34,8	34,6	7,8	8,9	11,8	1,1	1,2	2,5
25-29	100	32,6	28,3	24,0	36,9	35,0	29,6	20,9	21,9	26,7	9,6	9,5	18,8
город	100	38,8	34,1	28,9	38,8	36,9	32,4	15,8	18,3	24,0	4,9	6,2	14,0
село	100	25,0	20,0	17,0	32,7	32,2	25,2	26,9	27,2	30,8	15,3	14,3	26,0
30-34	100	18,5	15,5	11,5	27,1	24,6	17,1	27,7	28,0	26,8	26,6	26,7	43,3
город	100	22,5	19,6	13,9	34,5	29,7	20,9	26,8	27,7	28,4	16,2	18,5	35,5
село	100	13,8	9,5	7,7	18,7	17,2	11,1	28,8	28,4	24,3	38,6	38,6	55,1
35-39	100	14,1	11,9	8,3	18,3	17,2	11,4	26,9	25,0	20,9	40,7	40,8	57,9
город	100	17,4	15,6	10,0	24,6	21,6	14,5	29,9	27,4	23,7	28,1	30,8	50,2
село	100	10,5	6,6	5,6	11,1	10,9	6,7	23,5	21,6	16,6	54,8	54,7	69,7
40-44	100	13,7	11,8	8,3	13,6	14,2	9,7	23,6	21,9	17,8	49,0	46,8	62,5
город	100	16,9	15,8	10,3	19,0	18,0	12,5	28,3	25,0	20,5	35,7	37,4	54,9
село	100	10,2	5,9	5,5	8,0	8,7	5,7	18,7	17,4	13,6	61,9	60,5	73,7
45-49	100	17,0	21,1	20,7	12,9	13,5	15,3	20,3	18,1	17,2	49,8	43,3	43,4
город	100	20,9	27,5	25,2	17,3	18,6	17,0	27,3	19,9	18,2	34,5	30,6	36,0
село	100	12,6	10,1	9,8	8,1	4,8	11,2	12,6	14,9	14,9	66,7	65,5	61,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл.ред. Н.С. Айдапкелов Астана. 2017. С. 115–119; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Ж.Н.Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 92–94.

⁶¹ Население России. 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад/ отв. ред. С.В.Захаров; Нац. Иссл. Ун-т. «Высшая школа экономики». М., 2020. С.151.

⁶² вследствие того, что некоторые матери не указали свой возраст и очередность рождения, сумма показателей по возрастным группам не всегда равняется 100%.

В возрастной группе 25–29 лет тенденция к многодетности проявляется более отчетливо: сокращается доля как первенцев, так и вторых детей, тогда как динамика рождаемости для третьего ребенка демонстрирует рост, а при рождении четвертого и последующих детей ускоряется существенно, приобретая выраженный характер. Эти данные свидетельствуют о постепенном смещении репродуктивного поведения казахстанских женщин в сторону расширенного типа воспроизводства, что указывает на сохранение и даже укрепление традиционных социокультурных норм, несмотря на урбанизацию и современные социальные трансформации.⁶³

Таким образом, женщины, появившиеся на свет в суверенное время (20–29 лет в 2021 г.), вполне возможно, продолжат присущий старшим группам дальнейший алгоритм рождений: с течением времени начнет сокращаться удельный вес рождений не только первого, второго, но и третьего ребенка. Положительная динамика в рассматриваемый период проявляется преимущественно в рождении четвертого, пятого и последующих детей. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не об абсолютном увеличении числа рождений, а лишь о росте их удельного веса в общей структуре рождаемости. Доля первенцев и вторых детей, напротив, сокращается, что указывает на смещение репродуктивного поведения в сторону расширенного типа воспроизводства и постепенное укрепление тенденции к многодетности среди казахстанских женщин.

В результате изменения очередности рождений быстро растет средний возраст матерей при рождении (см. табл. 2.6). За 20 с небольшим лет (1999–2021 гг.) он увеличился на три года.

Таблица 2.6 Средний возраст матерей при рождении в 1999–2021 гг., городское и сельское население

Годы	Все население	В том числе	
		городское	сельское
1999	26,5	26,4	26,6
2010	27,5	27,8	27,5
2015	28,0	28,3	27,9
2021	29,5	29,9	29,1

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл.ред Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

В городах процесс был выражен более явно: средний возраст матерей при рождении стал больше на 3,5 года, в селах – на 2,5 года. В 2021 г. средний

⁶³ Относительные показатели в возрастной группе 45–49 лет, и, в определенной мере, в возрасте 40–44 года во многом являются следствием т. н. «эффекта малых величин». На базе показателей в этих возрастных группах нельзя формулировать основополагающие выводы, предполагать становление долгосрочных тенденций.

возраст матерей в городах стал выше, чем в сельской местности (29,9 и 29,1 соответственно). Наблюдаемые процессы слабо соотносятся с вариантом «постарения рождаемости», вызванным поздним вступлением в брак и поздним, соответственно, рождением первенцев. Более того, обычно переход к низкой рождаемости сопровождается снижением среднего возраста материнства, так как уменьшается доля многоорожающих женщин. Казахстанский же вариант «старения» рождаемости связан с появлением на свет третьего, четвертого и более детей, наблюдаемых в старших возрастных группах.

«Старение рождаемости» не означает ее снижения в молодых возрастах. Коэффициенты рождаемости растут во всех возрастных группах (за исключением 15–19-летних). Динамика процесса неравномерна. Так, в 2010–2018 гг. темпы роста ВКР были невысоки как в городах, так и в селах, при этом в 2015–2018 гг. в сравнении с 2010–2015 гг. в городах наметилось снижение показателей (см. табл. 2.7, 2.8).

Таблица 2.7 Возрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения в 2010, 2015, 2018, 2021 гг. (на 1000 населения)

Возраст женщин, лет	2010			2015			2018			2021		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
15-49	79,9	72,5	89,9	87,4	83,2	93,6	87,6	84,9	91,9	98,1	93,0	106,4
15-19	28,3	25,8	31,1	31,0	27,6	34,4	23,9	21,1	27,0	23,8	19,9	28,2
20-24	146,7	123,0	182,8	161,2	144,0	186,1	164,5	155,0	177,6	180,3	165,7	201,3
25-29	155,6	144,2	172,0	159,7	147,4	182,0	164,6	150,9	192,1	201,5	191,3	219,4
30-34	111,4	102,2	124,3	116,0	112,0	122,3	122,9	119,6	128,9	142,9	127,8	176,1
35-39	62,5	56,7	70,7	66,8	64,8	69,7	71,9	70,6	73,9	90,5	86,0	98,5
40-44	16,1	14,3	18,7	16,4	16,3	16,7	18,6	18,2	19,1	24,5	23,6	26,2
45-49	0,8	0,7	0,9	0,9	1,0	0,8	0,9	1,1	0,6	1,4	1,6	1,0
СКР	2,62	2,33	3,00	2,76	2,56	3,06	2,83	2,68	3,10	3,32	3,08	3,75

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 140–145.

На первый взгляд, постсоветская урбанизация, продолжавшаяся более четверти века, начинает приносить свои плоды, все большее влияние на показатели рождаемости оказывают представители второго-третьего поколения горожанок, репродуктивные установки которых сформировались в новых социально-экономических, социокультурных условиях после их переезда из села. Город вносит свои коррективы в демографическое поведение, особенно у молодой части сельских мигрантов и их детей. Меняются не только репродуктивные установки, постепенно начинается переход к городскому образу жизни.

Таблица 2.8 Динамика показателей ВКР в 2010–2021 гг. в разрезе город и село (%)

Возраст женщин лет	2010–2021			В том числе								
				2010–2015			2015–2018			2018–2021		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
15-49	122,8	128,3	118,3	109,4	114,7	104,1	100,2	102,0	98,2	112,0	109,5	115,8
15-19	84,1	77,1	90,7	109,5	107,0	110,6	76,8	76,4	78,5	99,6	94,3	104,4
20-24	122,9	134,7	110,1	109,9	117,1	101,8	102,0	107,6	95,4	109,6	106,9	113,3
25-29	129,5	132,7	127,6	102,6	102,2	105,8	103,1	102,4	105,5	122,4	126,8	114,2
30-34	128,3	125,0	141,7	104,1	109,6	98,4	105,9	106,8	105,4	116,3	106,9	136,6
35-39	144,8	151,7	139,3	106,9	114,3	98,6	107,6	108,9	106,0	125,9	121,8	133,3
40-44	152,2	165,0	140,1	101,9	114,0	89,3	113,4	111,6	114,4	131,7	129,8	137,2
45-49	175,0	228,6	111,1	112,5	142,8	88,9	100,0	110,0	75,0	155,5	145,4	166,7
СКР	127,2	132,2	125,0	105,7	109,9	102,0	102,5	104,7	101,3	117,3	114,9	121,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Но в 2018–2021 гг. ситуация резко изменилась, возрастные коэффициенты рождаемости начали быстро увеличиваться, как в селах, так и в городах. Причины рекордного «демографического ускорения» пока не получили убедительного обоснования в научных изысканиях. Проблема нашла отражение в СМИ и объяснялась, чаще всего, следствием Пандемии.⁶⁴ Представители государственных структур объясняют причины современного бэби-бума влиянием государственной политики, направленной на поддержку многодетных семей (четверо и более детей). Действительно, социальная политика государства продолжает функционировать в рамках социалистической распределительной модели,⁶⁵ и демографическая реакция на меры государственной поддержки проявляется весьма динамично. В 2018 и 2020 гг. были увеличены ежемесячные пособия для семей, имеющих четверых и более детей. В результате 65% прироста рождаемости в 2020 г. было обеспечено за счет рождения четвертых по очередности рождения детей, на 24% – за счет пятых по очередности рождения.⁶⁶ В 2018–2021 гг. число рождений четырех и более детей увеличилось на 60,4% (с 78,0 тысяч в 2018 г. до 125,1 тысяч в 2021 г.), при этом в городах рост был выражен более явно,

⁶⁴ Ахмет Ж. Ковид породил бэби-бум в Казахстане. OTYRAR.KZ, 2022. 22 мая; Шумеков Д. Пандемия и карантин увеличили как смертность, так и рождаемость. Казинформ, 2021. 9 марта и т.д.

⁶⁵ Исабаева С. Если бы я стал министром труда и социальной защиты населения... Spik.kz, 2025. 10 февраля.

⁶⁶ Сохарева Е. Введение нового пособия привело к повышению рождаемости в Казахстане, считают эксперты. NUR.KZ, 2021. 2 ноября.

чем в сельской местности (на 68,9% и 51,2% соответственно). Общее же число рождений выросло на 12,2% (с 397,8 тысяч в 2018 г. до 446,5 тысяч в 2021 г.).⁶⁷

Согласно распространенной точке зрения, значительные изменения в показателях рождаемости стали следствием государственной политики, направленной на поддержку многодетных семей, которая совпала с особенностями возрастной структуры населения и «репродуктивными возможностями» Пандемии.

Демографическая ситуация, формирующаяся на основе хронологического отрезка 2018–2021 гг., имеет ряд особенностей. С одной стороны, численность представительниц поколения, появившегося на свет в 1990-е годы, невелика. Поэтому в перспективе число рождений будет уменьшаться. Но это не означает, что возрастные коэффициенты рождаемости также будут снижаться. Более того, в 2018–2021 гг. они довольно быстро растут (за исключением возрастной группы 15–19 лет), особенно в городских поселениях (см. табл. 2.7, 2.8). Суммарный коэффициент рождаемости 20–24-летних в 2021 г. на 33,9% больше, чем у 20–24-летних в 2010 г., 25–29-летних – на 33,3% (см. табл. 2.9). Вклад в суммарную рождаемость казахстанского города 20–29-летних в 2021 г., несмотря на снижение их численности, оставался самым высоким среди всех возрастных групп (см. табл. 2.10).

Таблица 2.9 СКР возрастных групп в 2010–2021 гг. (городское и сельское население)

Возраст женщин, лет	2010	В том числе		2015	В том числе		2018	В том числе		2021	В том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
СКР	2,62	2,33	3,00	2,76	2,56	3,06	2,83	2,68	3,10	3,32	3,08	3,75
15-19	0,14	0,13	0,16	0,15	0,14	0,17	0,12	0,11	0,14	0,12	0,10	0,14
20-24	0,73	0,62	0,91	0,81	0,72	0,93	0,82	0,78	0,89	0,90	0,83	1,01
25-29	0,78	0,72	0,86	0,80	0,74	0,91	0,82	0,75	0,96	1,01	0,96	1,10
30-34	0,56	0,51	0,62	0,58	0,56	0,61	0,61	0,60	0,71	0,71	0,64	0,88
35-39	0,31	0,28	0,35	0,33	0,32	0,35	0,36	0,37	0,45	0,45	0,43	0,49
40-49	0,10	0,07	0,10	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10	0,10	0,13	0,13	0,14

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Гл.ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 140–145.

Таким образом, в 2021 г. показатели рождаемости у представительниц «нового городского поколения» (20–29 лет) были существенно выше, чем у поколения 1990-х (20–29-летних в 2010 г.)

⁶⁷ Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 115-119; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н.Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 92-96.

Таблица 2.10 Вклад СКР возрастных групп в СКР РК в 2010–2021 гг. (городское и сельское население)

Возраст женщин, лет	2010	В том числе		2015	В том числе		2018	В том числе		2021	В том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
СКР	2,62 100%	2,33 100%	3,00 100%	2,76 100%	2,56 100%	3,06 100%	2,83 100%	2,68 100%	3,10 100%	3,32 100%	3,08 100%	3,75 100%
15-19	5,4	5,6	5,3	5,4	5,5	5,6	4,2	4,1	4,5	3,6	3,2	3,7
20-24	28,1	26,6	30,3	29,1	28,1	30,4	29,0	29,1	28,7	27,1	26,9	26,9
25-29	29,8	30,9	28,7	28,8	28,9	29,7	29,0	26,5	31,0	30,3	31,2	29,3
30-34	21,4	21,9	20,7	20,9	21,9	19,9	21,6	22,4	22,9	21,5	20,8	23,5
35-39	12,0	12,0	11,7	11,9	12,5	11,4	12,7	13,8	14,5	13,6	14,0	13,1
40-49	3,2	3,0	3,3	3,2	3,5	2,9	3,5	3,7	3,2	3,9	4,2	3,5

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл.ред. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан.2022. С. 140–145.

Предположение, что массовое перемещение казахского населения на новую, городскую, социально-экономическую основу, продолжающееся уже три десятилетия, должно оказать влияние на репродуктивное поведение не подтверждается статистическими данными 2018–2021 гг.⁶⁸ Можно предположить, что сельско-городское пространство представляет собой единое целое, связанное множеством социально-экономических, социокультурных нитей.⁶⁹

Тесное взаимодействие сельских и городских репродуктивных установок подтверждается тем, что для РК характерно значительное региональное разнообразие показателей воспроизводства городского населения, хотя в мировой практике городской образ жизни стандартизирует демографические установки. Так, коэффициенты рождаемости Южного и Западного Казахстана в большинстве возрастных групп более чем в два раза выше, чем в Северном, Восточном и Центральном Казахстане. Самый низкий суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. отмечен в Алматы – 1,99, самый высокий – на юге (4,38) и западе (3,77), значительный в Астане – 2,99. Промежуточное положение между ними занимают северный регион – 2,29, восточный – 2,64 и центральный – 2,54. В среднем по Казахстану он составлял 3,32 (см. табл. 2.11).

Важно выяснить, актуален ли репродуктивный опыт матерей, обретенный в сельской местности, для поколения дочерей, обосновавшихся в

⁶⁸ Сарсембаева Г.А., Омырзак Т.Е., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О. Исторические предпосылки формирования «казахстанской модели» рождаемости: середина XX – начало XXI века. Вопросы истории. 2022. №10 (2). С.174-185. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi55>

⁶⁹ Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С., Жанбосинова А. С. Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.4. С. 1368-1385.

городских поселениях. Во всяком случае, российские демографы падение рождаемости в РФ объясняют тем, что «нынешнее поколение женщин близко воспроизводит опыт своих матерей. Поэтому ожидать существенных изменений в российской рождаемости не стоит».⁷⁰ Стоит ли ожидать изменения в казахстанской рождаемости? Какой тип репродуктивного поведения выработается в условиях социокультурной неопределенности?

Таблица 2.11 Возрастные коэффициенты рождаемости, СКР регионов Казахстана, 2021 г. (сравнительный анализ)⁷¹

Возраст женщин, лет	РК	Все население						
		в том числе регионы						
		Юг	Север	Восток	Центр	Запад	Алматы	Астана
15-49	98,1	127,8	62,3	74,0	72,8	112,9	64,8	96,8
15-19	23,8	28,1	17,4	15,6	17,9	25,4	11,5	12,8
20-24	180,3	235,7	115,7	134,9	133,6	197,9	102,0	128,2
25-29	201,5	267,6	143,0	167,1	157,0	228,6	116,8	200,3
30-34	142,9	195,8	105,1	115,4	113,1	165,6	83,7	137,4
35-39	90,5	117,2	60,1	75,2	68,1	105,6	62,0	89,9
40-44	24,6	30,7	16,7	19,3	17,4	29,3	19,5	25,9
45-49	1,4	1,3	0,7	0,8	0,8	1,6	2,2	3,3
СКР	3,32	4,38	2,29	2,64	2,54	3,77	1,99	2,99
Городское население								
15-49	93,0	146,6	63,0	72,3	71,3	114,1		
15-19	19,9	28,6	15,7	15,6	17,5	21,3		
20-24	165,7	260,2	119,2	141,4	132,2	197,2		
25-29	191,3	330,6	135,5	160,8	156,8	244,0		
30-34	127,8	234,5	92,4	96,7	106,9	167,0		
35-39	86,0	142,5	58,6	70,1	65,3	106,2		
40-44	23,6	33,8	16,5	17,2	16,7	29,9		
45-49	1,6	1,6	0,9	0,8	0,7	0,7		
СКР	3,08	5,16	2,19	2,51	2,48	3,84		
Сельское население								
15-49	106,4	120,0	62,7	77,3	79,5	111,6		
15-19	28,2	31,1	18,9	15,7	19,0	28,4		
20-24	201,3	228,8	113,3	124,0	138,6	197,6		
25-29	219,4	246,5	129,9	181,3	157,7	215,1		
30-34	176,1	188,5	128,5	187,7	151,2	181,8		
35-39	98,5	108,6	63,9	85,8	82,8	106,6		
40-44	26,2	29,8	17,2	23,2	20,6	27,7		
45-49	1,0	0,9	0,4	0,9	1,3	1,4		
СКР	3,75	4,20	2,36	3,09	2,86	3,79		

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н.Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

⁷⁰Население России. 2018. Двадцать шестой ежегодный демографический доклад М., 2020. С. 152.

⁷¹ Для осуществления сравнительного анализа г. Шымкент включен в состав южного региона.

Можно предположить, что идет процесс оформления некоего симбиоза традиционных и модернизационных ценностей, способного стать основой казахстанского варианта демографического равновесия. И процесс этот весьма динамичен. Вследствие этого демографические изменения 2018–2021 гг. не могут являться тенденцией, способной определять ситуацию даже в краткосрочной перспективе. Во многом потому, что воздействовало на столь высокие показатели в основном завершающее свой репродуктивный цикл поколение 1980-х гг. рождения. Будущее же будет зависеть от населения, появившегося на свет в суверенный период истории, в первую очередь от многочисленного поколения 2000-х годов рождения. Именно это поколение станет определять тенденции рождаемости в республике. Растущая урбанизация и быстрое изменение социальных, экономических статусов казахской молодежи предполагают, что установки на рождаемость будут меняться. Во всяком случае, новые варианты репродуктивного поведения довольно четко обозначились в 2021–2023 гг. (см. рис. 2.7; прил. 1, табл. 20).

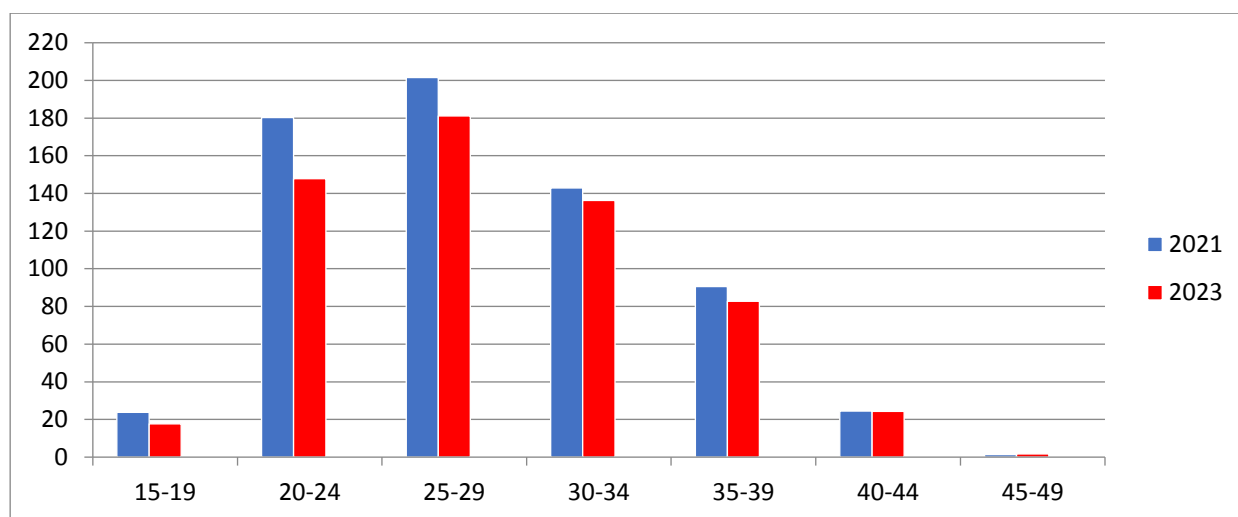

Рисунок 2.7 Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в 2021, 2023 гг.

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 140–145; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2024. С. 148–150.

СКР в эти годы снизился на 9,9%, при этом в городах процесс шел гораздо более активно, чем в сельской местности. Эволюции СКР, в основе своей, происходили за счет уменьшения показателей в возрастной группе 15–24 года. И вновь гораздо более интенсивно в городах Казахстана. Так, ВКР 15–19-летних уменьшились в 2021–2023 гг. на 32,0%, 20–24-летних – на 26,4%. В более старших группах темпы снижения ВКР намного меньше. В чем причины таких быстрых изменений именно в молодых возрастах?

Не следует думать, что они сформировались и реализовались лишь в этом хронологическом диапазоне. Тенденции снижения ВКР женщин в возрасте до 25 лет были заметны и ранее, в первую очередь у 15–19-летних.

Дело лишь в значительном ускорении темпов явления. На взгляд авторов, основой этого ускорения является стремительный рост численности молодежи, получающей высшее образование. Динамика приема в вузы вчерашних школьников постоянно растет. Так, в 2021–2022 гг. студентами вузов стали около 60% выпускников школ.⁷² В 2023 г. в университеты поступили уже 75,2% выпускников. При этом в областях с наибольшим удельным весом казахского населения показатели еще выше – в Кызылординской области студентами стали 82,5% вчерашних школьников, в Туркестанской – 80,9%.⁷³ В целом по республике в 2022–2023 гг. учебном году насчитывалось 572,2 тысяч студентов вузов, из них казахов – 500,5 тысяч (87,5%). В колледжах обучались 525,9 тысяч человек, из них казахов – 377,7 тысяч (71,8%).⁷⁴ Всего, таким образом, в 2022–2023 учебном году студентами вузов и колледжей являлись 878,2 тысяч представителей казахского этноса (около 50% возрастной группы от 15 до 24 лет). Все вузы и основная масса колледжей расположены в городах республиканского и областного значения. Не удивительно, что в 2024 г. из сел в города выбыло на 111,4 тыс. человек больше, чем прибыло. Это самый высокий показатель за последние 25 лет.⁷⁵

Во втором десятилетии XXI века активно формируется новый этап демографического развития Казахстана, ведущим компонентом которого является казахская молодежь. Политика, направленная на массовое получение высшего образования и, следовательно, на гораздо более интенсивную урбанизацию, способствует довольно быстрому сокращению рождаемости в молодежной среде. Во всяком случае, показатели последних лет подтверждают этот вывод.

Трудно предположить, как процесс будет развиваться в дальнейшем. При условии, что политика, направленная на увеличение численности студентов вузов и колледжей, будет продолжаться, а репродуктивная реакция молодых людей на новый социальный статус останется прежней, то снижение числа рождений в возрасте до 25 лет уже в близкой перспективе станет еще более внушительным. К подобным выводам располагает возрастная структура казахского населения. Так, согласно данным переписи населения Казахстана 2021 г. численность возрастной группы 15–24 года, определяющей новую репродуктивную тенденцию, составила 1777,6 тыс. человек. В скорой перспективе ситуацию будет определять возрастная группа, представителям которой в 2021 г. было 10–14 лет. В более отдаленном будущем – дети в возрасте 5–9 лет. По данным переписи населения, в сумме их численность

⁷² Асылбеков Ж. Высшее образование в РК: догоним и перегоним Америку? Spik.kz, 2023. 14 ноября.

⁷³ Асылбеков Ж. Так ли дорого в Казахстане высшее образование, как утверждают мажилисмены? Spik. Kz, 2025. 8 января.

⁷⁴ Асылбеков Ж. Казахская молодежь рвется в вузы, а неказахская идет в рабочие профессии. Spik.kz, 2024. 23 февраля

⁷⁵ Коржумбекова Р. Из аула в город: в Казахстане установлен антирекорд по оттоку жителей из сел. Orda.kz, 2025. 5 февраля.

составила 2906,1 тыс. человек – на 1128,5 тыс. человек (на 63,5%) больше, чем численность сегодняшних 15–24-летних.⁷⁶

Нет уверенности и в том, что современная студенческая молодежь, повзрослев, начнет интенсивно компенсировать «пропущенное время». Демографический эффект отложенных рождений, на наш взгляд, будет не таким результативным, как у старших поколений, репродуктивное поведение которых во многом определяли этнополитические, социально-экономические особенности первых двух постсоветских десятилетий. Суть этого различия в том, что «отложенные рождения» в 2000–2010 гг. стали реакцией на выход из кризиса и общее заметное улучшение социально-экономического состояния семей. Репродуктивная компенсация в ближайшие годы будет происходить совсем в другой ситуации.

Эволюции этнического состава населения приводят к тому, что постепенно уходят компоненты, формировавшие особенности демографического развития во второй половине XX века.⁷⁷ Теряет актуальность фактор этнической дифференциации системы расселения, экономической деятельности, имевший определяющее значение для сохранения культурных ценностей и репродуктивных практик казахского этноса. Период консервации в селе быстро уходит, город все более явно воспроизводит собственную социокультурную динамику. В первую очередь это видно по демографическому поведению поколения, родившегося и социализировавшегося в суверенном городском пространстве.

Сложно сказать, какими будут показатели рождаемости, формирующиеся в новой городской социальной среде. Во всяком случае, если ранее городское население демонстрировало более высокие, чем в сельской местности, темпы роста рождаемости, то сейчас ситуация кардинально изменилась. Более важно то, что репродуктивное поведение становится все более рациональным. Налицо быстрая «демографическая реакция» различных возрастных групп на меняющуюся социально-экономическую реальность: с одной стороны, стремительный рост рождений четвертого и более детей после введения мер поддержки многодетных семей, с другой – быстрое снижение показателей в молодых возрастных группах, представительницы которых оказались в новой социокультурной среде. Важно то, что формируется новая тенденция демографического развития, отражающая особенности современного социально-экономического, социокультурного состояния общества, а не традиционные представления о семье и количестве детей в ней.

Таким образом, 2021 г. является условной датой окончания доминирования тенденций рождаемости на традиционной основе. Начинает

⁷⁶ Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги национальной переписи населения 2021 г. в РК. Астана, 2023. С. 31–37.

⁷⁷ Aubakirova, Zh.S., Makhmetova, N.A., Ualieva, S.K., Omyrzak, T.E., Alekseenko, A.N. Ethnic specifics in birth rates in Kazakhstan in the middle of the 20th century. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*, 2024, 65(2). С. 203–214 <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-18>

набирать динамику вектор, основанный на современных, модернизационных критериях. Вследствие того, что наиболее заметно ситуация проявилась пока на примере возрастных групп до 25 лет (15–24 года) и была вызвана политикой получения «всеобщего высшего образования», делать глобальные выводы преждевременно. Важно, какими будут репродуктивные установки сегодняшних 15–24-летних в более старшем возрасте, потенциально репродуктивно гораздо более активном. Не компенсируется ли в перспективе современное снижение рождаемости в молодых возрастных группах отложенными рожденьями?

2.3. Демографическая мозаика рождаемости: региональный аспект (2010–2021 гг.)

Демографическое развитие современного Казахстана характеризуется значительным региональным разнообразием. В определенной степени это является следствием различий в этническом составе населения. В Северо-Восточном, Центральном Казахстане присутствует еще довольно многочисленная группа русско-славянских этнических групп со сравнительно низкими показателями рождаемости. В Южном Казахстане на демографические процессы в значительной мере влияют узбеки, уйгуры, дунгане и другие «азиатские» этносы с высокими показателями естественного прироста. Тем не менее, основной вектор демографического развития определяют казахи. И с каждым годом влияние этого вектора будет все более весомым.

Основные тенденции процессов рождаемости в суверенный период (1990–2021 гг.) были показаны на примере Республики Казахстан. Они в большей или меньшей мере характерны для всех регионов. Региональные особенности в монографии рассмотрены в хронологическом диапазоне «автохтонного» периода (2010–2021 гг.), то есть времени наибольшего влияния казахов на процессы воспроизводства. Внутренние региональные (областные) особенности продемонстрированы по состоянию на 2021 г.

В Казахстане сложились пять географических регионов, объединенных также социально-экономическими, этническими, демографическими характеристиками: Южный Казахстан (Алматинская, Жамбылская, Туркестанская, Кызылординская области); Западный Казахстан (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области); Северный Казахстан (Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области); Восточный Казахстан (Восточно-Казахстанская область); Центральный Казахстан (Карагандинская область). Города республиканского значения (Астана, Алматы и, в определенной степени, Шымкент) рассматриваются нами как отдельные регионы, обладающие выраженной социально-экономической, этнодемографической спецификой.

Южный Казахстан. В Южно-Казахстанский регион входят четыре области (Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Туркестанская). В

2022 г. из состава Алматинской области выделена Жетысуйская область. Этнический состав населения Южного Казахстана по данным переписи населения 2021 г. представлен в таблице 2.12.

Таблица 2.12 Численность и этнический состав населения областей Южного Казахстана по данным переписи населения 2021 г. (тыс. человек)

Этносы	Южный Казахстан		в том числе области							
			Алматинская		Жамбылская		Кызылординская		Туркестанская	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все население	6214,8	100	2146,6	100	1199,3	100	814,9	100	2054,0	100
городское	1940,0	100	544,3	100	516,2	100	381,2	100	498,3	100
сельское	4274,8	100	1602,3	100	683,1	100	433,7	100	1555,7	100
Казахи	4803,0	77,3	1577,3	73,5	891,3	74,3	782,8	96,1	1551,6	75,5
городское	1477,4	76,2	359,6	66,1	375,3	72,7	356,7	93,6	385,8	77,4
сельское	3325,6	77,8	1217,7	76,0	516,0	75,5	426,1	98,2	1165,8	74,9
русские	357,4	5,8	229,2	10,7	88,0	7,3	12,3	1,5	27,9	1,4
городское	180,6	9,3	98,7	18,1	60,1	11,6	9,9	2,6	11,9	2,4
сельское	176,8	4,1	130,5	8,1	27,9	4,1	2,4	0,6	16,0	1,0
другие этносы	1054,4	17,0	340,1	15,8	220,0	18,3	19,8	2,4	474,5	23,1
городское	282,0	14,5	86,0	15,8	80,8	15,7	14,6	3,8	100,6	20,2
сельское	772,4	18,1	254,1	15,9	139,2	20,4	5,2	1,2	373,9	24,0

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Нац. населения 2021 г. в РК. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 12–20.

В этническом составе населения всех областей Южного Казахстана, как в городских, так и сельских поселениях, доминируют казахи. Наиболее выражено это проявляется в Кызылординской области, практически мононациональной. В составе населения Алматинской, Туркестанской и Жамбылской областей присутствуют представители иных этнических групп, при этом удельный вес русских невелик, в первую очередь в Туркестанской области (1,4%). В Южном регионе концентрируются казахстанские узбеки (17,7% населения Туркестанской области), уйгуры (7,5% населения Алматинской области и 2,4% населения Жамбылской области) с традиционно высокой рождаемостью.

Население Южного Казахстана в основном сельское (68,8%). Большинство казахов (69,2% от общей численности этноса) также проживает в сельской местности. Наиболее выражено это в Алматинской (77,2%) и Туркестанской (75,1%) областях. В Туркестанской области подобная структура расселения во многом связана с выделением г. Шымкент из ее состава в 2018 г. и придание ему статуса города республиканского значения, вследствие этих административно-территориальных преобразований удельный вес городского компонента резко сократился.

Особенности этнического состава и структуры расселения повлияли на показатели рождаемости. Они в Южном Казахстане выше, чем в других регионах республики. Об этом свидетельствуют возрастные коэффициенты рождаемости в 2010–2021 гг. Наиболее высокие показатели характерны для возрастной группы от 20 до 34 лет, в первую очередь в городских поселениях (см. табл. 2.13). По сравнению с другими регионами они остаются высокими и в старших возрастных группах.

Таблица 2.13 Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарные коэффициенты рождаемости Южного Казахстана в 2010–2021 гг.⁷⁸

Возраст женщин (лет)	2010			2015			2021		
	все население	в том числе		все население	в том числе		все население	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	102,8	97,6	107,1	106,9	108,4	106,4	127,8	146,6	120,0
15–19	30,2	29,7	30,6	35,4	33,3	36,7	28,1	28,6	31,1
20–24	197,2	185,6	207,2	208,2	208,0	209,8	235,7	260,2	228,8
25–29	199,0	197,3	202,0	208,3	211,3	197,7	267,6	330,6	246,5
30–34	145,1	139,7	149,8	139,3	144,3	137,1	195,8	234,5	188,5
35–39	83,7	78,1	87,5	80,0	80,8	79,1	117,2	142,5	108,6
40–44	22,8	20,3	24,8	19,4	19,3	19,4	30,7	33,8	29,8
45–49	1,1	1,0	1,2	1,0	1,0	0,9	1,3	1,6	0,9
СКР	3,39	3,26	3,52	3,36	3,49	3,40	4,38	5,16	4,17

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл.ред. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 115–120.

Как и в целом по Казахстану, темпы роста рождаемости в 2015–2021 гг. намного выше, чем в 2010–2015 гг. (в 4,9 раза). При этом, если в 2010–2015 гг. возрастные коэффициенты рождаемости в группах старше 30 лет уменьшались, что привело к некоторому снижению суммарного коэффициента рождаемости (на 0,9%), то в 2015–2021 гг. именно в этих возрастных группах наблюдается наиболее высокий рост, более отчетливо выраженный в городах. В результате СКР в городских поселениях увеличился в 2010–2021 гг. в 1,6 раза, в сельских – в 1,2 раза. В 2021 г. СКР в городах был на 23,7% выше, чем в селах – 5,16 против 4,17 (см. табл. 2.14), что может характеризовать результаты внутренней сельско-городской миграции и переноса репродуктивных установок сельского населения в новое для них городское пространство.

⁷⁸ Шымкент, хотя и получил статус города республиканского значения в 2018 г., включен в состав Южного региона, так как с этнической, социокультурной, социально-экономической точек зрения отражает ситуацию юга Казахстана в обозначенной ретроспективе. Кроме того, в статистических данных 2010 и 2015 гг. Шымкент не выделен как самостоятельная административная единица.

Таблица 2.14 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости Южного Казахстана в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021			в том числе					
				2010–2015			2015–2021		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
15–49	124,3	150,2	112,0	104,0	110,6	99,3	119,5	135,2	112,8
15–19	93,0	96,3	101,6	117,2	112,1	119,9	79,4	85,9	84,7
20–24	119,5	140,2	110,4	105,6	112,1	101,2	113,2	125,1	108,7
25–29	134,5	167,6	122,0	104,7	107,1	97,9	128,5	156,5	124,7
30–34	134,9	167,8	125,8	96,0	103,3	91,5	140,6	162,5	137,5
35–39	140,0	182,4	124,1	95,6	103,4	90,4	146,5	176,4	137,3
40–44	134,6	166,5	120,2	85,1	95,1	78,2	158,2	175,1	153,6
45–49	118,2	160,0	75,0	90,9	100,0	75,0	130,0	160,0	100,0
СКР	129,2	158,3	119,3	99,1	107,0	96,6	130,3	147,8	123,5

Рассчитано по: см. табл. 2.13

Высокая рождаемость в Туркестанской области может быть объяснена комплексом социальных, культурных и экономических факторов. Во-первых, сохраняются традиционные представления о многодетности как о социально-значимой норме, поддерживаемой в семьях и родах. Во-вторых, значительная роль государства в поддержке многодетных семей посредством материальных пособий, льгот и программ социальной поддержки усиливает мотивацию к рождению новых детей. В-третьих, сохраняющаяся молодая возрастная структура населения региона способствует естественному приросту и высокой доле женщин в наиболее репродуктивном возрасте. Следовательно, совокупность культурных традиций, особенностей демографической структуры и государственной политики создает условия для устойчиво высокой рождаемости в регионе, а СКР - 7,63 в городских поселениях Туркестанской области служит ярким примером специфической региональной динамики демографического процесса (см. табл. 2.15).

Таблица 2.15 Возрастные коэффициенты рождаемости областей Южного Казахстана, 2021 г. (на 1000 населения)

Возраст женщин, лет	Алматинская			Жамбылская			Кызылординская			Туркестанская		
	Всего	в том числе		всего	в том числе		в том числе	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
15–49	117,4	131,4	113,7	120,0	130,8	112,7	127,1	134,4	121,2	146,3	208,9	132,2
15–19	26,6	27,4	26,4	34,3	26,8	38,7	21,9	18,5	24,2	36,3	42,3	34,9
20–24	207,5	232,0	201,0	224,6	235,0	218,1	218,1	219,0	217,3	299,7	386,7	278,8
25–29	263,9	326,3	248,5	250,8	286,6	227,3	265,8	289,2	246,9	301,0	494,0	263,4
30–34	195,6	224,7	188,3	193,1	213,6	178,4	202,0	219,1	187,6	227,4	354,2	199,9
35–39	112,4	128,8	108,2	112,6	133,9	98,5	126,7	136,2	118,6	125,4	204,2	109,1
40–44	31,8	32,4	31,6	27,5	31,5	24,7	37,2	37,1	37,3	29,0	42,6	25,6
45–49	1,4	1,4	1,4	1,0	1,7	0,5	1,3	1,8	0,9	1,1	1,7	0,9
СКР	4,20	4,87	4,03	4,22	4,65	3,93	4,36	4,60	4,16	5,10	7,63	4,56

Рассчитано по: см. табл. 2.13

При этом данные, опубликованные в Демографическом ежегоднике за 2022 г. (см. табл. 2.15), подтверждаются и более поздними сведениями. Так, Демографический ежегодник, вышедший в свет в 2024 г., фиксирует показатель, равный 7,71 в 2021 г., то есть еще более высокий, чем представленный ранее. В то же время, через два года, в 2023 г., согласно данным этого же издания, СКР в городских поселениях Туркестанской области равнялся уже 4,41, то есть в 1,7 раза меньше.⁷⁹ В чем причина таких статистических перепадов, предстоит уточнить.

Суммарный коэффициент рождаемости в Южном Казахстане наиболее высок в возрастной группе 20–34 года и в городах выражен более явно. В этом наиболее результативном диапазоне суммарный коэффициент рождаемости равнялся 3,56 или 81,3% общего суммарного коэффициента, в городах соответственно 4,34 и 84,1%, в селах – 3,31 и 79,4% (см. табл. 2.16).

Таблица 2.16 Суммарный коэффициент рождаемости возрастных групп. Южный Казахстан, 2021 г.⁸⁰

Возраст женщин, лет	Всего	в том числе	
		город	село
СКР	4,38	5,16	4,17
15–19	0,15	0,14	0,15
20–24	1,19	1,34	1,14
25–29	1,35	1,74	1,23
30–34	1,02	1,26	0,94
35–39	0,61	0,75	0,54
40+	0,16	0,19	0,15

Рассчитано по: см. табл. 2.13

Тенденция характерна и для областей, входящих в южный регион Казахстана. Показатели суммарного коэффициента рождаемости, в первую очередь в городских поселениях, довольно существенно отличаются от среднерегionalных и от сельских. Так, в Алматинской области он составил 4,87 (на селе – 4,03), Жамбылской области – 4,60 (на селе – 3,93), Кызылординской области – 4,60 (на селе – 4,16) и Туркестанской области 7,63 (на селе – 4,56). Средний показатель по региону составил в городе 5,16, в сельской местности – 4,17 (см. табл. 2.17).

Обращает на себя внимание суммарный коэффициент рождаемости у женщин в возрасте 25–29 лет в Туркестанской области равный 2,47. Интергенетический интервал в этом возрастном диапазоне равнялся двум годам. К 30 годам среднестатистическая женщина, проживающая в городской

⁷⁹ Демографический ежегодник Казахстана. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК. Астана, 2024. С. 149–150.

⁸⁰ Сумма СКР возрастных групп не совпадает с итоговым СКР, так же, как и вклад возрастных СКР в общий СКР, так как часть женщин не вошли в статистику ВКР (не указан возрастной календарь). Но учитываются при расчете общего СКР.

Здесь и далее: данные за 2021 г. рассчитаны без учета г. Шымкент.

местности Туркестанской области, родила уже более четырех детей (СКР возрастной группы 15–29 лет – составил 4,61).

Таблица 2.17 СКР возрастных групп Южного Казахстана, 2021 г.

Возраст женщин, лет	Алматинская			Жамбылская			Кызылординская			Туркестанская		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
СКР	4,20	4,87	4,03	4,22	4,65	3,93	4,36	4,60	4,16	5,10	7,63	4,56
15–19	0,13	0,14	0,13	0,17	0,13	0,19	0,11	0,09	0,12	0,18	0,21	0,17
20–24	1,04	1,16	1,00	1,12	1,17	1,09	1,09	1,09	1,09	1,50	1,93	1,39
25–29	1,32	1,63	1,24	1,25	1,43	1,14	1,33	1,45	1,23	1,50	2,47	1,31
30–34	0,98	1,12	0,94	0,96	1,07	0,89	1,01	1,09	0,94	1,14	1,77	1,00
35–39	0,56	0,64	0,54	0,56	0,67	0,49	0,63	0,68	0,59	0,68	1,02	0,54
40 +	0,17	0,17	0,16	0,14	0,17	0,13	0,19	0,19	0,19	0,15	0,22	0,13

Рассчитано по: см. табл. 2.13

Наибольший вклад в суммарный коэффициент рождаемости Южного Казахстана, как и областей, в него входящих, вносит возрастная группа 20 – 34 года. Наибольшая репродуктивная активность характерна для возраста 25–29 лет, на треть определяющая общее число рождений, по сравнению с другими регионами и в целом по Казахстану они высокими были и для возрастных групп 30–34 года, 35–39 лет (см. табл. 2.18).

Таблица 2.18 Вклад суммарных коэффициентов рождаемости возрастных групп в суммарный коэффициент рождаемости Южного Казахстана в 2021 г. (%)

Возраст женщин, лет	Всего	в том числе	
		город	село
СКР	100	100	100
15–19	3,3	2,6	3,7
20–24	26,4	24,5	27,4
25–29	30,3	32,1	29,6
30–34	22,9	23,2	22,6
35–39	13,4	13,9	13,0
40–49	3,7	3,7	3,7

Рассчитано по: см. табл. 2.13

Вклад суммарного коэффициента рождаемости возрастных групп в разрезе областей Южного региона представлен в таблице 2.19. В возрастной группе 20–24 года наиболее высокий показатель в Туркестанской области – 29,4 (в городе 25,3, на селе – 30,6), в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года лидирует Алматинская область (31,4 и 23,3 соответственно). В возрасте 35–39 лет и 40+ на первое место выходит Кызылординская область 14,4 и 4,4.

В возрастной структуре рождаемости региона обращает на себя внимание то, что наибольший удельный вес дает рождение четвертого и более детей (см. табл. 2.20).

Таблица 2.19 Вклад в СКР возрастных групп областей Южного Казахстана, 2021, % (СКР – 100%)

Возраст женщин, лет	Алматинская			Жамбылская			Кызылординская			Туркестанская		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
СКР	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
15–19	3,1	2,9	3,3	4,1	2,8	4,8	2,5	2,0	2,9	3,5	2,8	3,7
20–24	24,8	23,9	24,9	26,6	25,2	27,8	25,0	23,7	26,2	29,4	25,3	30,6
25–29	31,4	33,5	30,9	29,7	30,8	29,0	30,5	31,6	29,6	29,4	32,4	28,8
30–34	23,3	23,0	23,4	22,8	23,0	22,6	23,2	23,8	22,6	22,4	23,2	21,9
35–39	13,3	13,1	13,4	13,4	14,5	12,5	14,4	14,8	14,2	12,4	13,4	11,9
40+	4,1	3,5	4,0	3,3	3,7	3,3	4,4	4,1	4,5	2,9	2,9	2,9

Рассчитано по: см. таблицу 2.13

Таблица 2.20 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Южный Казахстан, 2021 г. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49 лет)	в том числе						
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,4	87,4	52,3	19,3	8,9	6,6	6,4	12,4
вторыми	20,2	11,3	35,9	25,4	10,8	6,7	5,9	11,8
третьими	20,3	0,2	10,9	29,9	23,9	15,4	12,2	11,3
четвертыми и более	33,3	–	2,3	24,4	55,4	70,0	74,1	62,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,6	86,6	55,6	21,6	9,3	7,3	7,5	13,6
вторыми	21,5	12,1	31,9	28,4	13,1	8,8	8,3	15,0
третьими	21,1	0,1	9,6	28,5	26,8	18,3	15,3	14,0
четвертыми и более	30,9	–	1,5	20,4	49,7	60,2	59,7	53,7
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,1	87,8	48,7	17,9	10,5	6,5	6,3	9,1
вторыми	19,5	10,8	34,7	23,6	9,2	5,5	4,5	7,0
третьими	19,7	0,2	11,4	30,9	22,3	13,6	10,1	7,5
четвертыми и более	34,6	–	5,8	27,1	58,9	73,0	78,0	73,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Ж.Н.Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 101–103, 110–112, 119–121, 131–133.

Высокий удельный вес детей, рожденных первыми, наблюдается лишь в возрасте до 20 лет (15–19 лет). Затем, с каждой более старшей возрастной

группой, он уменьшается. Так, в возрасте 20–24 года удельный вес первенцев составлял 52,3% (тогда как в 15–19 лет – 87,4%). В то же время доля рожденных вторыми равнялась уже 35,9%. В возрасте 25–29 лет удельный вес детей, рожденных вторыми, снижается до 25,4%, в то время как третьих увеличивается до 29,9%. четвертых и более – до 24,4%. Таким образом, более половины (54,3%) 25–29-летних женщин Южного Казахстана имели уже трех и более детей. После 30 лет доминирование рожденных четвертыми и более становится все более явным. Характерно это как для городских, так и сельских женщин.

Подобная возрастная структура рождаемости характерна для всех областей, входящих в состав южного региона. Наиболее явно она выражена в Туркестанской области (см. табл. 2.25). В 2021 г. 58,9% рождений приходилось на третьего, четвертого и более детей, тогда как на рождение первого – 21,2%. При этом в возрастной группе 25–29 лет, наиболее репродуктивно активной, удельный вес рождений третьего и более детей составил 69,1% (в городах – 64,1%, в селах – 72,1%), в возрасте 30–34 года – 73,1%, 35 – 39 лет – 84,7%.

Таблица 2.21 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Туркестанская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,2	85,7	45,2	10,2	3,0	2,1	2,3	5,5
вторыми	18,9	13,1	36,7	19,7	6,0	3,4	3,6	7,4
третьими	19,0	0,2	14,4	32,9	17,0	8,8	6,8	14,8
четвертыми и более	39,9	–	3,0	36,2	73,1	84,7	86,4	66,7
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,7	85,5	48,2	12,6	3,8	2,5	2,4	11,8
вторыми	19,2	13,2	35,7	22,3	6,7	4,2	3,8	17,6
третьими	19,9	–	12,4	32,7	21,0	11,9	9,7	23,5
четвертыми и более	38,2	–	3,0	31,4	67,7	80,5	83,0	47,1
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,1	85,6	44,2	9,4	2,7	1,9	2,3	2,7
вторыми	18,8	13,0	37,0	18,8	5,7	3,1	3,5	2,7
третьими	18,7	0,2	15,1	33,0	15,4	7,7	5,6	10,8
четвертыми и более	40,5	–	16,6	39,1	75,2	86,3	87,9	75,7

Рассчитано по: см. таблицу 2.20. С. 131–133.

В Кызылординской, Жамбылской и Алматинской областях распределение рождений по возрастам более равномерное, перевес в очередности рождений в пользу третьего, четвертого и более детей не так велик (см. табл. 2.22, 2.23, 2.24).

Таблица 2.22 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Кызылординская область, 2021. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	27,3	89,4	57,7	23,4	11,0	8,4	7,9	12,9
вторыми	19,9	9,7	31,3	27,4	10,9	6,6	6,4	12,9
третьими	19,2	–	8,5	28,0	24,5	14,3	10,4	–
четвертыми и более	32,5	–	1,6	20,3	52,5	68,9	73,9	74,2
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	26,6	86,0	59,9	25,4	10,9	7,0	6,9	15,0
вторыми	20,9	12,7	29,4	29,7	12,8	8,7	7,9	15,0
третьими	20,2	–	8,6	26,0	27,0	16,9	12,9	–
четвертыми и более	31,1	–	1,3	17,9	47,9	47,3	36,6	70,0
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	27,9	91,3	56,0	21,6	11,1	9,8	8,7	9,1
вторыми	19,0	8,0	32,7	25,1	8,9	4,6	5,2	9,1
третьими	18,3	–	8,5	29,9	22,0	11,6	8,3	–
четвертыми и более	33,7	–	1,7	22,5	57,0	72,4	76,2	81,8

Рассчитано по: см. таблицу 2.20. С. 119–121.

Таблица 2.23 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Жамбылская область, 2021 г. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,8	86,0	49,5	18,5	8,1	5,7	6,7	15,2
вторыми	21,0	12,3	35,2	26,1	11,2	7,8	5,8	12,1
третьими	21,3	0,4	11,9	30,8	26,4	17,2	14,1	12,1
четвертыми и более	32,0	–	2,6	23,9	53,2	68,3	71,7	60,6

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,4	86,7	54,7	21,6	9,0	7,1	8,1	17,4
вторыми	22,1	11,8	32,1	29,6	14,4	9,4	9,2	17,4
третьими	22,2	0,5	10,2	29,3	29,0	19,5	19,1	17,4
четвертыми и более	29,3	–	2,2	18,8	46,7	62,4	61,4	47,8
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,3	85,7	46,0	15,9	14,9	4,5	5,4	10,0
вторыми	20,1	12,5	37,2	23,3	8,4	6,3	2,7	–
третьими	20,5	0,4	13,0	32,0	24,3	15,0	9,6	–
четвертыми и более	34,1	–	2,8	28,1	58,8	73,3	81,3	90,0

Рассчитано по: см. таблицу 2.20. С. 110–112.

Таблица 2.24 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Алматинская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,5	88,4	56,6	25,2	13,3	10,0	8,5	15,9
вторыми	20,9	9,9	31,8	28,3	14,9	9,1	7,7	14,8
третьими	21,5	–	8,6	27,9	27,0	21,2	17,4	18,2
четвертыми и более	28,7	–	1,8	17,4	42,6	58,1	64,5	47,7
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	28,8	88,4	59,6	27,0	13,7	10,2	8,2	20,0
вторыми	23,7	10,6	30,5	32,0	18,6	12,7	12,4	10,0
третьими	22,1	–	7,4	26,0	30,2	24,9	19,5	15,0
четвертыми и более	25,1	–	1,7	13,6	36,4	50,3	57,7	50,0
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	27,1	88,4	55,7	24,5	13,2	9,9	8,6	14,7
вторыми	20,0	9,7	32,1	27,0	13,8	8,1	6,4	16,2
третьими	21,4	0,1	9,0	28,6	27,3	20,1	16,8	19,1
четвертыми и более	30,1	–	1,9	18,7	44,4	60,4	66,5	47,1

Рассчитано по: Продолжение таблицы 2.23. С. 101–103.

Высокий суммарный коэффициент рождаемости и распространенная многодетность в областях Южного Казахстана стали ключевыми факторами повышения среднего возраста матерей при рождении детей (см. табл. 2.25). Как отмечалось ранее, явление так называемого «постарения рождаемости» связано прежде всего с ростом доли женщин старшего репродуктивного возраста, рождающих третьего, четвертого и последующих детей. Этот процесс демонстрирует смещение фокуса демографического воспроизводства в сторону поздних рождений, что является прямым следствием как культурно-традиционных моделей семьи, так и демографической реакции на меры государственной поддержки многодетных семей.

Таблица 2.25 Средний возраст матерей при рождении в городской и сельской местности областей Южного Казахстана (количество лет)

	1999	2010	2015	2021
Южный Казахстан	26,9	27,7	27,7	29,0
городское	26,8	27,9	27,9	29,3
сельское	27,1	27,7	27,6	28,8
Алматинская	26,3	27,8	28,1	29,7
городское	26,0	27,7	28,2	29,6
сельское	26,5	27,8	28,1	29,7
Жамбылская	26,9	27,5	27,5	28,8
городское	27,1	27,9	27,9	29,3
сельское	26,9	27,3	27,2	28,4
Кызылординская	27,6	28,3	28,2	29,3
городское	27,5	28,2	28,3	29,7
сельское	27,9	28,4	28,2	29,1
Туркестанская	27,0	27,3	27,2	28,2
городское	26,8	27,7	27,5	28,5
сельское	27,2	27,2	27,0	28,1

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст.сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 146.

Таким образом, Южный Казахстан отличается высокими показателями рождаемости, распространением многодетных семей. Явление характерно для всех областей, входящих в состав региона.

Западный Казахстан. В Западно-Казахстанский регион входят четыре области (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская).

В этническом составе Западного Казахстана доминируют казахи, удельный вес которых в составе населения составляет 86,8% (таблица 2.33). В большей мере моноэтничность характерна для Атырауской (92,9%) и Мангистауской (91,2%) областей. В меньшей степени – для Актюбинской (85,0%) и Западно-Казахстанской (78,3%). В Западно-Казахстанской области относительно высок удельный вес русских (16,2%), в первую очередь в городах (21,7%).

В Западно-Казахстанском регионе преобладает городское население, доля которого составляет 58,6%. При этом большинство городских жителей региона составляют казахи – 82,1%. Особое внимание следует обратить на то, что 55,4% представителей казахского этноса проживают в городах, тогда как, например, в Южном Казахстане доля казахов-городских жителей значительно ниже и составляет лишь 30,8%. Среди областей Западного Казахстана наибольшая концентрация казахов в городах отмечается в Актюбинской области (73,0%), наименьшая – в Мангистауской области (41,4%). Таким образом, распределение казахского населения по типам поселений в регионе имеет ярко выраженную территориальную дифференциацию, что необходимо учитывать при анализе демографических процессов и планировании социальной политики.

Таблица 2.26 Численность и этнический состав населения Западного Казахстана по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Западный Казахстан		В том числе области							
			Актюбинская		Атырауская		Мангистауская		ЗКО	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все население	2990,5	100	906,2	100	673,6	100	735,0	100	675,7	100
городское	1751,5	100	671,6	100	371,0	100	332,7	100	376,2	100
сельское	1239,0	100	234,6	100	302,6	100	402,3	100	299,5	100
Казахи	2596,1	86,8	770,6	85,0	625,9	92,9	670,5	91,2	529,1	78,3
городское	1438,7	82,1	562,7	83,8	328,1	88,4	277,6	83,4	270,3	71,9
сельское	1157,4	93,4	207,9	88,6	297,8	98,4	392,9	97,7	258,8	86,4
Русские	238,8	8,0	67,5	7,4	30,1	4,5	32,0	4,3	109,2	16,2
городское	196,3	11,2	57,3	8,5	27,2	7,3	30,3	9,1	81,5	21,7
сельское	42,5	3,4	10,2	4,3	2,9	1,0	1,7	0,4	27,7	9,2
другие этносы	155,6	5,2	68,1	7,5	17,6	2,6	32,5	4,4	37,4	5,5
городское	116,5	6,6	51,6	7,7	15,7	4,2	24,8	7,4	24,4	6,5
сельское	39,1	3,2	16,5	7,0	1,9	0,6	7,7	1,9	13,0	4,3

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Нац. переписи населения 2021 г. в РК. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С 12–19.

Одной из особенностей региона является то, что большого разрыва в динамике возрастных коэффициентов, суммарного коэффициента рождаемости между городом и селом не наблюдается (см. табл. 2.27, 2.28). О том, что сельская и городская среда образуют единое социокультурное пространство, на наш взгляд, свидетельствует следующий факт - место проживания не оказывает принципиального влияния на репродуктивные установки сельских и городских женщин. Принадлежность к тому или иному типу населенных пунктов не стала, или пока не стала, маркером принципиальных изменений репродуктивных установок и репродуктивного поведения.

Таблица 2.27 Возрастные коэффициенты рождаемости, СКР Западного Казахстана в 2010–2021 гг. (на 1000 женщин соответствующего возраста)

Возраст женщин, лет	2010			2015			2021		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	86,9	85,7	89,4	100,1	101,2	98,4	112,9	114,1	111,6
15–19	32,5	34,2	31,6	36,1	35,1	36,1	25,4	21,3	28,4
20–24	161,8	159,3	168,2	180,4	180,5	181,0	197,9	197,2	197,6
25–29	163,6	163,8	164,1	177,1	181,2	175,1	228,6	244,0	215,1
30–34	121,7	117,3	127,4	132,3	132,4	131,9	165,6	167,0	181,8
35–39	67,8	64,0	73,2	81,3	81,1	81,2	105,6	106,2	106,6
40–44	19,1	18,2	20,5	19,6	20,0	19,0	29,3	29,9	27,7
45–49	0,7	0,7	0,6	0,9	0,9	0,8	1,6	1,7	1,4
СКР	2,83	2,79	2,93	3,14	3,16	3,13	3,77	3,84	3,79

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 115–120.

Таблица 2.28 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, СКР Западного Казахстана в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021			2010–2015			2015–2021		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	129,9	133,1	124,8	115,2	118,1	110,1	112,8	112,7	113,4
15–19	78,1	62,3	89,9	111,1	102,6	114,2	70,4	60,7	78,7
20–24	122,3	123,8	117,5	111,5	113,3	107,6	109,7	109,2	109,2
25–29	139,7	149,1	131,1	108,2	110,6	106,7	129,1	134,6	122,8
30–34	136,1	142,4	142,7	108,7	112,9	103,5	125,2	126,1	137,8
35–39	155,7	165,9	145,6	119,9	126,7	110,9	129,9	130,9	131,3
40–44	153,4	164,3	135,1	102,6	109,9	92,7	149,5	149,5	149,8
45–49	228,6	242,8	233,3	128,7	128,6	133,3	177,8	188,9	175,0
СКР	133,2	137,6	129,3	110,9	113,3	106,8	120,1	121,5	121,5

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н.С. Айдапкелов. Астана, 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 115–120.

Внутрирегиональные показатели возрастных, суммарных коэффициентов рождаемости отличаются и делятся на две группы. Так, в Западно-Казахстанской и Актыбинской областях они заметно ниже, чем в Атырауской и Мангистауской (см. табл. 2.29). Это уже устоявшаяся закономерность в западных областях подтверждается и результатами социологического исследования.⁸¹

⁸¹ Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Социализация казахов в социально-демографическом и социокультурном контекстах (вторая половина XX – первая четверть XXI веков). Аналитический отчет по результатам анамнестического социологического исследования. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ им. Д. Серикбаева, 2025. – 340 с.

Таблица 2.29 Возрастные коэффициенты рождаемости областей Западного Казахстана, 2021 г. (на 1000 населения)

Возраст женщин, лет	Актюбинская			Атырауская			ЗКО			Мангистауская		
	всего	в том числе		всего	В том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
15–49	101,7	103,2	97,5	120,4	117,3	124,3	92,6	93,4	91,5	137,0	142,6	133,7
15–19	20,1	20,1	19,9	26,0	23,1	28,9	19,3	15,6	22,4	36,3	26,4	42,4
20–24	182,0	183,9	177,9	200,5	196,2	204,9	164,6	167,7	161,4	244,4	241,2	246,3
25–29	201,0	207,9	182,5	250,9	254,8	246,4	192,6	199,3	184,7	270,0	314,3	244,8
30–34	140,2	134,4	163,3	177,8	171,7	186,7	141,3	137,5	147,1	203,2	224,4	189,0
35–39	100,1	101,0	97,1	111,1	103,6	121,8	86,6	83,8	90,6	125,0	136,2	116,9
40–44	28,0	28,7	24,5	32,7	30,8	35,3	23,3	23,3	23,3	33,8	36,9	31,5
45–49	1,2	1,3	0,7	2,3	2,3	2,3	0,7	0,8	0,7	2,2	2,5	1,9
СКР	3,36	3,39	3,33	4,01	3,91	4,13	3,14	3,14	3,15	4,57	4,91	4,36

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Суммарные коэффициенты возрастных групп города и села так же отличаются незначительно. Наибольший вклад в СКР, как и в целом по Казахстану, вносит возрастная группа от 20 до 34 лет (см. табл. 2.28, 2.31). Тенденция характерна для всех областей региона (см. табл. 2.32, 2.33).

Таблица 2.30 СКР возрастных групп Западного Казахстана, 2021

Возраст женщин, лет	всего	в том числе	
		город	село
СКР	3,77	3,84	3,79
15–19	0,13	0,11	0,14
20–24	0,99	0,99	0,99
25–29	1,14	1,22	1,07
30–34	0,84	0,83	0,91
35–39	0,53	0,53	0,53
40–49	0,15	0,16	0,14

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Таблица 2.31 Вклад СКР возрастных групп в СКР Западного Казахстана, 2021 г. (%)

Возраст женщин, лет	Всего	В том числе	
		город	село
СКР	100	100	100
15-19	3,4	2,9	3,7
20-24	26,3	25,8	26,1
25-29	30,2	31,8	28,2
30-34	22,3	21,6	24,0
35-39	14,1	13,8	14,0
40-49	4,0	4,2	3,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Таблица 2.32 Суммарные коэффициенты рождаемости возрастных групп областей Западного Казахстана, 2021 г.

Возраст женщин, лет	Актюбинская			Атырауская			ЗКО			Мангистауская		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
15–19	0,10	0,10	0,10	0,13	0,12	0,14	0,10	0,10	0,11	0,18	0,13	0,21
20–24	0,91	0,92	0,89	1,00	0,98	1,02	0,82	0,84	0,81	1,22	1,21	1,23
25–29	1,00	1,04	0,91	1,25	1,27	1,23	0,96	1,00	0,92	1,35	1,57	1,22
30–34	0,70	0,67	0,82	0,89	0,86	0,93	0,71	0,69	0,74	1,02	1,12	0,95
35–39	0,50	0,51	0,49	0,55	0,52	0,61	0,43	0,42	0,45	0,63	0,68	0,58
40–49	0,15	0,15	0,13	0,17	0,16	0,19	0,12	0,12	0,12	0,18	0,19	0,17
СКР	3,36	3,39	3,33	4,01	3,91	4,13	3,14	3,14	3,15	4,57	4,91	4,36

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Таблица 2.33 Вклад СКР возрастных групп областей Западного Казахстана, 2021 (%)

Возраст женщин, лет	Актюбинская			Атырауская			ЗКО			Мангистауская		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село		город	село
СКР	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
15–19	3,0	2,9	3,0	3,2	3,1	3,4	3,2	3,2	3,5	3,9	2,6	4,8
20–24	27,1	27,1	26,7	24,9	25,1	24,7	26,1	26,8	25,7	26,7	24,6	28,2
25–29	29,8	30,7	27,3	31,2	32,5	29,8	30,6	31,8	29,2	29,5	32,0	28,0
30–34	20,8	19,8	24,6	22,2	22,0	22,5	22,6	22,0	23,5	22,3	24,5	21,8
35–39	14,9	15,0	14,7	13,7	13,3	14,8	13,7	13,4	14,3	13,8	14,9	13,3
40–49	4,4	4,4	3,6	4,0	3,8	4,4	3,8	3,8	3,8	3,9	4,1	3,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Некоторые различия между городским и сельским населением по показателю возраста матери и очередности рождения представлены в таблице 2.34. В городских поселениях распределение рождаемости по очередности первого, второго, третьего и последующих детей выглядит более равномерным. В сельской местности наблюдается заметный перевес рождений третьего, четвертого и более детей. Так, среди женщин в возрасте 25–29 лет трех и более детей имели 56,9% сельских женщин, тогда как среди городских женщин этот показатель составил 42,2%.

Данный факт отражает сохраняющееся влияние традиционных социокультурных норм на репродуктивное поведение в сельской местности, где семьи остаются более крупными по составу, чем в городах. В то же время урбанизация и социально-экономические условия городов способствуют более равномерному распределению рождаемости по очередности детей, что свидетельствует о частичном смещении демографических предпочтений в

сторону меньших семей. «Классический» демографический переход приобретает более сглаженную форму, переезд в город не только не означает резкого разрыва социальных связей с сельскими родственниками, но и не влечет за собой немедленного перехода к городскому типу рождаемости.

Таблица 2.34 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождения. Западный Казахстан, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первые	23,6	85,1	54,5	20,6	7,2	5,1	6,4	12,5
вторые	22,4	12,6	31,6	29,7	15,4	9,7	9,1	11,4
третьи	22,8	0,6	10,3	28,6	28,9	21,7	18,8	20,0
четвертые и более	30,4	-	2,4	20,0	46,5	62,1	64,8	42,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,7	85,4	57,6	24,4	9,7	6,2	6,7	22,6
вторыми	23,7	12,0	30,2	31,6	19,0	12,4	11,7	14,2
третьими	23,7	0,5	9,2	26,3	30,8	25,1	21,7	20,0
четвертыми и более	26,6	–	2,0	15,9	39,5	54,9	57,7	34,5
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	22,1	85,4	51,5	15,9	5,8	3,7	3,6	6,8
вторыми	20,1	12,5	33,1	26,2	10,1	5,9	5,9	6,8
третьими	21,9	0,2	11,5	31,7	26,2	16,8	15,0	13,8
четвертыми и более	34,8	–	2,7	25,2	44,4	72,2	73,8	71,4

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 98–100, 104–106, 107–109, 122–124.

Имеются и внутрирегиональные особенности. В Актюбинской области очередность рождений в городах более равномерна. В селах – более высокий удельный вес рождений четвертого и более детей. В возрасте 25–29 лет в городах трех и более детей имели 40,7% женщин, в селах – 57,4% (см. табл. 2.35).

Особенность Западно-Казахстанской области в том, что в городах наблюдается равномерное распределение рождений с первого по третьего ребенка и самый низкий удельный вес рождений четвертого и более детей. Удельный вес рождений третьего и более детей (34,8%) – самый низкий среди областей Западного Казахстана (см. табл. 2.36).

Таблица 2.35 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений.
Актюбинская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	23,5	87,3	56,6	22,3	7,9	4,5	4,2	10,7
вторыми	23,0	11,6	31,4	31,9	16,5	9,7	8,3	7,1
третьими	23,9	1,1	9,0	28,2	31,8	24,8	18,7	28,6
четвертыми и более	28,4	–	1,9	16,5	42,4	59,3	66,7	50,0
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	24,8	86,1	58,7	24,3	8,8	5,1	5,0	12,5
вторыми	24,2	13,1	30,6	34,0	19,1	11,3	9,1	8,3
третьими	24,2	–	8,0	26,6	32,8	26,9	19,8	33,3
четвертыми и более	26,1	–	1,6	14,1	38,0	55,0	64,1	41,7
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,1	89,6	51,8	16,2	5,0	2,9	1,6	–
вторыми	19,3	8,7	33,2	25,6	8,3	4,6	6,0	–
третьими	22,8	–	11,4	33,3	28,8	17,8	15,2	–
четвертыми и более	35,1	–	2,7	24,1	56,9	73,1	75,0	100,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 98–100.

Таблица 2.36 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождения.
Западно-Казахстанская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	26,1	87,3	58,4	24,6	9,0	6,5	6,5	20,0
вторыми	25,3	10,3	30,5	34,2	21,1	13,2	10,8	6,7
третьими	25,3	0,3	8,4	26,9	35,7	28,6	27,4	20,0
четвертыми и более	22,5	–	1,7	13,3	32,8	50,5	54,4	26,7
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	26,6	90,3	59,9	28,6	10,2	6,9	7,6	33,3
вторыми	26,6	8,3	29,2	35,7	24,9	16,6	14,9	11,1
третьими	26,6	–	7,9	23,9	37,6	33,4	33,4	22,2
четвертыми и более	19,0	–	2,0	10,9	25,9	41,9	42,9	22,2

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,4	85,6	56,9	19,6	7,4	6,1	5,1	–
вторыми	23,8	11,5	31,9	32,4	15,7	8,7	5,6	–
третьими	23,8	0,4	8,9	30,7	32,9	22,3	19,6	16,7
четвертыми и более	27,0	–	1,3	16,4	42,6	61,9	69,2	83,3

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 107–109.

В Атырауской и Мангистауской областях удельный вес рождения четвертого и более детей заметно превышает удельный вес рождений первого-второго ребенка, особенно в сельской местности Мангистауской области. В обеих областях виден разрыв между городским и сельским населением в доле рождений третьего, четвертого и более детей в возрастной группе 25–29 лет. В сельской местности Мангистауской области 64,9% рождений в возрасте 25–29 лет приходится на третьего, четвертого и более детей (см. табл. 2.37, 2.38).

Таблица 2.37 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождения. Атырауская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	22,8	81,7	53,4	19,0	7,4	4,0	5,8	25,6
вторыми	20,6	14,3	31,6	27,9	13,0	8,6	9,4	10,3
третьими	21,7	0,9	10,9	29,1	26,7	19,2	16,1	23,1
четвертыми и более	33,7	–	2,9	22,8	51,5	66,9	66,0	41,0
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	23,0	80,9	55,5	21,9	9,9	4,9	7,6	33,3
вторыми	22,0	13,4	30,7	30,4	15,6	10,8	11,3	9,5
третьими	23,0	1,5	10,2	27,7	28,8	22,3	15,8	19,0
четвертыми и более	30,0	–	2,3	18,9	45,8	60,6	62,8	23,9
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,4	82,3	51,3	15,5	6,4	2,9	3,7	16,7
вторыми	19,0	15,1	32,5	24,9	9,4	5,9	7,1	11,1
третьими	21,4	0,3	11,6	30,7	23,9	15,5	16,5	27,8
четвертыми и более	36,9	–	3,4	27,5	59,0	74,5	69,7	44,4

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 104–106.

Таблица 2.38 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождения. Мангистауская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	22,3	84,2	49,7	16,7	6,8	5,2	5,1	10,8
вторыми	20,6	14,1	33,1	25,0	11,1	7,3	7,7	21,6
третьими	20,6	0,2	12,9	30,0	21,3	14,3	12,8	8,1
четвертыми и более	36,9	–	2,9	27,2	59,4	71,6	71,9	51,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,0	84,4	56,2	22,8	10,0	7,9	6,5	11,1
вторыми	21,9	13,3	30,2	29,6	16,3	10,9	11,5	27,8
третьими	20,8	0,4	10,6	27,1	24,1	17,7	17,9	5,6
четвертыми и более	31,3	–	1,9	19,7	48,3	62,1	60,9	50,0
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	20,4	84,2	46,1	12,2	4,3	3,0	3,9	10,5
вторыми	18,2	14,5	34,7	21,8	6,9	4,3	4,7	15,9
третьими	19,7	0,1	14,1	32,1	19,2	11,6	8,6	10,5
четвертыми и более	40,1	–	3,5	32,8	68,3	79,3	81,1	57,9

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 122–124.

Тенденция увеличения среднего возраста матерей при рождении характерна как для Западного Казахстана в целом, так и для областей, в него входящих. Объясняется это распространенной многодетностью, при которой рождение третьего, четвертого и более детей приходится на более старшие возрастные группы. Средний возраст матерей при рождении мог быть и выше, но необходимо учитывать факт того, что многодетными являются и молодые женщины, не достигшие тридцатилетнего возраста. Более выражено явление проявляется в сельской местности Мангистауской области (см. табл. 2.39).

Таблица 2.39 Средний возраст матерей при рождении. Западный Казахстан (1999–2021)

Области	1999	2010	2015	2021
Западный Казахстан	26,9	27,6	28,1	29,5
город	26,6	27,5	28,3	29,8
село	27,5	27,6	27,8	29,1
Актюбинская	26,8	27,8	28,2	29,7
город	26,5	27,8	28,3	29,9
село	27,2	27,8	27,9	29,1

Области	1999	2010	2015	2021
Атырауская	27,3	27,4	28,1	29,5
город	27,0	27,3	28,3	29,7
село	27,8	27,5	27,9	29,2
ЗКО	26,3	27,5	28,0	29,6
город	25,9	27,3	28,1	29,9
село	26,9	27,7	27,9	29,2
Мангистауская	27,2	27,5	28,0	29,2
город	26,9	27,7	28,4	29,8
село	28,2	27,2	27,6	28,8

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Таким образом, тенденции рождаемости Западного региона Казахстана во многом схожи с ситуацией в Южном Казахстане. В то же время, довольно заметна внутрирегиональная дифференциация показателей рождаемости, в Атырауской и Мангистауской областях они заметно выше, чем в Актюбинской и Западно-Казахстанской.

Восточный Казахстан. В состав Восточного Казахстана входит Восточно-Казахстанская область. В 2022 г. из состава Восточно-Казахстанской области выделена Абайская область. Данные представлены в административных границах 2021 года – года переписи населения.

Этническую структуру населения Восточного Казахстана определяют два этноса – казахи и русские (94,9% в 2021 г.). Представительство других этнических групп, как в городе, так и в селе, невелико. Большая часть казахов (57,5%) и русских (73,2%) являются городскими жителями. Городское население, в основе своей, концентрируется в двух городах – Усть-Каменогорске и Семее. В сельской местности абсолютно доминируют казахи – 72,4% сельского населения региона. В городах сохраняется весомое представительство других этнических групп, прежде всего русских (см. табл. 2.40).

Вследствие указанных факторов возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения существенно различаются. Однако в перспективе этот разрыв постепенно сокращается. Так, в 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости в городских поселениях был в 1,4 раза ниже, чем в сельских. Активная урбанизация и рост рождаемости среди городского населения способствовали ускоренной динамике возрастных коэффициентов рождаемости в городах в период 2010–2021 гг. В результате в 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости в сельских поселениях превышал аналогичный показатель городских территорий лишь в 1,2 раза (см. табл. 2.41, 2.42).

Таблица 2.40 Численность и этнический состав населения Восточного Казахстана по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Численность	Удельный вес (%)
Все население	1341,3	100
городское	846,6	100
сельское	494,7	100
Казахи	842,4	62,8
городское	484,4	57,2
сельское	358,0	72,4
Русские	431,0	32,1
городское	315,7	37,3
сельское	115,3	23,3
другие этносы	67,9	5,1
городское	46,5	5,5
сельское	21,4	4,3

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Нац.переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С 12–18.

Таблица 2.41 Возрастные коэффициенты рождаемости, СКР Восточного Казахстана в 2010–2021 гг.

Возраст женщин, лет	2010			2015			2021		
	Всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	61,7	55,8	70,9	65,6	65,2	66,4	74,0	72,3	77,3
15–19	25,1	22,4	28,7	24,1	24,7	23,4	15,6	15,6	15,7
20–24	114,9	94,9	159,5	121,1	117,2	128,5	134,9	141,4	124,0
25–29	126,6	117,7	141,8	125,9	112,6	164,1	167,1	160,8	181,3
30–34	89,9	80,4	105,0	93,8	91,9	97,3	115,4	96,7	187,7
35–39	48,0	40,4	59,4	52,5	49,6	57,3	75,2	70,1	85,8
40–44	10,9	8,9	14,0	12,8	12,2	13,8	19,3	17,2	23,2
45–49	0,4	0,3	0,5	0,7	0,6	0,7	0,8	0,8	0,9
СКР	2,08	1,82	2,54	2,15	2,04	2,42	2,64	2,51	3,09

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.42 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, СКР Восточного Казахстана в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021			2010–2015			2015–2021		
	Всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	119,9	129,6	109,0	106,3	116,8	93,6	112,8	110,9	116,4
15–19	62,1	69,6	54,7	96,0	110,3	81,5	64,7	63,1	67,1
20–24	117,4	149,0	77,7	105,4	123,5	80,6	111,4	120,6	96,5
25–29	132,0	136,6	127,8	99,4	95,7	115,7	132,7	142,8	110,5
30–34	128,4	120,3	178,8	104,3	114,3	92,7	123,0	105,2	192,9
35–39	156,7	173,5	144,4	109,4	122,8	96,5	143,2	141,3	149,7

Возраст женщин, лет	2010–2021			2010–2015			2015–2021		
	Всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
40–44	177,1	193,9	165,7	117,4	137,1	98,6	150,8	141,0	168,1
45–49	200,0	400,0	180,0	175,0	300,0	80,0	114,3	133,3	128,6
СКР	126,9	137,9	121,6	103,4	112,1	95,3	122,8	123,0	127,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Имеются заметные различия и в возрастной структуре СКР. В городских поселениях наибольшая репродуктивная активность приходится на возраст 20–29 лет, обеспечивающую 60,2% СКР городского населения. В сельской местности наиболее активными репродуктивно являются женщины в возрасте 25–34 лет, на долю которых приходится 59,8% СКР в более старшие возрастные группы (48,2% рождений в селе происходит после 30 лет, тогда как в городе – 36,6%) отражает более широкое распространение многодетности в сельской местности (см. табл. 2.43, 2.44).

Таблица 2.43 СКР возрастных групп Восточного Казахстана, 2021

Возраст женщин, лет	Все население	в том числе	
		городское	сельское
СКР	2,64	2,51	3,09
15–19	0,08	0,08	0,08
20–24	0,67	0,71	0,62
25–29	0,84	0,80	0,91
30–34	0,58	0,48	0,94
35–39	0,38	0,35	0,43
40–49	0,10	0,09	0,12

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.44 Вклад СКР возрастных групп в СКР Восточного Казахстана (%)

Возраст женщин, лет	Все население	в том числе	
		городское	сельское
СКР	100	100	100
15–19	3,0	3,2	2,6
20–24	25,4	28,3	20,1
25–29	21,8	31,9	29,4
30–34	22,0	19,1	30,4
35–39	14,4	13,9	13,9
40–49	3,8	3,6	3,9

Рассчитано по: см. табл. 2.43

Подтверждают предположение данные таблицы 2.44. Они свидетельствуют, что в городских поселениях 59,3% рождений приходится на первого – второго ребенка (в сельских – 44,5%), на третьего, четвертого и более в городах – 40,7%, в селах – 54,3% (см. табл. 2.45).

Таблица 2.45 Родившиеся по очередности рождений и возрасту матери (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	25,5	88,3	60,4	25,4	9,6	6,2	5,2	16,7
вторыми	27,3	9,4	30,5	37,9	24,4	14,8	13,3	11,1
третьими	23,4	0,5	6,3	24,9	33,4	27,9	21,0	16,7
четвертыми и более	22,1	–	1,4	10,7	31,2	49,3	58,5	52,8
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	28,0	88,2	63,4	28,4	11,2	7,7	6,6	18,2
вторыми	29,3	8,3	29,2	40,7	27,9	17,9	17,0	13,6
третьими	22,7	0,6	4,9	21,7	34,1	30,4	25,0	22,7
четвертыми и более	18,0	–	1,2	8,2	25,7	42,3	49,8	40,9
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	21,0	88,4	57,8	19,4	6,5	3,5	3,4	14,3
вторыми	23,5	10,8	33,1	32,2	17,7	9,6	8,3	7,1
третьими	24,7	0,4	9,0	31,5	32,0	23,5	15,6	7,1
четвертыми и более	29,6	–	1,7	15,8	42,2	61,2	70,0	71,4

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 134–136.

Быстрыми темпами увеличивается возраст матерей при рождении. В сельской местности это во многом связано с тем, что растет удельный вес рождений третьего, четвертого и более детей, происходящих в старших возрастных группах. Более явно выраженное повышение среднего возраста матерей при рождении в городах объясняется влиянием как тенденцией становления многодетности с одной стороны, так и, с другой, более поздним рождением первого, второго ребенка. Урбанизационные процессы привели к сочетанию в городах различных вариантов возрастной структуры рождаемости. Наиболее статистически выражено это подтверждают данные, представленные в таблице 2.46.

Таблица 2.46 Средний возраст матерей при рождении в Восточном Казахстане (1999–2021)

Годы	1999	2010	2015	2021
Все население	25,8	27,7	28,4	33,3
Городское	25,7	27,5	28,4	34,0
Сельское	26,0	28,0	28,5	32,2

Рассчитано по: Дем. ежегодник Казахстана. С. сб. 2008. С. 292; Дем. ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Дем. ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Следовательно, демографические особенности Восточного Казахстана во многом определяются этническим составом населения. При этом присутствует внутрирегиональные различия, скрытые административно-территориальным делением области. Этнический состав «Семипалатинского» и «Усть-Каменогорского» субрегионов, до 1997 г. бывших отдельными областями, существенно отличается. В «Семипалатинском» субрегионе значительным большинством являются казахи, в «Усть-Каменогорском» – высокий удельный вес русских. Вследствие этого, определенное влияние на динамику показателей рождаемости продолжает играть «эффект этнического замещения», в первую очередь в «Усть-Каменогорском» субрегионе.

Центральный Казахстан. В состав Центрального Казахстана входит Карагандинская область. В 2022 г. из ее состава была выделена область Улытау. Данные представлены в границах 2021 года – года переписи населения. В суверенный период этнический состав населения Центрального Казахстана кардинально изменился. Большинство населения стали казахи (55,8% по данным переписи населения 2021 г., тогда как согласно переписи населения 1989 г. – 24,9%) (см. табл. 2.47).

Таблица 2.47 Численность и этнический состав населения Центрального Казахстана по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Численность	Удельный вес (%)
Все население	1348,5	100
городское	1087,1	100
сельское	261,4	100
Казахи	751,9	55,8
городское	559,8	51,5
сельское	192,1	73,5
Русские	391,7	29,0
городское	351,4	32,3
сельское	40,3	15,4
другие этносы	204,9	15,2
городское	175,9	16,2
сельское	29,0	11,1

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С 12–19.

Удельный вес русских с 47,6% в 1989 г. уменьшился до 29,0% в 2021 г. Сократилась также численность и представительство в составе населения других этносов, значительную часть которых в конце советского периода истории составляли украинцы и немцы. Столь значительные изменения в этническом составе населения во многом стали причиной эволюций возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости, в первую очередь в городских поселениях. Так же, как и в целом в Казахстане, в 2015–2021 гг. динамика роста показателей была существенно выше, чем в 2010–2015 гг. (см. табл. 2.48, 2.49).

Таблица 2.48 Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 населения), СКР Центрального Казахстана в 2010–2021 гг.

Возраст женщин, лет	2010			2015			2021		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	62,2	60,7	68,2	68,4	67,4	72,8	72,8	71,3	79,5
15–19	29,3	29,8	27,9	28,3	29,1	26,0	17,9	17,5	19,0
20–24	120,6	116,6	137,4	128,1	125,3	134,4	133,6	132,2	138,6
25–29	123,2	119,3	141,2	133,6	128,1	163,5	157,0	156,8	157,7
30–34	84,9	81,1	100,6	91,5	88,9	104,2	113,1	106,9	151,2
35–39	45,2	42,4	57,1	52,8	50,2	64,1	68,1	65,3	82,8
40–44	10,3	9,6	12,6	12,0	11,8	12,7	17,4	16,7	20,6
45–49	0,4	0,3	0,6	0,7	0,8	0,4	0,8	0,7	1,3
СКР	2,07	1,99	2,39	2,23	2,17	2,53	2,54	2,48	2,86

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.49 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, СКР Центрального Казахстана в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021			2010–2015			2015–2021		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	117,0	117,5	116,6	110,0	111,4	105,7	106,4	105,8	109,2
15–19	61,1	58,7	68,1	96,6	97,6	93,2	63,2	60,1	73,1
20–24	110,8	113,4	100,9	105,4	107,5	97,8	105,1	105,5	103,1
25–29	127,4	131,5	111,7	108,4	107,5	115,8	117,5	122,4	96,4
30–34	133,2	131,8	150,3	107,8	109,6	103,4	123,6	120,2	145,1
35–39	150,7	154,0	145,0	116,8	118,4	112,3	129,0	130,1	129,2
40–44	168,9	173,4	169,5	116,6	122,9	100,8	145,0	141,5	162,2
45–49	200,0	233,3	216,7	200,0	233,0	133,0	114,3	87,5	325,0
СКР	122,7	124,6	119,7	107,7	109,0	105,8	113,9	114,3	113,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Суммарный коэффициент рождаемости по возрастным группам в городских и сельских населенных пунктах в целом отличается незначительно. Вместе с тем в сельской местности наблюдается более высокий уровень рождаемости среди женщин старше 30 лет, что повышает общий показатель суммарного коэффициента рождаемости – в сельских районах он превышает городской на 15,3%. Данный факт свидетельствует о более широком распространении многодетности в сельской среде, где сохраняются традиционные семейные и репродуктивные нормы, а также более поздние, но многочисленные роды.

Наибольший вклад в суммарный коэффициент рождаемости в городской и сельской местности вносит возрастная группа 20–34 года, что отражает интенсивность репродуктивной активности наиболее плодородного контингента женщин. Различие же в возрастной структуре рождаемости, при котором в сельской местности более высокая доля рождений приходится на женщин старше 30 лет (48,2% рождений против 36,6% в городах), демонстрирует устойчивое влияние традиционных социокультурных факторов на демографическое поведение. Следовательно, несмотря на процессы урбанизации и изменения образа жизни, сельская среда сохраняет особенности, характерные для расширенного типа воспроизводства. В городских же условиях наблюдается смещение репродуктивной активности в более молодые возрастные группы, что связано с экономическими, образовательными и социальными факторами, характерными для городского населения (см. табл. 2.50).

Таблица 2.50 СКР возрастных групп Центрального Казахстана, 2021 г.

Возраст женщин, лет	Все население	В том числе	
		городское	сельское
СКР	2,54	2,48	2,86
15–19	0,09	0,09	0,10
20–24	0,67	0,66	0,69
25–29	0,78	0,78	0,79
30–34	0,57	0,53	0,76
35–39	0,34	0,33	0,41
40–49	0,09	0,08	0,11

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Эта дифференциация возрастной структуры рождаемости оказывает непосредственное влияние на формирование общей демографической картины и тенденции роста населения в различных регионах Казахстана, что видно на примере Центрального Казахстана. В таблице 2.51 представлен вклад суммарного коэффициента возрастных групп в общий показатель, характеризующий среднее количество детей, рожденных женщиной в течение ее жизни.

Таблица 2.51 Вклад СКР возрастных групп в СКР. Центральный Казахстан, 2021 (%)

Возраст женщин, лет	Все население	в том числе	
		городское	сельское
СКР	100	100	100
15–19	3,5	3,6	3,5
20–24	26,4	26,6	24,1
25–29	30,7	31,5	27,6
30–34	22,4	21,4	26,6
35–39	13,4	13,3	14,3
40–49	3,5	3,2	3,8

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Возрастная структура рождаемости в городах и селах имеет сходные тенденции. Разница лишь в том, что в городах больший удельный вес занимают рождения первого ребенка – 57,8%. В селах – 50,0%. К 30 годам имели трех и более детей 43,0% сельских женщин, городских – 33,5%. Удельный вес рождений первого ребенка у городских женщин в возрасте 25–29 лет выше, чем в селе – 29,3% против 24,1% (см. табл. 2.52).

Таблица 2.52 Родившиеся по возрасту рождений и возрасту матери. Центральный Казахстан, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	29,6	88,3	60,6	28,3	13,9	10,6	9,4	20,5
вторыми	26,7	10,1	29,5	34,9	23,2	17,8	10,9	15,4
третьими	21,7	–	6,9	24,0	30,8	26,8	22,9	7,7
четвертыми и более	20,0	–	1,2	12,5	30,6	43,1	53,9	51,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	30,2	89,6	62,1	29,3	14,8	10,8	9,9	27,6
вторыми	27,6	8,8	29,1	35,8	25,3	19,9	12,5	13,8
третьими	21,9	–	6,0	23,5	30,6	27,7	24,6	6,9
четвертыми и более	18,8	–	1,0	10,0	27,9	40,1	49,7	44,8
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	27,1	84,4	55,6	24,1	10,1	9,6	7,5	–
вторыми	22,9	14,1	30,8	31,1	13,8	9,5	5,2	20,0
третьими	20,8	–	9,8	26,1	31,8	23,3	16,2	10,0
четвертыми и более	25,0	–	2,0	16,9	42,5	55,5	69,9	70,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 113–115.

Наблюдается тенденция к повышению среднего возраста матерей при рождении детей. С одной стороны, это связано с тем, что первенцы все чаще рождаются в более старших возрастных группах, особенно среди городского населения. С другой стороны, сохраняющаяся многодетность способствует тому, что третьи, четвертые и последующие дети рождаются преимущественно женщинами старше 30 лет (см. табл. 2.52, 2.53). Таким образом, одновременно проявляются два демографических процесса: сдвиг репродуктивного начала к более поздним возрастам и продолжение традиционной практики многодетности.

Таблица 2.53 Средний возраст матерей при рождении. Центральный Казахстан (1999–2021)

Годы	1999	2010	2015	2021
все население	26,0	27,5	28,1	29,4
городское	25,9	27,4	28,2	29,6
сельское	26,5	27,6	28,0	29,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник. 2008. - С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Таким образом, значительное влияние на динамику показателей рождаемости в Центральном, как и в Восточном Казахстане, оказывает эффект «этнического замещения». Разница в том, что удельный вес городского населения в регионе всегда был одним из самых высоких в стране. Вследствие чего влияние сельского населения на региональные показатели выражено не так явно, как в других регионах.

Северный Казахстан. В состав Северо-Казахстанского региона входят четыре области: Акмолинская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская. Этнический состав населения региона представлен по состоянию на 2021 г. (см. табл. 2.54).

Северный Казахстан остается одним из полиэтнических регионов государства. Представительство казахского этноса в течение суверенного периода постепенно росло и достигло в 2021 г. 49,1 % населения. В большей мере это было выражено в Акмолинской и Павлодарской областях, в меньшей – в Костанайской и Северо-Казахстанской. Важным для процессов рождаемости является и то, что казахи составили почти половину (47,7 %) городского населения региона. В 2021 г. большинство представителей этноса (57,9 %) проживало в городских поселениях. Несмотря на эволюции этнического состава, Северный Казахстан является одним из наиболее европеизированных регионов РК. При этом его особенностью является не только солидное представительство в составе населения русских, но и то, что среди «других этносов» преобладает европейский компонент – украинцы, немцы, поляки и другие, что сказывается на демографических процессах (миграционный отток, «старая» возрастная структура, низкие показатели воспроизводства).

Таблица 2.54 Численность и этнический состав населения Северного Казахстана по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Северный Казахстан		в том числе области							
			Акмолинская		Костанайская		Павлодарская		СКО	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все население	2914,2	100	783,0	100	833,6	100	756,8	100	540,8	100
городское	1739,1	100	435,8	100	510,6	100	533,2	100	259,5	100
сельское	1175,1	100	347,2	100	323,0	100	223,6	100	281,3	100
казахи	1431,8	49,1	437,0	55,8	368,3	44,2	423,3	55,9	203,2	37,6
городское	829,5	47,7	243,9	56,0	219,7	43,0	280,4	52,6	85,5	32,9
сельское	602,3	51,3	193,1	55,6	148,6	46,0	142,9	63,9	117,7	41,8
русские	955,7	32,8	210,8	26,9	280,6	33,7	223,7	29,6	240,6	44,5
городское	559,6	32,3	57,3	13,1	189,0	37,0	176,6	33,1	136,7	57,7
сельское	396,1	33,7	153,5	44,2	91,6	28,4	47,1	21,1	103,9	36,9
другие этносы	526,7	18,1	135,2	17,3	184,7	22,2	109,8	14,5	97,0	17,9
городское	350,0	20,1	134,6	30,9	101,9	20,0	76,2	14,3	37,3	14,4
сельское	176,7	15,0	0,6	0,2	82,8	25,6	33,6	15,0	59,7	21,2

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Нац.переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С 12–18.

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости в Северном Казахстане самые низкие среди регионов Казахстана, как в городах, так и в селах. При этом самой низкой в 2020–2021 гг. была и динамика роста показателей. В первую очередь это касается молодых возрастных групп (до 30 лет). После 30 лет возрастные коэффициенты рождаемости существенно увеличиваются, что сказалось на суммарном коэффициенте рождаемости лишь в малой степени (см. табл. 2.55, 2.56).

Таблица 2.55 Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарные коэффициенты рождаемости Северного Казахстана в 2010–2021 гг.

Возраст женщин, лет	2010			2015			2021		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	Село		город	село
15–49	57,4	57,7	58,4	62,3	63,1	61,8	62,3	63,0	62,7
15–19	29,6	25,8	33,0	28,3	26,2	30,8	17,4	15,7	18,9
20–24	119,2	108,9	134,5	119,0	117,0	123,4	115,7	119,2	113,3
25–29	116,5	120,8	113,8	126,1	120,4	140,2	143,0	135,5	129,9
30–34	77,4	78,9	77,6	86,0	88,2	82,6	105,1	92,4	128,5
35–39	40,6	40,3	42,3	46,4	47,1	46,7	60,1	58,6	63,9
40–44	9,3	8,3	10,6	11,1	11,4	11,4	16,7	16,5	17,2
45–49	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,7	0,9	0,4
СКР	1,96	1,92	2,06	2,09	2,05	2,18	2,29	2,19	2,36

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.56 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, суммарных коэффициентов рождаемости Северного Казахстана в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021			2010–2015			2015–2021		
	все	в том числе		все	в том числе		все	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
15–49	108,5	109,2	107,4	108,5	111,1	105,8	100,0	98,3	101,4
15–19	58,8	60,8	57,3	95,6	101,5	93,3	61,5	59,9	61,4
20–24	97,1	109,4	84,2	99,8	107,4	91,7	97,2	101,9	91,8
25–29	122,7	112,2	114,1	108,2	99,7	123,2	113,4	112,5	92,6
30–34	135,8	117,1	165,6	111,1	111,8	106,4	122,2	104,8	155,6
35–39	148,0	145,4	151,1	114,3	116,9	110,4	129,5	124,4	136,8
40–44	179,6	198,8	162,3	119,3	137,3	107,5	150,4	144,7	150,9
45–49	175,0	300,0	100,0	100,0	133,3	100,0	175,0	225,0	100,0
СКР	116,8	114,1	114,6	106,6	106,8	105,8	109,6	106,8	108,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Среднестатистический показатель не отражает внутрирегиональных особенностей. Так, в Акмолинской и Павлодарской областях возрастные коэффициенты рождаемости существенно выше, чем в Северо-Казахстанской и Костанайской. Наиболее отчетливо это видно на примере возрастных коэффициентов рождаемости 20–29-летних женщин. В результате суммарные коэффициенты рождаемости в Костанайской и Северо-Казахстанской областях не достигали уровня простого замещения (1,88 и 1,97 соответственно), тогда как в Акмолинской и Павлодарской они равнялись 2,69 и 2,36 (см. табл. 2.57).

Таблица 2.57 ВКР областей Северного Казахстана, 2021 г. (на 1000 населения)

Возраст женщин, лет	Акмолинская			Костанайская			Павлодарская			СКО		
	Все нас-е	в том числе		Все нас-е	в том числе		Все нас-е	в том числе		Все нас-е	в том числе	
		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.
15–49	75,9	81,9	70,3	53,6	56,0	49,8	66,1	63,5	73,2	53,8	50,4	57,5
15–19	18,8	16,6	20,5	17,7	16,4	19,0	17,1	16,3	18,6	16,1	13,5	17,7
20–24	136,7	153,0	123,0	104,4	112,5	94,8	123,8	120,2	131,6	98,0	91,5	103,9
25–29	157,2	175,7	140,6	115,9	123,0	104,8	139,7	136,9	147,1	115,3	106,2	126,9
30–34	128,8	127,7	130,0	75,8	72,6	82,4	103,8	95,9	133,3	100,6	73,4	168,4
35–39	75,0	77,7	72,5	48,2	49,9	45,4	67,6	63,4	80,7	49,8	43,6	57,2
40–44	21,0	23,0	19,3	13,7	14,2	13,0	18,5	17,5	21,2	13,5	11,4	15,5
45–49	1,0	1,5	0,6	0,5	0,6	0,3	0,7	0,9	0,3	0,6	0,6	0,6
СКР	2,69	2,88	2,03	1,88	1,95	1,80	2,36	2,25	2,66	1,97	1,70	2,45

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145.

Наиболее высокие суммарные коэффициенты рождаемости в городах наблюдались в возрасте 20–29 лет, в селах – 25–34 года, что характерно для всех областей региона (см. табл. 2.58, 2.59).

Таблица 2.58 СКР возрастных групп Северного Казахстана, 2021 г.

Возраст женщин, лет	Все население	в том числе	
		городское	сельское
СКР	2,22	2,20	2,23
15–19	0,09	0,08	0,09
20–24	0,58	0,60	0,57
25–29	0,66	0,68	0,65
30–34	0,51	0,46	0,64
35–39	0,30	0,30	0,32
40–49	0,09	0,08	0,09

Рассчитано по: см. табл. 2.57. С. 140–145.

Таблица 2.59 СКР возрастных групп областей Северного Казахстана, 2021 г.

Возраст	Все нас-е	В том числе		Все нас-е	В том числе		Все нас-е	В том числе		Все нас-е	В том числе	
		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.
СКР	2,69	2,88	2,03	1,88	1,95	1,80	2,36	2,25	2,66	1,97	1,70	2,45
15–19	0,09	0,08	0,10	0,09	0,08	0,10	0,09	0,08	0,09	0,08	0,07	0,09
20–24	0,68	0,77	0,62	0,52	0,56	0,47	0,62	0,60	0,66	0,49	0,46	0,52
25–29	0,79	0,88	0,70	0,58	0,62	0,52	0,70	0,68	0,74	0,58	0,53	0,63
30–34	0,64	0,64	0,65	0,38	0,36	0,41	0,52	0,48	0,67	0,50	0,37	0,84
35–39	0,38	0,39	0,36	0,24	0,25	0,23	0,34	0,32	0,40	0,25	0,22	0,29
40–49	0,11	0,12	0,10	0,07	0,07	0,07	0,10	0,09	0,11	0,07	0,06	0,08

Рассчитано по: см. табл. 2.57. С. 140–145.

Соответственно, и наибольший вклад в региональный суммарный коэффициент рождаемости вносят именно эти возрастные группы (см. табл. 2.60, 2.61). В целом, они значительно ниже, чем в других регионах Казахстана. В разрезе город и село можно увидеть дифференцированную динамику в различных возрастных группах. В возрастной группе 30–34 года существенная разница: на селе 28,7, в городе – 20,9. В более молодых возрастах 20–24 года и 25–29 лет, наоборот, в городе выше 27,3 (на селе 25,9) и 30,9 (29,1) соответственно.

В очередности рождений Северного Казахстана наиболее велик удельный вес рождений первого и второго ребенка (57,6%). Более выражено это в городах (63,5%), менее – в селах (49,5%). Явление характерно не только для самых молодых возрастов (до 25 лет). Так, в возрасте 25–29 лет удельный вес рождений первого – второго ребенка составляет 66,7% (в городах 73,1%, в селах – 55,6%) (см. табл. 2.62).

Таблица 2.60 Вклад СКР возрастных групп Северного Казахстана в СКР, 2021 г.

Возраст женщин, лет	Все население	в том числе	
		городское	сельское
СКР	100	100	100
15–19	4,1	3,6	4,0
20–24	26,1	27,3	25,9
25–29	29,7	30,9	29,1
30–34	23,0	20,9	28,7
35–39	13,5	13,6	14,3
40–49	4,1	3,6	4,0

Рассчитано по: см. табл. 2.57. С. 140–145.

Таблица 2.61 Вклад СКР возрастных групп областей Северного Казахстана в общий СКР (%)

Возраст женщин, лет	Акмолинская			Костанайская			Павлодарская			СКО		
	Все нас.	В том числе		Все нас.	В том числе		Все нас.	В том числе		Все нас.	В том числе	
		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.		Гор.	Сел.
СКР	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
15–19	3,3	2,8	4,9	4,8	4,1	5,6	3,8	3,6	3,4	4,1	4,1	3,7
20–24	25,3	26,7	30,5	27,7	28,7	26,1	26,3	26,7	24,8	24,9	27,1	21,2
25–29	29,4	30,6	34,5	30,8	31,8	28,9	29,7	30,2	27,8	29,4	26,9	25,7
30–34	23,8	22,2	32,0	20,2	18,5	22,8	22,0	21,3	25,2	25,4	18,8	34,3
35–39	14,1	13,5	12,5	12,8	12,8	12,8	14,4	14,2	15,0	12,7	11,2	11,8
40–49	4,1	4,2	3,5	3,7	3,6	3,9	4,2	4,0	4,1	3,6	3,0	3,3

Рассчитано по: см. табл. 2.57. С. 140–145.

Таблица 2.62 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Северный Казахстан, 2021 г. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первого	27,9	88,7	61,2	26,7	10,8	6,8	6,9	7,7
второго	29,7	9,6	30,3	40,0	29,2	19,9	14,2	20,6
третьего	22,1	0,5	6,0	22,2	31,7	30,4	27,3	21,8
четвертого и более	18,7	–	1,4	9,8	26,9	41,4	49,4	44,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первого	30,5	88,0	66,8	32,0	13,1	8,7	8,5	8,3
второго	33,0	10,3	27,0	42,1	34,6	25,8	19,3	19,6
третьего	21,0	0,7	4,1	18,5	30,4	31,8	30,6	21,4
четвертого и более	14,5	–	1,0	6,2	20,5	32,3	40,6	43,5

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первого	24,3	89,1	54,2	18,9	7,2	4,1	4,3	3,6
второго	25,2	9,3	34,5	36,7	20,7	12,3	8,4	16,9
третьего	23,5	0,4	8,4	27,7	33,6	28,0	23,3	33,0
четвертого и более	24,6	–	2,0	15,3	37,1	54,1	62,3	46,6

Рассчитано по: см. таблицу 2.57. С. 95–97, 116–118, 125–130.

В большей или меньшей степени данный возрастной алгоритм рождений присущ всем областям региона, в первую очередь городским женщинам Северо-Казахстанской области (удельный вес рождений четвертого и более детей здесь меньше 10%). Данные о родившихся по возрасту матери и очередности рождений в разрезе областей представлены в табл. 2.63–2.66.

Таблица 2.63 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Акмолинская область, 2021 г. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	27,1	85,7	59,1	25,7	11,4	6,7	5,2	9,1
вторыми	27,1	12,7	30,8	36,7	23,6	16,1	10,4	27,3
третьими	22,5	0,4	7,0	25,2	31,6	27,6	24,4	27,3
четвертыми и более	21,7	–	1,8	10,9	32,0	48,2	58,3	27,3
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	30,3	85,7	66,5	31,2	13,9	7,4	6,3	6,7
вторыми	28,8	12,5	26,4	38,9	27,6	21,0	14,1	33,3
третьими	21,2	0,6	4,2	20,9	31,8	30,8	26,8	26,7
четвертыми и более	18,2	–	1,5	7,2	25,2	39,2	51,3	20,0
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	23,8	85,7	51,3	19,5	8,6	5,9	4,0	14,3
вторыми	25,4	12,9	35,4	34,3	18,9	11,2	6,3	14,3
третьими	23,8	0,4	10,0	30,0	31,3	24,4	21,8	28,6
четвертыми и более	25,4	–	2,1	15,0	39,8	57,2	65,9	42,9

Рассчитано по: см. табл. 2.57. С. 95–97.

Таблица 2.64 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений, Костанайская область, 2021 г. (%).

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	28,6	88,6	61,1	27,9	10,6	7,4	7,3	8,3
вторыми	30,4	10,1	30,5	39,6	30,8	21,7	14,1	25,0
третьими	21,4	–	5,9	21,1	31,1	30,2	29,1	16,7
четвертыми и более	17,9	–	1,4	10,3	25,9	38,8	45,6	50,0
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	31,4	88,0	66,5	33,0	12,6	9,0	10,3	11,1
вторыми	32,9	10,5	27,3	41,3	36,7	26,9	16,3	22,2
третьими	20,0	–	4,2	18,1	28,6	32,0	31,3	11,1
четвертыми и более	14,3	–	0,7	6,6	20,4	30,4	39,7	55,6
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	23,8	89,0	53,2	18,6	6,8	4,6	2,5	–
вторыми	26,2	9,6	35,2	36,4	19,6	12,4	10,6	33,3
третьими	23,8	–	8,3	26,6	35,7	27,0	25,6	33,3
четвертыми и более	23,8	–	2,4	17,1	36,3	54,1	60,0	33,3

Рассчитано по: см. таблицу 2.57. С. 116–118.

Таблица 2.65 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений, Павлодарская область, 2021 г. (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	26,5	88,5	61,9	26,0	10,1	6,0	7,8	13,3
вторыми	29,1	9,6	30,1	40,6	28,2	19,0	14,4	20,0
третьими	23,1	0,8	5,6	23,0	33,1	32,0	26,7	13,3
четвертыми и более	19,7	–	1,3	9,3	27,5	41,7	48,9	40,0
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	28,0	88,2	65,7	29,2	11,8	7,2	9,7	15,4
вторыми	31,7	9,6	27,5	42,6	31,7	21,9	17,6	23,1
третьими	23,2	0,9	4,3	20,2	33,0	33,7	29,4	7,7
четвертыми и более	15,9	–	1,0	6,8	22,4	35,8	44,1	38,5

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	22,9	89,0	54,4	17,9	5,5	3,0	3,4	–
вторыми	22,9	9,5	35,1	35,6	18,9	11,9	6,8	–
третьими	22,9	0,7	8,1	29,8	33,2	27,8	20,4	50,0
четвертыми и более	28,6	–	1,8	15,5	41,1	56,0	66,7	50,0

Рассчитано по: см. таблицу 2.57. С. 125–127.

Таблица 2.66 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. Северо-Казахстанская область, 2021 (%)

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	29,2	92,0	62,6	27,2	11,1	6,9	7,5	–
вторыми	32,3	6,1	29,8	43,1	34,3	23,0	17,8	10,0
третьими	21,5	0,8	5,6	19,6	31,2	31,8	29,2	30,0
четвертыми и более	15,4	–	1,2	8,9	22,2	36,9	44,7	60,0
В городских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	32,3	90,2	68,4	34,5	14,1	11,3	7,8	–
вторыми	38,7	8,5	26,8	45,7	42,6	33,3	29,1	–
третьими	19,4	1,2	3,5	14,9	28,3	30,7	34,9	40,0
четвертыми и более	9,7	–	0,6	4,3	13,9	23,6	27,2	60,0
В сельских поселениях	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	26,5	92,8	57,9	19,5	7,8	3,0	7,3	–
вторыми	26,5	5,0	32,3	40,4	25,3	13,8	10,0	20,0
третьими	23,5	0,6	7,2	24,5	34,4	32,7	25,3	20,0
четвертыми и более	20,6	–	1,7	13,7	31,2	48,9	56,7	60,0

Рассчитано по: см. таблицу 2.57. С. 128–130.

Увеличение среднего возраста матерей при рождении детей объясняется не только тем, что четвертые и последующие дети рождаются в старших возрастных группах, но и тенденцией к более позднему рождению первенца (см. табл. 2.67). Таким образом, на динамику среднего возраста матерей одновременно влияют два фактора: сохранение многодетности и сдвиг репродуктивного начала к более поздним возрастам.

Таблица 2.67 Средний возраст матерей при рождении (1999–2021).
Северный Казахстан, лет

	1999	2010	2015	2021
Северный Казахстан	25,5	27,3	28,1	29,6
город	25,5	27,4	28,3	29,8
село	25,6	27,1	27,9	29,3
Акмолинская область	25,7	27,3	28,1	29,6
город	25,7	27,4	28,3	29,7
село	25,6	27,2	28,3	29,5
Костанайская область	25,4	27,3	28,0	29,4
город	25,2	27,5	28,2	29,7
село	25,6	27,2	27,7	29,9
Павлодарская область	25,7	27,6	28,4	29,9
город	25,7	27,4	28,5	30,0
село	25,8	27,3	27,9	29,5
СКО	25,4	27,1	27,9	29,5
город	25,5	27,3	28,2	29,7
село	25,3	26,8	27,7	29,3

Рассчитано по: см. таблицу 2.57. С. 140–145.

Таким образом, особенностью Северного региона Казахстана является то, что на демографические показатели, в первую очередь показатели рождаемости, существенное влияние оказывает этнический состав населения. В регионе, в сравнении с другими областями РК, высок удельный вес русских, украинцев, поляков и представителей других «европейских» этнических групп. Во многом вследствие этого суммарный коэффициент рождаемости в областях Северного Казахстана в 1,97 раза ниже, чем в Южном Казахстане (2,22 и 4,38 соответственно).

Алматы. По данным переписи населения 1989 г. большинством населения г. Алма-Аты были русские (59,1%). Казахи составляли лишь 22,5% населения города. В суверенный период (переписи населения 1989–2021 гг.) ситуация кардинально изменилась. Большую роль в этом сыграла внутренняя миграция, этот город республиканского значения и после переноса столицы остается ареалом миграционного притяжения населения со всего Казахстана. Численность казахов увеличилась в 5,1 раза (252,1 тысяч в 1989 г., 1286,2 тысяч в 2021 г.), русских стало меньше в 1,6 раза (663,3 тысяч в 1989 г., 415,7 тысяч в 2021 г.). Удельный вес казахов в составе населения в 2021 г. составил 63,3%, русских – 20,5% (см. табл. 2.68).

Но, несмотря на изменения этнического состава населения Алматы, возрастные коэффициенты рождаемости и суммарный коэффициент рождаемости претерпели лишь незначительные изменения. Так, в период 2010–2021 гг. суммарный коэффициент рождаемости увеличился всего на 11,2%. Наибольшая динамика наблюдалась в возрастной группе 20–24 года, где возрастные коэффициенты рождаемости выросли на 54,3%.

Таблица 2.68 Численность и этнический состав г. Алматы по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Численность	Удельный вес (%)
все население	2030,3	100
казахи	1286,2	63,3
русские	415,7	20,5
другие этносы	328,4	16,2

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Нац. переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 12–19.

Таблица 2.69 Возрастные коэффициенты рождаемости, СКР г. Алматы в 2010–2021 гг.

Возраст женщин, лет	2010	2015	2021
15–49	56,8	60,6	64,8
15–19	14,0	12,9	11,5
20–24	66,1	71,1	102,0
25–29	115,9	101,4	116,8
30–34	90,1	92,7	83,7
35–39	56,5	57,4	62,0
40–44	14,7	16,6	19,5
45–49	1,4	1,8	2,2
СКР	1,79	1,77	1,99

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.70 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, СКР г. Алматы в 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021	2010–2015	2015–2021
15–49	114,1	106,7	106,9
15–19	82,1	92,1	89,1
20–24	154,3	107,6	143,4
25–29	100,8	87,5	115,2
30–34	92,9	102,9	90,3
35–39	109,7	101,6	108,0
40–44	132,6	112,6	117,5
45–49	157,1	128,6	122,2
СКР	111,2	98,9	112,4

Рассчитано по: см. табл. 2.69

Суммарные коэффициенты рождаемости возрастных групп невелики, при этом основная масса рождений приходится на возраст до 30 лет (58,3%) (см. табл. 2.71).

В возрастной очередности рождений явное преимущество рождений первого ребенка (42,7%). Причем это преимущество наблюдается даже у 30–34-летних женщин (см. табл. 2.72).

Таблица 2.71 СКР возрастных групп; вклад СКР возрастных групп в СКР г. Алматы, 2021 г.

Возраст женщин, лет	СКР возрастных групп	Вклад СКР возрастных групп в СКР Алматы (%)
СКР	1,99	100
15–19	0,06	3,0
20–24	0,5	25,1
25–29	0,6	30,2
30–34	0,4	20,1
35–39	0,3	15,1
40–49	0,1	5,5

Рассчитано по: см. табл. 2.69

Таблица 2.72 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. г. Алматы, 2021 г. (%)

Возраст женщин, лет	всего	в том числе			
		первыми	вторыми	третьими	четвертыми и более
15–49	100	42,7	24,0	17,2	14,5
15–19	100	91,3	6,7	-	-
20–24	100	71,4	22,0	4,1	1,0
25–29	100	48,2	29,9	14,7	5,7
30–34	100	31,3	24,3	24,1	18,9
35–39	100	24,7	17,8	22,9	33,0
40–44	100	22,8	15,1	20,6	39,5
45–49	100	39,0	17,9	17,9	24,4

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 138.

Увеличение среднего возраста матерей при рождении в значительной мере связано с переносом рождения первенцев в более старшие возрастные группы. Этот показатель выше, чем в регионах Казахстана или других городах республиканского значения (см. табл. 2.73). Жизнь в мегаполисе, получение образования, этнический состав и другие факторы в совокупности влияют на увеличение среднего возраста матерей.

Таблица 2.73 Средний возраст матерей при рождении (1999–2021), г. Алматы, лет

Годы	Средний возраст матерей при рождении
1999	27,2
2010	28,8
2015	29,5
2021	30,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Астана. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж.Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Особенностью Алматы является то, что несмотря на кардинальные изменения этнического состава населения в суверенный период, показатели рождаемости увеличились незначительно. Эффект «этнического замещения» ощущается незначительно. Во многом это объясняется тем, что здесь достаточно давно присутствует городское казахское население во втором-третьем поколении, демографическое поведение которых отражает модернизированные условия жизни.

Астана. Наиболее существенные изменения численности и этнического состава в суверенный период произошли в г. Астана. В 1989–2021 гг. численность населения города увеличилась в 4,4 раза (281,3 тыс. человек в 1989 г. и 1234,0 тыс. человек в 2021 г.). При этом казахов стало больше в 20,2 раза (49,8 тыс. в 1989 г. и 1004,4 тыс. в 2021 г.), русских – в 1,4 раза меньше (172,1 тыс. в 1989 г. и 118,4 тыс. в 2021 г.). И если в конце советского периода истории удельный вес казахов в составе населения города составлял 17,7%, то в 2021 г. – 81,4%. Русских, соответственно, 54,1% и 9,6%. Фактически, в суверенный период появился новый город (см. табл. 2.74).

Таблица 2.74 Численность и этнический состав населения г. Астаны по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Численность	Удельный вес (%)
все население	1234,0	100
казахи	1004,4	81,4
русские	118,4	9,6
другие этносы	111,2	9,0

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 12–19.

В связи с получением столичного статуса и обретением соответствующих преференций, состав населения города формировался на миграционной основе. В результате здесь концентрируется все многообразие казахстанских репродуктивных установок, что придает мегаполису некую демографическую специфику. Так, в Астане иная структура рождаемости, чем в другом казахстанском мегаполисе – Алматы. В основном разница проявляется в самых активных возрастных группах репродуктивного возраста – 20–39 лет. В Астане динамика показателей ВКР выше, особенно в возрасте старше 25 лет. Суммарный коэффициент рождаемости в Астане в 2021 г. в 1,5 раза выше, чем в Алматы (см. табл. 2.75, 2.76).

Наибольший вклад в общий суммарный коэффициент рождаемости вносит молодая возрастная группа от 25 до 29 лет (33,4 %), причем по пятилетним возрастным группам вклад различается на десять-тринадцать процентных пункта. Следующая возрастная группа 30–34 года также вносит заметный вклад, ее значение находится на уровне 23,4%. Вклад других возрастных групп не так значителен (см. табл. 2.77). Косвенно это отражает миграцию молодой, репродуктивно активного возраста, части населения, переезжающей в столицу.

Таблица 2.75 Возрастные коэффициенты рождаемости, СКР (2010–2021), г. Астана

Возраст женщин, лет	2010	2015	2021
15–49	78,2	102,2	96,8
15–19	22,7	23,0	12,8
20–24	109,1	162,4	128,2
25–29	142,5	170,2	200,3
30–34	105,6	128,3	137,4
35–39	62,3	80,0	89,9
40–44	16,1	22,5	25,9
45–49	0,7	1,3	3,3
СКР	2,29	2,94	2,99

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. – С. 175–182; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 115–120.

Таблица 2.76 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости, СКР. г. Астана, 2010–2021 гг. (%)

Возраст женщин, лет	2010–2021	2010–2015	2015–2021
15–49	123,8	130,7	94,7
15–19	56,4	101,3	55,6
20–24	117,5	148,8	78,4
25–29	140,6	119,4	117,7
30–34	130,1	121,5	107,1
35–39	144,3	128,4	112,4
40–44	160,6	139,7	115,1
45–49	471,4	185,7	253,8
СКР	130,6	128,4	101,7

Рассчитано по: см. таблицу 2.75

Таблица 2.77 СКР возрастных групп. Вклад СКР возрастных групп в СКР г. Астаны, 2021 г.

Возраст женщин, лет	СКР возрастных групп	Вклад СКР возрастных групп в СКР Астаны (%)
СКР	2,99	100
15–19	0,06	2,0
20–24	0,6	20,1
25–29	1,0	33,4
30–34	0,7	23,4
35–39	0,4	13,4
40–49	0,1	0,6

Рассчитано по: см. таблицу 2.75

В возрастной очередности рождений преобладают рождения первого и второго ребенка (57,7 %). Данный перевес обеспечивает возрастная группа 15–29 лет. В возрасте старше 30 лет удельный вес рождений третьего и более детей преобладает над удельными весами рождениями первого – второго ребенка (см. табл. 2.78).

Таблица 2.78 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений, 2021 (%)

Возраст женщин, лет	всего	в том числе			
		первыми	вторыми	третьими	четвертыми и более
15–49	100	29,3	27,7	22,3	19,7
15–19	100	90,6	6,8	-	-
20–24	100	64,4	27,5	5,9	1,1
25–29	100	34,2	26,5	19,6	8,9
30–34	100	14,7	25,6	31,6	26,6
35–39	100	10,8	17,0	28,2	42,2
40–44	100	12,0	15,2	23,1	48,3
45–49	100	32,4	20,0	23,8	20,0

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 137.

В результате средний возраст матерей при рождении увеличивается под влиянием двух факторов. С одной стороны, это более поздние роды первого ребенка, с другой – значительное количество рождений третьего и последующих детей, происходящих в старших возрастных группах (см. табл. 2.79). Такое сочетание является следствием также миграционного фактора формирования городского населения, вносящего в него разнообразие репродуктивных установок. Наиболее ярко это проявляется в мегаполисах особенно в столице страны.

Таблица 2.80 Средний возраст матерей при рождении, 2021 г.

Годы	Средний возраст матерей при рождении
1999	26,7
2010	28,0
2015	28,9
2021	30,3

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. 2008. С. 292; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н. С. Айдапкелов. Астана. 2017. С.183; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 146.

Таким образом, демографические показатели Астаны, вследствие активного миграционного притока населения, прежде всего казахского, являются симбиозом демографических установок Казахстана в целом. Городская специфика демографического поведения еще не сложилась.

Шымкент. В этническом составе Шымкента⁸² преобладают казахи (70,3%). Удельный вес русских невелик – 6,6%, среди других этносов преобладают узбеки, рождаемость которых традиционно высока. В целом, несмотря на статус города республиканского значения, показатели рождаемости Шымкента в основном отражают демографические особенности южно-казахстанского региона (таблица 2.80).

Таблица 2.80 Численность и этнический состав г. Шымкента по данным переписи населения 2021 г., тыс. человек

Этносы	Численность	Удельный вес (%)
все население	1112,5	100
казахи	782,2	70,3
русские	73,4	6,6
другие этносы	256,9	23,1

Рассчитано по: Краткие итоги. Итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК. Бюро национальной статистики. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 12–19.

Вследствие этого возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости близки к южно-казахстанским реалиям. Так, коэффициенты рождаемости очень высоки в возрасте 20–29 лет, именно они во многом определяют суммарный коэффициент рождаемости города (4,06 в 2021 г.). Вклад в суммарный коэффициент рождаемости этих возрастных групп составляет 59,6% (см. табл. 2.81, 2.82).

Таблица 2.81 Возрастные коэффициенты рождаемости. г. Шымкент, 2021 г. (на 1000 населения)

Возраст женщин, лет	ВКР
15–49	128,0
15–19	28,0
20–24	228,5
25–29	256,8
30–34	160,9
35–39	109,0
40–44	28,2
45–49	1,5
СКР	4,06

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 141.

В возрастной структуре рождений Шымкента преобладает рождение четвертого и более детей (33,5%). В возрасте 25–29 лет 56,4% женщин имели

⁸² Данные по г. Шымкенту представлены за 2021 г. В 2010–2015 гг. данные по Шымкенту учитывались в составе Южного Казахстана.

трех и более детей. В возрасте до 25 лет 87,3% женщин уже имели двух детей (см. табл. 2.83). Безусловно, это очень высокие показатели.

Таблица 2.82 СКР возрастных групп. Вклад СКР возрастных групп в СКР г. Шымкента, 2021

Возраст женщин, лет	СКР возрастных групп	Вклад СКР возрастных групп в СКР Шымкента (%)
СКР	4,06	100
15–19	0,14	3,4
20–24	1,14	28,1
25–29	1,28	31,5
30–34	0,80	19,7
35–39	0,55	13,5
40–44	0,14	3,4
45–49	0,01	0,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 141.

Таблица 2.83 Родившиеся по возрасту матери и очередности рождений. г. Шымкент, 2021 (%).

Очередность рождений	Возраст рождений (15–49 лет)	в том числе						
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Всего рождений	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе первыми	23,7	86,7	52,8	16,2	6,0	4,0	6,3	7,9
вторыми	21,5	11,9	34,5	26,9	10,9	7,1	7,4	13,2
третьими	20,6	0,2	10,1	32,5	24,0	14,2	11,6	13,2
четвертыми и более	33,5	–	1,9	23,9	58,4	73,9	74,0	63,2

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан. 2022. С. 139.

Собранный в ходе исследования социологический материал по регионам, основанный на основе интервью казахских женщин, подтверждает статистические данные⁸³. Разработанный социальный портрет женщины Южного региона представляет многодетную женщину в браке, создавшую семью и ставшую матерью в раннем или среднем возрасте и считающую, что оптимальное число детей для городской казахской семьи – четыре-пять.

⁸³ Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г. А., Столярова Э. О., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек. Аналитический отчет. Усть-Каменогорск: Издательство «Медиа-Альянс», 2023. 185 с.

Средний возраст матерей при рождении составил в 2021 г. 28,7 лет, что в основном связано с распространением в городе многодетных семей.⁸⁴

Особенностью Шымкента, несмотря на его республиканский статус, является то, что демографическое состояние города определяется реалиями Южного Казахстана, в первую очередь Туркестанской области. Демографическая специфика города-миллионника находится в стадии становления.

Таким образом, у казахстанских мегаполисов несколько разные сценарии демографического развития. Астана – намного более «миграционный» город. «Автохтонный демографический стержень», функционирующий по городским правилам, только складывается. В Алматы, несмотря на миграционный прирост, этот стержень уже сложился и во многом определяет процессы рождаемости. Шымкент пока в значительной мере отражает особенности демографического развития сельского населения Южного Казахстана.

⁸⁴ Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Гл. ред. Шаймарданов Ж.Н. Нур-Султан. 2022. С. 146.

3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ ПОКОЛЕНИЙ 1950–1960-х, 1970–1980-х и 2000-х ГОДОВ РОЖДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТАХ

3.1 Методологические основы анамнестического социологического исследования

Анализ анамнестических и социологических данных является значимым элементом исследования для изучения особенностей поколенческой социализации представителей казахского этноса, рожденных и социализировавшихся во второй половине XX и первой четверти XXI века. Именно с этими периодами связано появление новых возможностей социальной модернизации, выразившихся в улучшение социально-бытовых условий, доступе к социальным лифтам профессионального образования и экономической самореализации в том числе в городской среде.

Поэтому так важно охарактеризовать состояние формальных институтов, призванных обеспечить условия социализации детей (образование, здравоохранение, система социального обеспечения) в разные периоды исторического времени, сохраненное и отраженное в воспоминаниях представителей разных поколений.

В начале XXI века поколения 1950–1980 годов рождения постепенно входят в фазу старения и их роль в активной социальной жизни страны снижается, но именно эти люди сформировали и продолжают влиять на базовые ценностные установки, характерные для казахстанского социума.

Поколение демографического взрыва 2000-х гг., формируется в новых политических, социально-экономических и социокультурных условиях, но под влиянием предшествующих поколений. Актуальными становятся оценка и прогноз последствий этого взрыва, анализ общесоциальных последствий этих демографических событий, опыт реализации полученных в прошлом социально-демографических дивидендов.

В рамках реализации проекта «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и образования РК (AP19676895) было проведено двухэтапное анамнестическое и социологическое исследование «Социокультурные условия социализации казахов разных поколений в контексте демографических событий».

Исследование было сфокусировано на нескольких объектах:

- Условия ранней социализации представителей поколения казахов, рожденных в 1950–1960-е гг. и 1970–1980-е гг. и актуализированный ими в течение жизни социальный потенциал на примере репродуктивного поведения и социально-экономической самореализации

- Процессы передачи и/или модернизации социокультурных установок (место и роль образования, владения языками, сохранение традиций и обычаев

или изменения повседневных практик, социальная мобильность, возможности использования социальных лифтов и др.);

- Условия ранней социализации представителей поколения казахов, рожденных в 2000-х годах, их семейно-брачные и репродуктивные установки, а также социокультурные и профессиональные ориентиры;

- Социальная динамика базовых институтов, определяющих качество человеческого капитала (образование, здравоохранение) на протяжении трех поколений.

Одним из важных результатов исследования стало конструирование на основе собранных и проанализированных материалов социокультурных портретов представителей трех поколений казахов: 1950–1960-х гг., 1970–1980-х гг. и 2000-х гг. рождения и их сопоставление.

Социокультурный портрет – инструментальный метод репрезентации жизни поколений, включающий описание и оценку социальных изменений с использованием специально разработанного анамнестического инструментария.

Методологической основой социокультурного портрета является антропосоциетальный подход. С позиций этого подхода каждое поколение рассматривается как сообщество, состоящее из социальных акторов – представителей рассматриваемых поколений, реализовавших определенные социокультурные установки и мотивировавшее характерное социодемографическое и социально-экономическое поведение, сформировавшее особую социальную среду. В рамках такого подхода рассматриваются проблемы социальных эволюций, раскрытия и реализации человеческого потенциала, уровня и качества жизни, социальной стратификации и мобильности населения.

В реализуемом проекте важное значение придается следующим понятиям – социокультурные установки, ценности и системы ценностей, социальные практики,

Социокультурные установки – это система оценок внешнего мира и самооценок личности, система социальных координат, с помощью которых личность определяет чужие и собственные действия, присваивает им значения (ретроспективный вектор) и выбирает поведение на будущее (перспективный вектор). Социокультурные установки формируются в процессе социализации и трансформируются в процессе ресоциализации, то есть социокультурные установки обладают как определенной устойчивостью, так и изменчивостью под влиянием нового опыта.

Одним из важнейших факторов такого опыта выступают демографические события, свидетелем или непосредственным участником которых становится личность – рождения и смерти в семье, в кругу родственников, близких людей и знакомых или информация, полученная из СМИ и других источников. К числу таких значимых демографических событий относятся и миграционные процессы, в первую очередь – урбанизация в различных ее проявлениях.

Основой и источником социокультурных установок выступает *система ценностей* личности и/или определенной социальной группы. Именно ценности определяют жизненные стратегии и способы их реализации. В свою очередь, *ценности* отражают личные и общественные потребности в различных социальных условиях и ресурсах существования. К таким условиям и ресурсам, в частности, может относиться поддержание этнической целостности, определенной коммуникативной среды, системы культурных символов и т. д.

В свою очередь, существующие теоретико-методологические подходы к проблеме ценностей позволяют классифицировать их разными способами: материальные и духовные, мотивирующие и демотивирующие, истинные и ложные, «объективные» и «субъективные», этнически или гендерно обусловленные и так называемые «общечеловеческие», детерминированные исторической эпохой и «вечные». В контексте данного исследования особое значение имеет классификация ценностей, предложенная Р. Ф. Инглхарт (*Ronald Franklin Inglehart*), руководителем проекта Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*).⁸⁵

Сами по себе ценности и личностные установки являются элементами внутреннего мира человека, но они находят свое проявление в тех социальных практиках, которые реализуются в различных сферах жизнедеятельности. Таким образом исследование таких практик позволяет косвенно определить и социокультурные установки каждого из указанных поколений.

Социальные практики представляют собой устойчивые и повторяющиеся формы поведения, которые ориентированы на определенные аспекты общественной жизнедеятельности и реализуются в определенном коммуникативном поле. Проще говоря, социальная практика – это набор и комплекс действий, вошедших в привычку и применяемый (часто не осознаваемо субъектом такой практики) для решения повседневных задач. Социальные практики передаются в процессе социализации и/или формируются на основе личного опыта в типичных, повторяющихся ситуациях. Социальные практики тесно связаны с представлением личности о социальной норме. По причине своего автоматизма и частого отсутствия рефлексии по поводу их глубинного смысла и содержания, социальные практики могут приходить в противоречие с более четко формулируемой системой социальных ориентиров (ценностей). Например, следование традиционным социальным практикам может противоречить декларируемому курсу на модернизацию. Или, напротив, осознанное стремление сохранить традиции может противоречить повседневно используемым модернизированным практикам. Социальные практики возникают и развиваются во всех сферах жизнедеятельности общества, поэтому можно говорить об экономических социальных практиках – трудовых,

⁸⁵ Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]. М: Мысль, 2018. 347 с.

потребительских и т. д., – семейных, религиозных, образовательных, репродуктивных. Социальные практики выступают внешним проявлением внутренних установок личности и группы, поэтому их состояние и динамика служат достаточно надежным индикатором социальных изменений.

Так как речь идет о событиях, во-первых, отстоящих от современности во времени (иногда на несколько десятилетий), во-вторых, сохранившихся в форме воспоминаний о детстве людей как молодого, так и зрелого или старшего возраста, в исследовании используется анамнестический метод, который позволяет получить субъективные воспоминания отдельной личности. Однако, применение опросного метода (полуформализованного глубинного интервью) и последующие сопоставление ответов определенного числа респондентов придает исследованию социологический характер.

Полуформализованные глубинные интервью представляют собой интенсивный диалог между респондентом и интервьюером, основу которого составляет заранее составленный перечень тематических вопросов. Ответы на эти вопросы должны позволить собрать материал, необходимый для решения исследовательских задач. Преимуществом этого метода является возможность сфокусировать внимание респондента на конкретных событиях его жизни и получить сопоставимые данные, что облегчит дальнейший анализ и обобщение социологической информацией. Однако, это преимущество может обернуться недостатком, так как наводящие вопросы вынуждают респондента говорить о том, что находится на периферии его воспоминаний. Таким образом, возникает искусственно созданная картина мировосприятия, «подогнанная» исследователями под свои цели. Решить эту проблему можно, если дополнить исследование методом нарративного интервью. Суть этого метода заключается в постановке общего вопроса по типу «Ваши воспоминания о детстве», «Ваши воспоминания о месте проживания», «Ваши воспоминания о школе» и т. д. Материалы, полученные таким способом, позволяют судить о том, как прошлое отразилось и закрепилось в сознании поколения. Сопоставление этих данных с реальной исторической и статистической фактологией позволяет увидеть особенности мышления, характерные для разных поколений.

Авторы предполагают, что комбинирование методов и/или использование их гибридных вариантов позволяет с большей точностью и достоверностью исследовать сложные и многоаспектные социальные процессы. Тем самым создаются возможности для достижения необходимо результата – создания социокультурных портретов трех изучаемых поколений.

Для анализа собранного материала также использован комплексный методологический подход, основой которого является уже названное ранее всемирное исследование ценностей Р. Инглхarta. В своих работах⁸⁶ этот социолог рассматривает эволюцию ценностей, которая происходит в процессе

⁸⁶ Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]. М: Мысль, 2018. 347 с.

и по мере перехода обществ к состоянию постмодерна. Результатом этих исследований стала карта культурного состояния мира, где страны расположены в системе двух координат: по оси *X* – Ценности выживания – Ценности самовыражения, по оси *Y* – Традиционные ценности – Светские ценности. Основной методологической тезис заключается в том, что чем выше уровень безопасности и социального комфорта, который ощущается людьми на повседневном бытовом уровне, тем в большей степени в обществе ценятся свобода, открытость, доверие, разнообразие, толерантность, демократия и другие социальные параметры, способствующие эффективному раскрытию и росту человеческого капитала. Напротив, в состоянии нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, нарастания апокалиптических настроений значительно возрастает проявление «социальных атактизм» – внутригрупповой солидарности, противостоящей враждебному внешнему миру, стремлению к авторитарным формам управления на макро и микро социальном уровнях, нетерпимость к инакомыслию, ксенофобия и т.д.

В процессе сбора и анализа данных было использовано не точное воспроизведение методики Р. Инглхарта (в этом нет смысла – Казахстан участвует во Всемирном исследовании ценностей и результаты широко доступны), а именно методологический подход, который позволяет оценить, в каких социокультурных условиях протекал первый демографический взрыв у казахов (1950–1960-е годы) и носителями ценностей какого типа стали поколения, рожденные в эти и последующее десятилетия (1970–1980-е годы), а также поколения 2000-х годов – периода, который статистика позволяет определить, как второй демографический взрыв в истории казахского этноса. Высокие показатели рождаемости сохраняются и в 2010-х, и в начале 2020-х годов. Но, так как родившиеся в это время еще не достигли совершеннолетия и находятся на стадии ранней социализации, то исследовать их социокультурные установки и ценности видится преждевременным.

Для систематизации данных вопросы сгруппированы по следующим тематическим направлениям: условия, в которых проходила ранняя социализация респондентов (состав семьи, место рождения и т.д.), жилищно-бытовые условия, в которых происходило взросление, воспоминания о доступности и качестве медицинских услуг, уровень развития культурно-бытовой инфраструктуры в населенном пункте, доступность, качество, содержание образовательных услуг и профессионального образования, отношения в расширенной семье (родственники) и статус традиций как элемента воспитания, роль религии в родительской семье, сохранившиеся воспоминания о государственной поддержке семьи и родных, а также эмоциональное восприятие государства на основе информации, полученной в детстве и в более поздние годы, воспроизводство репродуктивных стратегий предыдущих поколений или отказ от них, отражение общих тенденций урбанизации в судьбах респондентов и их окружения.

На первом этапе исследования были собраны воспоминания казахов, родившихся во второй половине XX века, на втором этапе респондентами

стали представители поколения казахов 2000-х гг. рождения, то есть молодежь, родившаяся в XXI веке и уже достигшая совершеннолетия, что позволило авторам, проводя интервью, соблюсти нормы научной этики.

Собранные материалы структурированы в соответствии с тематическими блоками, отраженными в инструментарии (гайде интервью) и логикой социализирующих процессов – первый раздел посвящен внутренним факторам социализации, второй раздел – внешним факторам. Под внутренними факторами авторы понимают семейные формы и отношения, в которых пошло детство и юношество респондентов. Внешние факторы – это материально-бытовая среда и доступность респондентам базовых социальных услуг (медицина и образование) в период их взросления. Такой подход обеспечивает, во-первых, сопоставимость результатов с данными, полученными на первом этапе, во-вторых, расширяет исследовательские методы и позволяет выйти на уровень обобщения и сравнения условий, в которых формировались разные поколения казахов.

Еще один методологический подход основан на теориях поколений.⁸⁷ По мнению Карла Мангейма, основным механизмом социальной стабильности выступает передача опыта от поколения к поколению в первую очередь внутри семьи, а основными механизмами социальной модернизации – оценка и переоценка поколениями детей соответствия этого опыта новым условиям жизни.

Сохранения общих предметно-тематических подходов, отраженных в социологическом инструментарии, дает возможность сопоставления результатов. Одновременно с этим есть ряд изменений в структурировании аналитического материала. Так как одной из важнейших целей научного проекта «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития» является определение социально-демографических перспектив поколения второго демографического взрыва у казахов и потенциальных возможностей его социально-экономической самореализации, основной акцент сделан на внутренних и внешних условиях социализации казахской молодежи, рожденной в XXI веке в рамках данной монографии. Выступая на IV Национальном курултае, Президент РК К. К. Токаев сказал: «Нам нужны долгосрочные цели, четкий образ будущего, потому что правильное целеполагание – это основа основ любого успеха».⁸⁸ Новое поколение – это те акторы, которым предстоит реализовывать эти цели.

Глава состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен анализу условий социализации двух поколений XX века – тех, чье формирование

⁸⁷ Теория поколений Карла Мангейма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.70a03f09-68903318-de9f5e7a-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Theory_of_generations. Дата обращения 07.04.25

⁸⁸ Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на четвертом заседании Национального курултая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-142359> Дата обращения: 08.04.25

происходило полностью или частично в сходных социально-экономических и культурно-идеологических условиях СССР. Второй раздел – это анализ условий социализации поколения казахов, родившихся и социализировавшихся в XXI веке в суверенном Казахстане, в новых социально-экономических реалиях и новом цивилизационном контексте. В итоговый третий раздел вошли социокультурные портреты поколений и сопоставительный анализ, выявляющий поколенческую социальную динамику.

Настоящее исследование является вкладом авторов в понимание того, как происходило формирование социально-демографических и социально-экономических установок казахской молодежи, каким образовательным и социокультурным потенциалом они обладают, в какой степени наследуют традиции старших поколений и/или модернизируются и адаптируются к современным вызовам. Именно их видение вектора развития Казахстана, их цивилизационный выбор определит, какой станет страна в ближайшие десятилетия.

3.2 Поколения казахов 1950–1960-х и 1970–1980-х годов рождения: общие характеристики условий социализации

Внутренние факторы социализации

Условия ранней социализации. Подавляющее большинство респондентов родилось в сельской местности: в селах, колхозах, совхозах, поселках, районных центрах. Практически все проживали в полных семьях, у родителей был зарегистрированный брак, как правило, единственный. Большинство респондентов из многодетных семей, особенно возрастная когорта 1950–1950-х гг. рождения. Часть респондентов проживало в 3-х поколенных семьях (братья-сестры, родители, бабушки-дедушки, иногда и другие родственники).

Практически все помнят смерть близкого родственника в детстве. Многие указывают на факты детской или младенческой смертности, которые случались в семье родителей (иногда, и в семьях самих респондентов): «Умер отец», «умерли сестра, брат, собственный ребенок», «умерли отец, бабушка и дедушка», «умерли мать, потом отец» и пр. Как правило, в случае смерти матери (отца), ребенок воспитывался в семье близких родственников: «До 11 лет проживал с родителями. После смерти отца с 11 лет проживал с матерью, дедушкой и бабушкой со стороны матери», «После смерти матери воспитывалась у первой жены своего отца», «Воспитывался у дяди со стороны отца до 4 класса. Потом жил в родной семье».

Часть респондентов с рождения проживали в семьях бабушек, дедушек и лишь позже, в школьном возрасте, были отданы родителям: «До школы проживала с бабушкой и дедушкой. Со школы – с родителями», «С рождения проживала с бабушкой, с 10 до 17 лет – с родителями».

Из ответов респондентов о детстве, которое пришлось на 1950–1960-е годы, можно констатировать следующее. Основное пространство расселения казахов в указанный период – сельская местность. Был распространен

традиционный тип семьи и многодетность. Достаточно часто в ответах встречается упоминание о смерти близких родственников: бабушек, дедушек, матерей, отцов, сестер, братьев, собственных детей. Это вариант традиционного типа воспроизводства: высокая смертность и высокая рождаемость.

В сравнении с предыдущим поколением (1950–60-е годы) заметно увеличивается число родившихся в городах или пригородных поселках, в таких семьях отмечаются признаки перехода к городским стандартам рождаемости – число детей сокращается до 2–4: *«У мамы и папы было по 6–8 братьев-сестер в семьях, а в нашем поколении уже стало меньше детей»* (Актау), *«Родители отмечали, что в 1950–60 годы было много детей потому, что «правительство помогало»* (Актобе). Сохраняются и многодетные семьи – более четырех детей, в некоторых случаях до 10–13: *«В семье 10 детей, респондентка - шестой ребенок (8 девочек, 2 мальчика)»*. Характерный признак сохранения традиционных установок – ценность сыновей выше, ценности дочерей: зачастую, матери рожали 6–8–10 девочек, пока на свет не появлялся «наследник». Примеры такой ситуации: в семье четверо детей, из них три старшие девочки и последний мальчик; трое детей, из них две старшие сестры и младший брат, в семье одиннадцать детей – 10 дочерей и последний – сын. Такая ориентированность на пол ребенка – один из важных факторов поддержания традиции многодетности, хотя напрямую респондентами это не озвучивается. По мнению, высказанному одним из респондентов (г. Петропавловск), *«число детей зависело от социального статуса, чем он выше, тем меньше, и от поколения. У поколения, которые были старше моей мамы, детей было больше»*.

Во всех случаях родители респондентов на момент рождения детей состояли в браке, но, в отличие от предыдущего поколения, встречаются упоминания последующих разводов. Это еще не стало распространенной социальной практикой, но уже и не является чем-то из ряда вон выходящим. Некоторыми участниками опроса отмечается, что в их доме на правах членов семьи проживали родственники. Обычно, это были двоюродные братья или сестры респондентов. Причины этого явления: трагедии в семьях близких – *«у отца погиб брат, двое его детей росли с нами»*, либо приезд на учебу в город из сельской местности.

Еще одно важное отличие от традиционной семьи – ее структура часто носит нуклеарный (двух поколенный) характер. Хотя, в некоторых случаях это связано с тем, что респонденты являются младшими детьми и дедушки/бабушки умирали до их рождения. Упоминаний о детской смертности практически нет (еще одно отличие от поколения 1950–60 годов). Исключение: в семье было рождено 13 детей, трое умерли – респондент остался десятым (младшим) ребенком. Косвенно такое отсутствие упоминаний о фактах детской смертности может свидетельствовать о более высоких стандартах медицинского обслуживания, что получает подтверждение в ответах о доступности и качестве медицинских услуг. В

целом, дети становятся более дистанцированными от вопроса смерти, с первыми случаями в семье многие респонденты сталкивались, уже достигнув совершеннолетия, став взрослыми и даже создав собственные семьи. Типичные ответы: *«В детстве смерти близких не остались в памяти, не помню этого, родители сами ездили на похороны, детей с собой не брали», «В школьные годы (респондентки) умерла бабушка по отцу, но это не оказало сильного воздействия – бабушка жила отдельно», «В детские годы помню, что умерли бабушка/дедушка, но они жили далеко и не могу сказать, что это на меня это сильно повлияло».* Такие ответы еще раз подтверждают постепенную смену многопоколенной структуры семьи на нуклеарную.

Отношение к многодетным семьям и репродуктивные стратегии.

В послевоенные годы многодетность в казахском социуме не воспринималась как отдельное явление, скорее, как распространенный и позитивный вариант нормы: *«У односельчан в среднем 3–5 детей. Многодетных не выделяли, отношение к ним было», «У соседей и родственников в среднем было средним 5–7 детей», «У односельчан в среднем 5–6 детей. У соседки было 11 детей»* и т. д.

В то же время в ответах респондентов можно заметить разные смысловые оттенки:

1. При общем положительном отношении не всякая многодетность была основанием для особого уважения – *«Многодетными родителями восхищались, если им удавалось дать образование своим детям»;*

2. В некоторых случаях многодетность становилась синонимом выраженного материального неблагополучия и даже сравнивалась с сиротством: *«В школе многодетным и сиротам давали вещи, одежду. Некоторые стыдились этого и отказывались от такой помощи, плакали. Обычно, зимнюю одежду выдавали», «Помню, я ходила в осеннем пальто и резиновых сапогах. А классная руководительница это увидела и от школы мне купили пальто (правда, оно было для мальчиков), папа подшил мне валенки, шапка тоже была мальчишья. Все смеялись, но мне было все равно – главное, тепло!!!»* (в семье респондентки было десять детей).

Интересно, что в этот период многодетность не рассматривалась как отличительная черта казахов: *«у одних родственников – 12 детей было, у других – 4 детей. У односельчан было много детей. У одних соседей (Романовы) – 12 детей, (Баженовы) – 4 детей. К многодетным относились с уважением», «Было много детей не только у казахов, но и у немцев. И относились к этим семьям все очень хорошо, возможно играло и время – послевоенная эпоха», «Многодетных семей было много, это не было чем-то особенным. Это было характерно для многих этносов – русских, татар».*

По-видимому, логическая связка: «мы – казахи, поэтому у нас много детей» сформируется только тогда, когда начнется достаточно массовая урбанизация казахского населения. Явное отличие традиционных сельских репродуктивных установок и модернизированного городского репродуктивного поведения наложится на не менее явные этнические

различия между населением сельского и городского пространства и в общественном сознании возникнет объяснение: мы многодетные не потому, что сельские, а потому, что казахи. Такой вариант будет как отвечать запросу на этническое самоопределение, так и целям государственной демографической политики суверенного Казахстана.

В 1970–1980 годы в казахской среде (о чем свидетельствуют материалы интервью) сохраняются традиции многодетности, но они перестают быть обязательными: *«В казахских семьях обычно было минимум трое детей. У соседей было четверо, пятеро, трое, двое – по-разному», «В среднем в других семьях было 3–4 ребенка, не помню, чтобы у тех, кто жил с нами, рядом был один ребенок или больше шести детей», «Семьи соседей были разные, от двух до восьми детей», «У соседей в среднем 3–4 ребенка (минимум), а максимум – 9 детей было», «У соседей в среднем 3–4 ребенка (минимум), а максимум – 9 детей было», «Среди соседей было много многодетных семей».*

В сельской местности многодетность в это время не была исключительной особенностью казахских семей: *«Все семьи были многодетными. У семей разных этносов было много детей от пяти до восьми, это не было каким-то исключением», «В деревне у соседей было в среднем по 3–4 ребенка. У соседей-немцев было по-разному (у одной немецкой семьи было 13 детей), у кого-то четверо-пятеро, у кого-то двое». Но, у представителей славянских этносов сокращение рождаемости происходило быстрее: «У русских было 1–2 (ребенка), у казахов было больше. И то, что нас было четверо детей – это воспринималось нормально», «У одной семьи знакомой было 18 детей. В среднем было 2–3 ребенка. Многодетные семьи были у чеченцев, татар, а у русских 1–2 ребенка», «Деревня была довольно многонациональная, там жили и казахи, и татары, и русские, и немцы на тот период и в основном было минимум трое детей в семье. У одноклассников в городе было уже значительно меньше детей».*

В городах репродуктивные стратегии, как считают респонденты, отличались: *«В среднем двое-трое (детей в семье). В этот период я бы не сказала, что была значительная рождаемость. В поселках возможно было больше детей»* (г. Актобе). Но здесь имеются региональные различия: респондентка, родившаяся в г. Актау (Западный Казахстан) – седьмой ребенок из одиннадцати. Еще более явно об этих отличиях свидетельствуют слова другой участницы опроса: родилась и провела детство в Кызылординской области – *«В среднем в других семьях было до шести детей»,* но после переезда в Байконур – *«там в среднем было по два ребенка».*

Однако, прослеживается наблюдение, что в предыдущем поколении многодетность была распространена более широко: *«У мамы и папы было по 6–8 детей в семьях, а в нашем поколении уже стало меньше детей»,* у респондентки, имеющей одну сестру: *«в их семьях было – у папы трое детей, у мамы пятеро (братьев и сестер)», «в доме отца было шестеро детей, трое мальчиков, остальные три девочки. Мать была из многодетной семьи, старшая в доме, более десяти детей».*

Полученные данные свидетельствуют, что вплоть до 1980 годов многодетность, как норма репродуктивного поведения, сохраняет свою актуальность в сельской местности среди казахов и представителей других этносов. Эта тенденция прервется в следующем десятилетии в связи с масштабным социально-экономическим кризисом, но респонденты, родившиеся в анализируемый период 1970–1980 гг., происходят в основном из многодетных семей – только в двух случаях это вторые дети из двух. Во всех остальных семьях было от трех до одиннадцати детей (выживших).

В семьях, созданных респондентами, их братьями и сестрами, традиция многодетности уже слабо выражена или не проявляется совсем.

Положительное отношение к традиции многодетности в целом сохраняется: *«Отношение к многодетным было нормальное», «Мы не выделяли многодетные семьи. Отношение было обычное, нормальное, больше положительное», «Хорошее отношение было к многодетным, помогали по строительству, в воспитании детей», «Отношение (к многодетным семьям) было позитивное, все были благополучные семьи, всем были обеспечены».* Оценка роли государственной поддержки передает следующее высказывание: *«В советское время помощь многодетным была весомой, потому что очень много услуг было бесплатных».*

Однако появляются не характерные для предыдущих этапов развития акценты: *«Из-за проживания в многодетной семье младшие носили одежду старших», «Подрабатывали на сенокосе, потому что у нас была многодетная семья»*, то есть, в некоторых случаях многодетностью начинают объяснять социальные трудности.

Звучат и явно негативные оценки: *«Отношение к большим многодетным семьям было отрицательное, снисходительное, считали, что дети неухаженные, предоставленные сами себе», «Касательно отношения к многодетным сама стеснялась, что их было три ребенка. У других было меньше (один-два). У родственников, в поселке (недалеко от Караганды) тоже было немного детей», «К многодетным отношение было не очень. Мы сторонились таких детей, когда жили в Капчагае, однажды даже подрались. Жили такие семьи бедно».*

На основе полученных данных, можно обоснованно предполагать, что в 1970–1980 годы на казахский социум даже в сельской местности начинает оказывать влияние городской репродуктивный стандарт, что проявляется как в субъективных оценках многодетности, так и в объективном снижении показателей рождаемости в семьях, которые на предыдущем поколении были многодетными.

Можно с уверенностью говорить о том, что одним из важных следствий урбанизации казахов становится тот факт, что многодетность начинает восприниматься не как повседневная практика, а как особая форма репродуктивного поведения.

Внутренние социокультурные факторы (семейные традиционные и религиозные практики). Важнейшими внутренними факторами формирования

социокультурной среды являются передача традиций и роль религии в кругу семьи/родственников.

Отношения с родственниками и сохранение традиций. У подавляющего большинства респондентов поколения 1950–1960-х годов рождения, независимо от места проживания (город или село), отношение с родственниками хорошее, активно поддерживались (поддерживаются) связи с ними, оказывается материальная помощь и моральная поддержка: «помогала сестренке с ипотекой», «помог младшей сестре – развел с мужем, на суд ходил. 3 года она жила у меня», «мне во многом помогала моя золовка», «дядя подарил нам корову», «на тоях помогали, когда дочь замуж выдавала», «при разных сложных ситуациях, все родственники собирались и оказывали помощь; кто-то дает скот, кто-то деньгами, кто-то продуктами», «старшие давали молодым свои советы, воспитывали».

Сельские родственники зачастую останавливались на проживание у городской родни, помогая ей при этом продуктами и мясом. Наиболее «востребованными» в этом плане были те, кто смог устроиться в городе на высокооплачиваемую работу, имел большую квартиру (дом) и социальные связи: «родственники постоянно жили у меня», «отец всегда помогал родственникам», «я работал на УМЗ, где было хорошее обеспечение и заработная плата. Когда из села переехала золовка с тремя детьми, я ей хорошо помог».

Взаимопомощь и взаимовыручка становятся достаточно частым явлением и распространяются не только на родственников: «друг другу помогали», «жили как одна семья», «были люди, которые жили хуже нас, мы старались им помогать», «все друг другу приходили на помощь, делились всем, и никто не говорил, что дает, не афишировал», «даже незнакомых людей поселила у себя на несколько дней».

Наряду с этим, отмечается достаточно тесное общение с соседями, близким социальным окружением, независимо от национальной принадлежности: «соседи часто приходили к моим родителям, сидели за одним дастарханом», «согым резали – гости, сыбага – гости, куырдак – гости, и так весь поселок ходили друг к другу в гости, все субботы были расписаны», «когда резали согым, обязательно собирали всех на қара куырдақ», «у русских начиналась пасха, всех угощали, потом у нас айт начинался – все друг другу в гости ходили».

В целом для рассматриваемого времени характерен интернационализм: «жили одной большой семьей», «мы приютили немцев – мать с двумя детьми, помогали им, кормили», «были русские, белорусы, мы общались с ними как с родственниками», «глобальные задачи были общими для всех, независимо от национальных отличий», «никогда у нас не было никакого деления на национальности, мы даже не знали кто какой национальности», «мы больше дружили с соседями, ходили на праздники, Пасху, Айт. У меня осталось ощущение с тех пор, что народ един».

Совместные с родственниками мероприятиями респондентами были названы: свадьбы, дни рождения, юбилеи (коротко – тои). Наряду с этим, указываются похороны, поминки и религиозные праздники: Курбан Айт, Ораза, Наурыз. Общение с родственниками происходило не только на каких-либо мероприятиях – поводом мог стать отпуск, выход в отпуск или на каникулы: *«родня летом приезжала к родителям в гости», «выезжали на природу, организовали различные состязания, пели, танцевали».*

Многие респонденты говорят о необходимости возрождения казахских традиций и обычаев: *«в традициях казахов много человечности», «мы потеряли главную нить, которая была заложена у казахов изначально – уважение к родителям», «нужно возвращаться к истокам», «мы должны вернуться к традициям прошлого и детям своим попытаться их привить», «дедушки, аксакалы, часто приходили к родителям в гости, воспитывали», «взрослые могли сделать нам замечание, мы прислушивались», «старшие давали молодым свои советы, не было такого молодого человека, который выступал против старших; никто не говорил: я сам знаю».*

Среди традиций казахов в основном называются уважение к старшим, смиренность, тесное общение в кругу родственников, знание родного языка и шежире: *«в наших традициях главное – уважение к старшим», «общение и помощь родственникам очень важны, это – обязательно», «без этого никак, мы же – казахи», «один род – значит родственник».*

Среди респондентов единицы, кто не знает национальных традиций и не поддерживает связи с родственниками. Как правило, это те, кто вырос в интернациональных семьях или без родителей (бабушек/дедушек).

Итак, хорошее знание национальных традиций и обычаев, тесная связь с родственниками, которые демонстрируют практически все опрашиваемые, связано с тем, что подавляющее большинство из них родилось и социализировалось в сельской местности. В 1950–1960-е годы, как и в последующий период, село было ареалом размещения казахов. Процессы русификации по большей части затронули городское казахское население. Консервация традиционных социальных связей и основных элементов национальной культуры помогала казахам, таким образом, удержаться в границах этнической самобытности, избежать ассимиляции и идентифицировать себя как этнос.

Поколение казахов, родившееся в 1970–80 годы, как и предыдущее, по большей части росло в сельской местности. Даже если формально это происходило в городах, то зачастую, это были поселки городского типа или окраинные городские районы, где во многом сохранились черты сельского уклада – проживание в частном доме без доступа к городской коммунальной инфраструктуре, содержание скота, придомовой огород и т. д.

Такие условия способствовали сохранению широких родственных связей и этнических традиций. Более того, благодаря этим традициям, или тому, что понималось как традиции, происходила адаптация этого поколения к новому для многих городскому пространству. Необходимость такой

адаптации чаще всего была связана с получением высшего образования, что можно было сделать только в крупных городах (эта ситуация сохраняется и сегодня).

Основная форма общения с родственниками, которую указывают респонденты – совместное застолье, что само по себе является универсальной традицией, характерной для всех этносов на определенных этапах развития.

Интересно, что в одном ряду с казахскими блюдами (шелпеки, баурсаки, курт) часто упоминаются традиционные блюда других народов: *«Ведро картошки чистили», «лепили пельмени, делали манты, пекли вафли», «лепили манты и пельмени»*

Помимо совместных празднований, говоря об отношениях с родственниками и сохранении традиций, респонденты описывают такие варианты родственной помощи и поддержки, запомнившиеся им из детства: *«Все родственники, кто поступал на учебу в город, приезжали к нам и у нас жили», «Отец всегда учил помогать, кому трудно. Взаимовыручка с детства. Если родственникам нужна помощь, никогда не отказываем», «Поддержка родственников всегда была. Донашивал одежду дяди (старше меня на 5 лет). Мама, уходя на работу, не переживала за нас, потому что всегда рядом были дяди и тети. Я сам оставался с другими детьми и кормил их», «Мой отец старший в семье, и он помогал всем. Перевозил из деревни семьи младших братьев», «родственники помогали родителям, когда случилось затопление дома и нужно было строить новый, помогли с временным жильем, помогали с продуктами и другими делами».*

Все респонденты воспринимают понятие «традиции» в положительном смысле и считают, что их необходимо сохранять. Но, фактически можно выделить два очень разных подхода. Первый – когда респонденты высказывают безусловную и безоговорочную поддержку традициям: *«Как воспитывали в семье родителей, так и сейчас воспитываем детей».*

В такой позиции считывается страх потери этнической идентичности, а сохранение традиций воспринимается как символ «культурного суверенитета».

Второй подход более избирателен: *«Традиции в современном обществе не все нужны, выборочно», «Нужно ли соблюдать традиции – все должно быть целесообразно, разумно, прагматично.* В этих случаях можно говорить о рациональном соотношении традиций с современными реалиями и проявлении «культурного отбора».

Место и роль религии в семье. Ответы респондентов 1950–1960-х годов рождения иллюстрируют большое расхождение и диапазон вариантов. Сказанное связано с положением, в котором оказалась религия в СССР. Составной частью политического курса и социалистической идеологии, а также воспитания подрастающего поколения была атеистическая пропаганда, большую роль в которой играли СМИ, литература и учреждения образования. В статьях и брошюрах жизнь детей из верующих семей описывалась мрачными красками. Антирелигиозные книги и фильмы того времени редко

обходились без сцен издевательства «мракобесов» над ребенком или подростком. Хотя формально советские законы не запрещали родителям или опекунам вести религиозное воспитание «в частном порядке», в реальности этому всячески препятствовали. Советские граждане часто скрывали свою религиозность при поступлении в высшие учебные заведения, при вступлении в комсомол и партию в связи непредсказуемыми последствиями, которые могли быть разными: увольнение с работы, отчисление из института, разрушение профессиональной карьеры, выговор по партийной линии и пр. Вместе с тем, статистика тех лет показывает, что практически половина населения страны, в той или иной степени, была религиозной. Можно предположить, что религиозность сохранялась, но принимала своеобразные формы. Это могли быть религиозные праздники, которые отмечались в кругу семьи, или чтение молитв и соответствующей литературы.

Исходя из ответов респондентов, были определены основные варианты роли и места религии в родительских семьях.

Первый вариант – светская модель семьи, как правило, получает распространение в семьях, один или оба родителя в которых были коммунистами: *«отец – атеист, коммунист», «отец был атеистом, но в душе, наверное, верил», «отец – коммунист не поддерживал религию, но, когда погиб старший сын – читал молитву»*. Как видно из представленных ответов, даже в светских казахских семьях отдельные элементы религиозности, все же, сохранялись.

Еще один вариант – религия, так или иначе, присутствовала в семье в виде религиозных праздников или соблюдения простейших и основных постулатов, при этом она тесно переплеталась с национальными традициями и обычаями: *«не было большой религиозности в семье родителей, но с уважением относились к мусульманским традициям», «в семье соблюдались законы Шариата, но они воспринимались не как религиозные установления, а как правила жизни – нельзя сквернословить, проявлять неуважение, нужно всем помогать и т.д.», «я соблюдаю традиции, но я атеист»*.

Третий вариант – семья респондента была религиозной. В данном варианте религия определяла воспитание и семейные отношения. *«Мама Коран читала, Аллах акбар делала, Оразу держала», «бабушка закончила 4 класса медресе, писала и читала по-арабски, читала молитвы», «отец читал намаз, младшая сестра совершила малый хадж», «мой дедушка Саркул ходил в Мекку пешком. Он был очень верующий. Бабушка тоже», «дедушка работал бухгалтером совхоза, и он, когда приходил на обед домой, обязательно делал омовение, читал намаз, только потом садился кушать и уходил на работу», «отец был муллой», «старшая сестра вышла замуж за сына муллы. Бабушка читала Коран, соблюдала пост. В семье праздновали Айт»*.

Респонденты указывают на то, что старшее поколение (бабушки, дедушки) было более религиозным: читали молитвы, держали пост. При этом некоторые опрашиваемые отмечают, что их родственникам приходилось скрывать от окружающих свою религиозность: *«бабушка и дедушка*

совершают намаз пять раз в день, об этом никто не знает», «в советское время нельзя было об этом говорить».

Как правило, выходцы из семей, где религия определяла воспитание и семейные отношения, сами тоже религиозны: *«в средней школе я сына водила в медресе, там он научился читать намаз и ходил потом на пятничные намазы», «я сама совершаю намаз, держу пост в Рамадан, по пятницам читаю молитву по умершим».*

Из трех перечисленных выше вариантов наибольшее распространение получает второй. Ответы респондентов позволяют констатировать, что в анализируемый период религия, так или иначе, присутствовала в семейном воспитании и в сознании советских людей, но не афишировалась. У казахов она тесно переплеталась с национальными традициями и выражалась в основном в форме религиозных праздников Наурыза, Айта, Оразы.

Приступая к анализу ответов поколения 1970-1980-х годов рождения, гипотетически возможно было предполагать три основных варианта ответа:

- семья родителей светская, роль религиозного фактора минимальна;
- в семье были элементы религиозных традиций, тесно переплетенных с традициями этническими, что скорее составляло культурно-нравственный фон воспитания;
- родительская семья строго религиозна, роль религии являлась определяющей в бытовой жизни и воспитании детей.

В первую очередь стоит отметить, что третий вариант «в чистом виде» в ответах респондентов практически не встречается. Однако, это не дает основания делать вывод, что строго религиозных семей среди поколения казахов 1970–1980-х годов рождения не было – скорее люди, выросшие в подобных семьях, не стремятся участвовать в социологических опросах, так как научные (а, следовательно, светские) исследования не входят в круг их интересов и не представляют для них ценности.

Первый вариант – светская родительская семья, в ответах респондентов встречается достаточно часто, но обычно в них всегда присутствует объяснение, даже своего рода оправдание этого факта: *«Родители вели светский образ жизни. Но в то время люди особо не афишировали свою религию», «В это время были все атеисты».*

Но, гораздо чаще в интервью можно было встретить второй вариант, когда религиозность не имела ярко выраженной формы, но сохранялась как элемент этнической традиции: *«может, они глубоко не понимали, но они понимали, что Аллах есть, что на Айт столы накрывали, и газетой накрывали почему-то, гости приходили, и стол уже был накрытый, и всех угощали и чаем поили. Горячая еда готова была, стол, накрытый был», «Да религия была, родители говорили о боге, что бог все видит и нельзя совершать плохого. На поминках все соблюдалось, но родители были более светские и, например, намаз не читали», «из религиозных праздников отмечали обычно Айт. Хотя то, что отмечали, это было не сильно религиозным, скорее традиционным, так как было советское время. Просто традиции: зарезать*

барана, угостить бедных, раздать четверть сиротам... С утра до вечера не молились», «Фактически не было религии в семье. Просто верили. Единственным ритуалом, который соблюдали было приготовление шелпеков в пятницу».

Таким образом, элементы религиозности тесно переплелись с этнической традицией и, благодаря этому, сохранялись даже в позднее советское время. Но, в большинстве казахских семей это были именно отдельные элементы, системного религиозного образования и воспитания детям не давали. Именно на такой основе происходит возрождение интереса к исламу в суверенный период и этим можно объяснить многие противоречия, которые сформировались и укоренились в общественном сознании. Следующим этапом развития феномена религиозности в казахском и казахстанском обществе станет заметная поляризация в молодежной среде. С одной стороны, под влиянием внешнего воздействия начнут формироваться радикально настроенные религиозные группы, которые практически не имеют представление об «исконной» форме ислама, получившей распространение в казахской степи. При этом, свои убеждения они будут обосновывать возвратом к «традиции». С другой стороны, значительная часть молодежи приобретет полностью светское сознание и к религии станут относиться как к анахронизму, не высказывая прямого пренебрежения, но и не опираясь на религиозные нормы в своей повседневной жизни. Подробнее эти трансформации будут рассмотрены при анализе интервью представителей первого казахского поколения, родившегося в XXI веке.

Внешние факторы социализации

Жилищные условия в детстве. Как правило, респонденты в детстве проживали в частных домах без водопровода, канализации, с печным отоплением: «частный дом с печным отоплением, вода из колодца, потом из реки», «жили в землянке», «проживала в бараке», «4-комнатный саманный дом с печным отоплением, без водопровода», «печное отопление, вода из колодца общего на несколько домов, туалет на улице», «5-этажный многоквартирный дом, без горячей воды, холодная вода с перебоями» и пр. Большинство домов были саманными или деревянными, в редких случаях – кирпичными. У родителей многих респондентов было свое хозяйство (скотина, огород, сад и пр.). В единичных случаях указывается на наличие централизованного отопления или водопровода с канализацией в доме (как правило, многоквартирном). На отсутствие «благ цивилизации» указывают также и те респонденты, детство которых пришлось на городские поселения. Можно предположить, что они проживали не в центральной части городов, а в пригородном секторе, застроенном частными одноэтажными домами или неблагоустроенными многоэтажками барачного типа.

Обращает на себя внимание тот факт, что дома были небольшими, число комнат в среднем 3–4. Если учитывать, что семьи были многодетными, можно предположить, что жили очень скученно и тесно.

Практически половина опрошенных указывает на то, что дома (квартиры) были получены их родителями от государства. Многие респонденты в детстве меняли место жительства. Это могли быть соседние села, в редких случаях респонденты переезжали в другие области республики. Переезды, как правило, были связаны с занятостью родителей или смертью одного из них, обучением в интернате.

Сфера занятости родителей респондентов – сельский сектор. Наиболее часто встречающиеся в ответах профессии отцов: животновод, чабан, тракторист, шофер, механизатор, учитель, рабочий. Занятость матерей: домохозяйка, доярка, животновод. Редкие профессии родителей: военный журналист, инженер, врач, белошвейка, «по партийной линии».

Ответы респондентов, детство которых пришлось на 1950–1960-е гг., показывают по большей части отсутствие нормальных бытовых условий, большую скученность, низкий материальный достаток семьи. Многие семьи «спасало» наличие своего придомового хозяйства или скота. Опрашиваемые отмечают, что *«так жили все»*, *«всем было тяжело»*. В связи с трудностями послевоенного времени планка социально-бытовых запросов населения была достаточно низкой: *«на продукты и одежду хватало»*, *«всегда было что одеть и что поесть»*. Вместе с тем, из представленных ответов можно сделать еще один вывод: социально-экономические проблемы легли бременем на всех жителей страны, всем было одинаково непросто выживать в подобных условиях и растить детей. Отсутствие по большей части в советском обществе рассматриваемого периода чрезмерно богатых или бедных граждан указывает на экономическую однородность населения при низком уровне его социального расслоения и такое социальное равенство смягчало восприятие бытовых тягот.

Детство большинства респондентов 1970–1980 годов рождения прошло в частных домах сельского типа, то есть без благоустройства, типичный вариант – печное отопление, отсутствие центрального водоснабжения и канализации. Это относится даже к тем случаям, когда местом рождения респонденты называют города, в том числе и крупные. Даже если респонденты формально считались городскими жителями, с бытовой точки зрения их детство проходило практически в сельской или полусельской среде. Об этом свидетельствуют некоторые ответы родившихся в черте городских поселений, и так описывающих условия жизни в их детстве: *«Жили в частном доме, шесть комнат. Водопровода и централизованного отопления не было, топили печь»* (г. Усть-Каменогорск), *«В первом доме был двор, огород, отопление было печное. Вода была центральная»* (г. Сарань), *«Жили в частном доме, семь комнат, с хозпостройками, кирпичный дом, печное отопление, вода была из колонки»* (г. Целиноград), *«В Актюбинске мы уже жили в более хорошем частном доме, там был водопровод, канализация, но помню, что печку все равно топили»*, *«проживали в частном доме в центре города. Большой дом (14 комнат), одноэтажный, с участком, домашним хозяйством, садом»* (г. Актау).

Однако, есть примеры и проживания в многоквартирных домах с соответствующими коммунальными услугами: *«В благоустроенном панельном доме, в 4-комнатной квартире. Большая, красивая, уютная квартира, с красивыми обоями»* (г. Аягуз), *«Пятиэтажный дом, около 8 подъездов, на каждом этаже по две квартиры. Была трехкомнатная (квартира)»* (г. Актау), *«Двухкомнатная квартира в 9-этажном доме на 7 этаже»* (г. Алматы). Обычно это связано с занятостью родителей, которые получали квартиры от государства – педагоги, врачи, работники промышленных, транспортных, строительных предприятий.

Отличительная черта – так как период взросления многих респондентов пришелся на начало 1990-х годов, то часто упоминаются переезды, смена места жительства в связи с резко изменившимися экономическими условиям: родители оставались без работы из-за закрытия предприятий.

Оценки материальной обеспеченности родительских семей отличаются когортно: родившиеся в 1970-х годах в основном отвечают, что все жили примерно одинаково и всего хватало: *«Достаток был небольшой, но никогда не ощущали, что чего-то не хватает. Всегда находили возможность приютить и угостить приезжавших родственников»* (1976 год рождения), *«Сейчас я понимаю, что жили все-таки неплохо, может даже богато (так как в доме было все необходимое, был автомобиль Москвич), в сравнении с другими мы жили не бедно»* (1975 год рождения). Ответы тех, кто родился в 1980-е, заметно различаются – все более явным становится социальное расслоение: *«Во время обучения в школе жила в интернате при школе, время было тяжелое, и родители договорились о таком варианте»* (1981 год рождения), *«В целом, в семье был средний уровень достатка, схожий с другими, но сказывались 90-е, в каких-то моментах было тяжело»* (1981 год рождения), *«Родители обеспечивали не только нас, но и детей родственников. Многие родственники жили в селе, поэтому их дети жили с нами»* (1982 год рождения).

Базовые социальные услуги (здравоохранение и образование). Медицинские услуги. Практически все респонденты 1950–1960 годов рождения указывают на наличие в местах их проживания в детстве медицинских учреждений: медицинские или фельдшерские пункты, больницы, амбулатории. В некоторых случаях, роддома и детские отделения (детские больницы). Медицинские пункты или больницы, как правило, располагались в одноэтажных зданиях с водопроводом, имели печное отопление, канализация отсутствовала. Практически все опрашиваемые получали необходимую медицинскую помощь. Только в единичных случаях отмечается отсутствие вакцинации детей. Наряду с этим, ни один респондент не указал на наличие стоматологических кабинетов (а тем более, клиник или больниц) в своем населенном пункте.

Многие респонденты отмечают высокий профессионализм медицинских работников, чистоту и стерильность в медицинских учреждениях: *«работники были простые, доброжелательные, медицинские услуги по тем временам*

были качественные», «обслуживание было на высшем уровне, сейчас это я как врач могу сказать», «можно было зайти в одну больницу и полностью обследоваться, сейчас таких учреждений нет», «медицина была доступной, помню своего педиатра, качество услуг было отличное», «врачи помнили твою историю болезни, знали все назначения», «все были отличными специалистами», «медицинская помощь детям была обязательной».

У большинства респондентов не было каких-либо серьезных заболеваний, в целом, проблем со здоровьем, в детстве. Интерпретировать подобные утверждения можно по-разному. С одной стороны, действительно, хорошее здоровье опрашиваемых в детстве вследствие особенностей мест их проживания (село) и связанные с ними рацион питания (натуральные мясомолочные продукты), отсутствие промышленных предприятий и близость природы (чистый воздух). С другой стороны, недостаточный уровень диагностики детских заболеваний у сельского поселения. Так или иначе, вследствие сказанного, опыт контакта с представителями сферы медицины ограничивался фельдшером или медицинской сестрой, работающими в пришкольных медицинских кабинетах, и врачами, входившими в состав комиссий в период медицинских осмотров (раз в год), которые также, зачастую, проводились в школах. В единичных случаях (простудные заболевания, ОРВ и пр.) медицинская сестра (фельдшер) могла прийти на дом с целью поставить укол или осмотреть больного ребенка.

Подобное свидетельствует о наличии уже в 1950–1960-е годы тесного взаимодействия учреждений образования и здравоохранения, в том числе, в сельской местности. Респонденты указывают, что на медицинские осмотры, проводимые, в большей степени, в профилактических целях, привлекались врачи из районных центров и городов.

Национальный состав медицинских работников разнороден: казахи, русские, немцы, евреи, украинцы, корейцы и пр. Этнический состав, преимущественно, зависел от региона и места проживания (город или село) респондента. На севере, востоке и в центре республики, а также в городах или районных центрах в медицинских учреждениях работали, в основном, представители славянских этносов. На юге и западе, а также в сельской местности, – казахи. Более того, в рассматриваемый период представители европейского населения имели, как правило, квалификацию врачей, казахского – медицинских сестер или фельдшеров. Сказанное может свидетельствовать, во-первых, об этнической дифференциации системы расселения по регионам и местам проживания (город или село), во-вторых, о низком уровне урбанизированности казахов, а также о недостаточном охвате титульного этноса системой высшего образования. Профессиональную квалификацию врача или высшее медицинское образование можно было получить только в городах страны. Для получения среднеспециального медицинского образования (медицинская сестра, фельдшер) не обязательно было переезжать в город. Многие районные центры располагали для этих целей медицинскими училищами и прочими заведениями подобного уровня.

Таким образом, в 1950–1960-е годы в Казахстане повсеместно открываются медицинские учреждения, а системой здравоохранения охватывается практически все население республики, в том числе, сельское. Отмечается интернациональный состав медицинских работников и достаточно высокий уровень их профессиональной квалификации. Наблюдается тесная связь системы здравоохранения со школами. В целом, уровень и специфика медицинского учреждения (медицинский пункт, больница, амбулатория, роддом и пр.) во многом зависели от того, где оно расположено – в городе (районном центре) или селе (колхозе, совхозе, ферме). В городах – это, как правило, были больницы, амбулатории и роддома. В селах – медицинские или фельдшерские пункты. Понятно, что больший доступ к более качественным и разнообразным медицинским услугам имели городские жители. Таким образом, этнически дифференцированная система расселения населения Казахстана по городам и селам в исследуемый период, несмотря на значительные инвестиции в аграрный социально-экономический сектор, ограничивала казахам доступ как к более квалифицированной и разноплановой медицинской помощи, так и к получению высшего медицинского образования.

Все респонденты следующего поколения (1970–1980 годы рождения) отмечают доступность хотя бы элементарных медицинских услуг – в сельской местности обязательные медицинские пункты, в районных центрах и в городах – наличие многопрофильных больниц и поликлиник. Судя по полученным ответам, была налажена система профилактической вакцинации детей, установлена связь между школами, детскими садами и медицинскими учреждениями.

Этнический состав медицинских работников обычно смешанный, но имеются региональные различия – в северо-восточных регионах преобладали врачи славянских/ европейских этносов, на юге большая часть медицинского персонала – казахи. Схожую тенденцию можно отметить и при сравнении сельских и городских медицинских учреждений: в городах, обычно, медицинский персонал более полиэтничен, в сельской местности чаще называли казахов.

Вероятно, это следствие советской системы распределения специалистов после окончания вузов – те, кто уже имел корни в городах (а для казахов это было редкостью), закреплялись и оставались после получения образования в городах. Получившие медицинское (как и педагогическое) образование выходцы из сельской местности – и в этом случае казахская молодежь была достаточно многочисленной, – распределялись в районы. В 1990-е годы во многих сельских населенных пунктах, особенно отдаленных, медицинские пункты закрываются в связи с отъездом работников и проблемами бюджетного финансирования. Но, дети, родившиеся в 1970–80-х годах еще имели доступ к институционализированной системе медицинских услуг. В конце 1990-х, с постепенным выходом из социально-экономического кризиса, ситуация улучшается. Это отмечают некоторые респонденты,

рассказывая о современном состоянии их малой родины: *«Сейчас тот поселок развивается, там открыли завод, школу – он стал большим», «Заброшенных домов нет. Строят новые дома, село развивается, процветает».*

Многие респонденты, не имевшие серьезных проблем со здоровьем в детстве, контактировали с медицинским персоналом только в школьных медпунктах, это также свидетельствует о хорошо отлаженном государственном механизме взаимосвязи между основными социально-репродуктивными институтами.

В целом, можно отметить определенную иерархию в качестве медицинских услуг: чем крупнее населенный пункт и выше его административный статус, тем шире спектр медицинских услуг, который был доступен жителям. Но, в целом, в 1970–1980 гг. проблема доступа к первичной медицинской помощи, а также вопрос профилактики основных инфекционных заболеваний, были решены на всей территории Казахстана, за исключением труднодоступных и мало населенных участков. Это отражает централизованный характер управления территориями и распределения ресурсов, который был характерен для советского периода, но сохраняется и на современном этапе развития. Если говорить о качестве медицинских услуг, то учитывая их бесплатный характер, проблемы заключались в большой территории и недостаточно развитой транспортной сети даже в пригородных районах.

Образовательные услуги. Несмотря на наличие детских садов в большинстве населенных пунктов, большая часть респондентов 1950–1960-х годов рождения не посещали детских дошкольных учреждений (воспитывали мамы-домохозяйки, бабушки, дедушки или какие-либо еще родственники), то есть, институционализация раннего детского развития не получила распространение. Первостепенное значение государство придает школьной подготовке – 100% респондентов получили среднее или неполное среднее образование.

Большинство школ полные – 10-классные, в отдельных случаях – 8-классные. Из характеристики школ, данной респондентами, можно констатировать, что они располагались в лучших зданиях населенных пунктов. Как правило, 1–2-этажные (иногда, 3–4-этажные), вместительные, построенные из кирпича. В школах были спортивный зал (иногда, актовый зал), столовая (буфет), спортивные площадки. *«Школа соответствовала требованиям, все было строго. Помещения были большими, светлыми». «На каждый предмет был свой отдельный класс».*

Из дополнительных форм образования часто указываются музыкальные кружки и спортивные секции. Трудовое воспитание: субботники, уроки столярного или плотнического дела, шитья или домоводства. *«Был пришкольный участок сад, мы там работали, был столярный цех, там делали столы, стулья. Учитель по труду учил ремонтировать парты, стулья».*

Много информации по идеологическому и патриотическому воспитанию: парады в честь праздников 1 мая, 9 мая, 7 ноября, проведение

других знаменательных в период существования СССР праздников и дат: День пионерии, День Конституции. *«Нас красиво одевали, в руках шары. Мы фотографировались. Сами делали цветы».* *«9 мая, 1 мая, 7 ноября – это были самые главные праздники».* *«На 9 мая проводились парады, мы ходили на парад с флажками, нарядно одетые».* Проводились комсомольские собрания.

Как правило, национальный состав работников школ полиэтнический (казахи и русские). Как в случае учреждений здравоохранения, этническая структура работников школ (интернатов) во многом зависела от региона их расположения. В школах восточного, северного и центрального регионов большинство работников составляли русские (прочие представители европейского населения). В школах южного и западного регионов – казахи.

В большинстве случаев школы – смешанные (русско-казахские). Респонденты, проживавшие в селах, получали среднее образование, как правило, на казахском языке. Респонденты из районных центров и городов, обучались на русском языке (кроме воспитанников интернатов). В 50–60-е годы получают широкое распространение школы с русским языком обучения. Более того, в отдельных случаях указывается на закрытие школ с казахским языком обучения, что свидетельствует о начавшейся тенденции русификации казахского населения. *«...но, потом казахскую школу закрыли и детей из казахской школы перевели в русскую школу на класс ниже, и они продолжили учиться в русской школе».*

В целом, воспоминания о школе положительные, светлые. Указывается на профессионализм работников образования. Несмотря на большой промежуток времени, прошедший с момента обучения в школе, (респондентам 70–80 лет), называются имена (имена и отчества) учителей: *«Турсынай апай – историк. Майкадар ага – математик»*, *«Зоя Васильевна – учитель»*, *«учитель-фронтовик Петр Куприянович».*

Практически половина респондентов получила высшее образование. У остальных – среднетехническое образование. В отдельных случаях – курсы водителей, бухгалтеров. Профессии респондентов с высшим образованием: учитель, экономист, юрист, журналист, инженер, химик-технолог. Профессии респондентов со среднетехническим образованием или закончивших курсы: медицинская сестра, строитель, энергетик, стоматолог, водитель, бухгалтер. Практически всем опрашиваемым в период обучения была предоставлена стипендия и места в общежитиях.

Большинство респондентов работали (работают) по профессии. Сказанное иллюстрирует эффективность системы распределения, имевшей место в СССР, т. е., практики трудоустройства выпускника высшего и среднего специального учебного заведения, гарантирующая занятость молодых специалистов и их социальную защиту.

Образование братьев и сестер респондентов – высшее или среднеспециальное. Дети (внуки) респондентов в большинстве случаев получили высшее образование. Более того, часть опрашиваемых указывает, что их дети (внуки) обучались в вузах России. Наряду с высшим образованием

у некоторых детей (внуков) есть магистерская, в единичных случаях – докторская степень: «сын окончил магистратуру, обучается в докторантуре», «сын закончил КБТУ и Лондонскую магистратуру, пишет докторскую диссертацию».

Итак, все населенные пункты располагали школами, что позволяло охватить детей системой среднего образования. В школах было все необходимое для полноценного обучения и воспитания детей. Большое внимание уделялось идеологическому и трудовому образованию обучающихся, их разностороннему развитию (секции, кружки). После окончания школы выпускники имели возможность получить среднеспециальное или высшее образование. Дети (внуки) респондентов в большинстве случаев обучались (обучаются) в вузах, что иллюстрирует набирающую силу тенденцию повышения доли специалистов с высшим образованием в структуре казахского этноса. Обязательное трудоустройство выпускников с дипломом гарантировало им рабочие места и способствовало социально-экономической организованности и стабильности всей системы занятости.

Одно из важных отличий в системе образования двух последовательных периодов – распространенность и доступность учреждений дошкольного воспитания, судя по ответам, большинство ходили в детские сады. Даже если сами респонденты в них не ходили, такой опыт имели другие дети в семье. Эта практика характерна как для сельской, так и для городской местности. Можно обосновано полагать, что распространение детских садов было связано с политикой привлечения женщин к активной экономической деятельности вне домашнего хозяйства. Необходимость в большом количестве рабочих рук диктовалась «грандиозными планами советского хозяйственного строительства».

Обязательное среднее образование в описываемый период составляло либо 10 классов средней школы, либо 8 классов и последующее получение рабочей специальности в профессиональных училищах. С 1986 года была введена система 11-летнего среднего образования. Такой уровень образовательной подготовки был обязателен для всех детей, поэтому все респонденты на поставленный вопрос отвечали утвердительно. Средние школы были практически в любом населенном пункте (исключение: *«Училась в школе в 7 километрах от поселка, туда детей возили на тепловозе. Каждый день отвозили»*, с. Узын агащ, Алматинская области).

Но, если в городах они размещались в типовых трех или четырехэтажных кирпичных зданиях со всей необходимой инфраструктурой, то в сельской местности ситуация могла быть иной: *«Здание кирпичное, отопление от котельной, туалет на улице, вода была внутри»* (с. Трудовое, Северо-Казахстанская область), *«Старая школа в деревне была одноэтажная (ее потом превратили в столовую)»* (с. Викентьевка, Тарановский район Костанайской области).

Кроме обязательной учебной программы, одинаковой для всех школ, респонденты отмечают другие формы образовательной и развивающей

активности, доступной независимо от места проживания: музыкальные и языковые кружки, спортивные секции, художественные и театральные студии. Основное различие между сельской и городской местностью заключается в том, что в селе эти дополнительные формы обычно существовали на базе тех же средних школ, а в городах существовали отдельные спортивные и музыкальные школы, дома пионеров и т. д. То есть, внешкольная занятость была организационно и территориально отделена от обязательного учебного процесса. Респонденты отмечают доступный и/или бесплатный характер дополнительных занятий: *«С классом ходили и в кино, и на оперу (покупали абонементы и ходили два раза в месяц)»*, *«В школе ходила на баскетбол, посещала кружки английского, русского языков»*, *«В школе были театральный кружок, гимнастика. Занималась в Доме культуры, в специализированной школе искусств»*, *«Из кружков были каратэ и ушу. Кто хотел заниматься спортом – занимался, условия были»*, *«Были спортивные секции и спортивная школа (сама ходила на дзюдо), музыкальная школа, кружок вязания»* и т. д.

Все формы организации внеурочной деятельности можно разделить на несколько групп:

- тематические праздники (Новый год, Осенний бал, празднование 8 марта и т. д.);
- школьные олимпиады и предметные конкурсы районного, городского, областного уровня (в основном к участию в них привлекались особенно успевавшие по этим предметам дети);
- кружки и секции по интересам, куда дети ходили по собственному выбору или настоянию родителей;
- внешкольные конкурсы и спортивные соревнования, в которых обычно участвовали те, кто занимался дополнительно на постоянной и достаточно долговременной основе;
- так называемые «культпоходы» в театры, музеи;
- отдельно стоит отметить выездные экскурсии, даже в далекие города (Москва, Ленинград), но в них могли участвовать только те, у кого родители могли это оплатить. Именно в этом случае становились особенно заметны различия в материальном достатке семей.

В целом, практически все дети и подростки школьного возраста в это время были так или иначе охвачены такой деятельностью: *«Я не помню, чтобы я сидела после обеда дома. Зимой – каталась на коньках, лыжах. В другое время года – волейбол, баскетбол, КВН, «Что? Где? Когда?»*. *«Я ходила в Дом пионеров на танцевальный (кружок) и вязание. Была спортивная школа»*, *«Много занималась в различных секциях, ходила немного на балет, в музыкальную школу. Долго занималась фигурным катанием. Немного походила на тэквондо. Всегда сама проявляла инициативу, и сама себя записывала в разные кружки. Все секции были бесплатными»*. Родителям не требовалось прилагать значительных усилия для организации внешкольного времени своих детей – работала хорошо отлаженная система, которая начнет разрушаться только в конце 1980 – начале 1990 годов.

Основываясь на ответах респондентов, обязательным элементом биографии поколения казахов 1970–1980 годов становится получение профессионального образования. Причем, если в 1970 годы образование могло быть среднее специальное, то в 1980 годы все чаще встречается высшее. Интересно, что выбор высшего образования обосновывается «советской традицией»: *«Все братья и сестры получили высшее образование, у нас с этим строго было, по-советски: «Без образования тебе не жить!»*. При этом общее число обладателей высшего образования в стране достигало 23 млн. человек, то есть чуть больше 8% от всего населения страны по данным переписи 1989 года⁸⁹.

Профессиональное образование, как и среднее школьное, стало неотъемлемой частью взросления. Причем, это образование практически всегда было получено в городе, то есть, уровень СПТУ, которые были очень доступны, уже не устраивает ни детей, ни их родителей, даже если они продолжают жить в сельской местности. Важный вывод – уже в 1970–1980 годы будущее многих сельских семей виделось в городе и связывалось с получением детьми «городского» образования и «городских» профессий. У казахов начинает формироваться новый образ социального успеха, не связанный с традиционным образом жизни, обязательными элементами которого становится получение высшего или, как минимум, среднего профессионального образования. Именно в это время закладываются основы последующей модернизации сознания – перехода к сознанию городской нации.

Если в родительской семье существовала установка на получение детьми определенного уровня образования, то обычно это касалось всех детей:

- респондентка закончила торговое училище: *«Профессиональное образование сестер и братьев: они в училище учились, кто-то на парикмахера учился, кто-то 10 класс закончил, нянечкой пошла. Потом конечно изменялось у каждого профессия на протяжении жизни»*;

- респондентка получила высшее медицинское образование: *«Все в семье с высшим образованием. Есть и педагоги, и бухгалтеры, и врачи. Родители старались дать всем образование, путевку в жизнь, поставить на ноги»*;

- респондент получил высшее образование в сфере экологии и природопользования *«Все братья и сестры получили высшее образование»*;

- респондентка получила высшее образование историка: *«У брата высшее юридическое образование, сейчас обучается в магистратуре»*.

Одним из косвенных признаков социально-экономического кризиса 1990 годов может быть тот факт, что почти половина опрошенных в результате работает не по той специальности, которой обучались в учебных заведениях. Во-первых, сильной турбулентности подвергся рынок труда и на какое-то время возник дефицит рабочих мест, то есть, приходилось работать, где

⁸⁹ Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Финансы и статистика.1990. С. 59.

придется: *«Когда мы оканчивали техникум, уже был процесс распада Союза, и мы не попали под распределение. По профессии я немного успел поработать. А так работал на разных работах»*. Во-вторых, получение образования, зачастую, происходило не по принципу выбора личных склонностей, а по степени доступности для семьи – многие обучались бесплатно и получали стипендию в период обучения. Как следствие, отработав по специальности несколько лет, респонденты уходили в другие сферы. Чаще всего, респонденты называли экономические мотивы: *«Проработал по специальности 3–4 года – не понравилось. Зарплата была маленькая, а семью нужно было кормить, ипотеку брать. В итоге ушел в частный сектор – в строительство»*.

События этого периода имели и еще одно важное последствие, значение которого можно оценить только с позиции современных реалий: если в советское время было принято получать одну профессию, то сегодня получение мультиобразования стало повседневной нормой. В ответах представителей поколения 1970–1980 годов можно встретить и такие: *«Первое высшее – техническое, второе экономическое. Первое – поступала просто куда получится, а экономическое – по рабочей необходимости, работала в банковской сфере. Последующая жизнь связана с другой профессией, по первому образованию я отработала год – как отработка бюджета, распределение», «В целом, получила четыре образования: повар, кассир, медик и психоаналитика»*. Такие истории носят единичный характер, но свидетельствуют о зарождении новых тенденций, на появление которых повлиял экономический кризис 1990-х годов.

Среди тех, для кого получение профессионального образования стало определяющим фактором последующей социально-экономической самореализации – врачи, педагоги (школы и вузы), экономисты: *«50% своего времени я провожу на работе. Рабочий коллектив – это второй дом. Работа многое дала: и опыт, и общение, и навыки»*. Если респонденты не работают по специальности, то обычно они заняты в сервисных сферах и торговле.

Таким образом, хотя получение профессионального образования стало обязательной ступенью взросления, далеко не всегда выбор специальности определял последующую социально-экономическую активность.

Оценка качества профессионального образования обычно высокая: *«Наше образование, когда учились, было на высшем уровне. Сейчас – это от человека зависит»*.

У многих респондентов четкая установка на получение детьми высшего образования: *«Своим детям хочет высшее образование. Племянницы закончили НИИШ, одна учится в Лос-Анджелесе, другая – в Великобритании», «У детей должно быть высшее образование обязательно. Это должно быть ступенью личного развития, а не просто корочкой для трудоустройства. Если надо учиться за рубежом – не против, тут будет зависеть от их желания», «Лучше получать образование за рубежом. Но нужно очень много денег для этого»*. Показательно, что образование за рубежом расценивается как более высокое по качеству, чем отечественное.

Внешняя культурно-бытовая среда. Состав жителей большинства населенных пунктов в 1950–1960 годы имел интернациональный характер. Казахи, как правило, составляли большинство (в сельской местности). Наряду с казахами, также проживали, русские, украинцы, немцы, евреи, белорусы, корейцы, представители кавказских этносов и другие.

Большая часть респондентов проживала в детстве в небольших по численности населения селах. Однако среди опрашиваемых были и те, чье детство пришлось на крупные совхозы (до 5 тысяч человек), а также на районные или совхозные центры, поселки городского типа или города. Культурно-бытовая сфера, в целом, социально-экономическая инфраструктура населенных пунктов, во многом зависела от их размеров и статуса. Практически все респонденты указывают на наличие в местах проживания библиотек, школ, Домов культуры, деревенских клубов, кинопроката, кинозалов, магазинов, почты, парков. Музеи, радио и телефон были не везде.

Респонденты, рожденные в крупных поселениях, вспоминают наличие там производства (лимонадный цех, кондитерская и пр.), стадионов, кинотеатров, музеев, крупных магазинов, рынков и т. д.

Таким образом, социально-экономическая инфраструктура населенных пунктов, оснащенность их объектами культурно-бытовой сферы была разной. Многое зависело от их статуса, размера, региона расположения, отдаленности от города. Но, так или иначе, ответы респондентов показывают, что практически во всех поселениях, даже в самых маленьких, были учреждения образования, здравоохранения, торговли, то есть, в исследуемый период велась комплексная застройка населенных пунктов, одновременно со строительством жилья возводились культурно-бытовые, медицинские и торговые помещения. Более того, масштабы жилищного и культурно-бытового строительства республики были впечатляющими, что говорит о выросших запросах населения, а также является свидетельством мощной государственной поддержки, как городского, так и сельского секторов.

Процесс описания культурно-бытовой среды (особенно, форм досуга) времен детства и юности респондентов 1970–1980 годов рождения различается у тех, кто рос в городах, и тех, кто рос в сельской местности или в условиях, приближенных к сельским (городские окраины, ПГТ и т.д.). Горожане чаще обращают внимание на элементы природы в городской среде (парки) или возможности выезда на природу: *«Много выезжали с родителями за город на сбор грибов, цветов, на маевки с коллегами родителей»* (г. Шымкент), что логично для тех, кто живет в высоко урбанизированном пространстве. Кроме того, перечисляя объекты быта горожане чаще используют множественное число (*«были универмаги, гастрономы, клубы»*) или уточняющие определения – не просто «клуб», а «дворовый клуб», не просто «универсам», а «наш универсам» и т. д. Один из респондентов, проживавший в окраинном районе говорит так: *«В городе были Дом культуры, Дом школьников. Но в пригороде не было»* (г. Актобе).

В целом, можно определить некоторый «стандарт», который был характерен как для отдельного поселения в сельской местности, так и для отдельного городского микрорайона. Обычно набор культурно-бытовых объектов складывался из: продовольственного магазина и магазина промышленных товаров, клуба и/или кинотеатра, а также дома культуры, почты (иногда с переговорным пунктом). Интересно, что выросшие в селе часто называли баню, а горожане этого не делали ни разу, хотя в этот период во всех городах общественные бани функционировали. Можно предположить, что для сельской местности пользование общественной баней было постоянной социальной практикой, а в городах это делали только в периоды ремонтного отключения водоснабжения.

Основные формы досуга, о которых говорят респонденты: прежде всего, это «улица» (в селе) или «двор» (в городе). Дети были часто предоставлены сами себе, играли с живущими по соседству, все взрослые знали не только друзей своих детей, но и их родителей. Особое место занимали походы в кино: в клуб (в селе) или в кинотеатр (в городе). Характерной чертой также является наличие библиотек: обязательно в школе, а зачастую и как отдельные объекты и в сельской, и в городской местности.

Уровень телефонизации был разным в городах и селах, как и уровень развития инфраструктуры в целом, но везде было радио – наследие масштабной кампании радиофикации, проведенной еще в 1950–1960 годы.

Таким образом, некий усредненный набор социальных услуг был доступен практически в любом населенном пункте, разница между городской и сельской местностью заключалась не столько в разнообразии, сколько в возможности выбора между несколькими объектами одного типа – магазины, кинотеатры и т. д.

Помощь и поддержка со стороны государства. Государственная помощь семьям, которую вспоминают респонденты 1950–1960 годов рождения, можно распределить по нескольким направлениям.

Во-первых, предоставления жилья – дома или квартиры: *«родителям в селе бесплатно дали дом», «за 6 лет работы на строительстве железной дороги государство выдало 3-х комнатную квартиру», «совхоз дал большой 8-ми комнатный дом отцу», «совхоз дал матери 2-х комнатную квартиру», «отец получил квартиру», «государство построило дом», «родителям выдали дом», «родители получили 3-х комнатную квартиру от завода», «отец получил 3-х комнатную квартиру в г. Шымкент», «получил от УМЗ квартиру», «выдали 7-ми комнатную квартиру в центре г. Алматы», «как учитель получила квартиру», «правительство, наверное, выдало квартиру родителям». Предоставление бесплатного жилья было привычной практикой в исследуемый период, которая распространялась как на городское население, так и на сельское.*

Еще один вид поддержки государства – обеспечение продуктами, одеждой, необходимыми предметами быта. Даже в тех случаях, когда данная помощь не была бесплатной, она была вполне ощутимой в условиях дефицита

или в случаях отдаленности населенного пункта. *«Каждый месяц привозили нам продукты: сахар, крупу, даже иногда конфеты», «один раз выдали обувь детям», «государство выдавало сено, учителям – уголь», «маму всегда поощряли, давали два раза ковры», «дали ортопедическую обувь».*

Особое внимание уделялось семьям животноводов (чабанам, коневодам, овцеводам и пр.), проживающим на отдаленных пастбищах (джайляу) и семьям фронтовиков – участников ВОВ: *«приезжала автолавка скотоводам каждый месяц. Все необходимое привозила. Печенье, конфеты – коробками. Брала материю рулонами», «каждый год что-то выдавало государство отцу», «государство помогало продуктами, сеном и дровами», «ежемесячно по графику привозили нам все питание. Семье фронтовиков полное обеспечение было. По спискам выдавали продукты». В отдельных случаях государство выдавало (дарило) животноводам и фронтовикам машины.*

В сферу государственной поддержки также попадали дети из неполных семей и сироты: *«школа давала валенки, ботинки, костюм, одежду. По 10 рублей в месяц на каждого ребенка, т. к. не было отца».*

Третий вид государственной помощи, который отмечают респонденты, всевозможные льготы и материальные поощрения: премии, путевки в санатории, пионерские лагеря детям, скидки на проезд ж/д и авиатранспортом (в некоторых случаях предоставлялся бесплатный проезд): *«выдавались путевки отцу в санаторий на озере Алаколь. Билеты на ж/д проезд по Казахстану всей семье были бесплатными. Детям выдавались путевки на туры по СССР», «льготный проезд на самолете по студенческому билету», «отец, как лучший тракторист, получал премии, вещи, деньги», «родителям выдавались путевки в пионерские лагеря детям», «отец лечился в санатории (от цирроза)», «ежегодное санаторно-курортное лечение», «путевки в санаторий, но отец не ездил», «мама получила путевку в санаторий».*

Следующий вид государственной поддержки – всевозможные награды (грамоты, медали, ордена, присуждение званий), которые можно отнести к морально-психологическому поощрению.

Активное награждение сельских жителей (казахов) является, на наш взгляд, попытками нивелирования обозначившегося экономического дисбаланса между городом и селом. Повышение экономического и особенно социально-профессионального статуса представителей титульного этноса становилось мерой удержания его в сельской местности.

Пятый вид помощи со стороны государства – предоставление детям сельских работников возможности получить образование (высшее, среднеспециальное, среднее). Часть респондентов обучалась в интернатах. Как указывалось, выше, практически все опрашиваемые после получения среднего (неполного среднего образования), имели возможность продолжить его в учреждениях среднеспециального или высшего образования. Обучающимся предоставлялись места в общежитиях (интернатах), стипендии, льготный проезд по студенческому билету.

И, наконец, еще один вид государственной поддержки – пособия и льготные пенсии, которые выдавались инвалидам, многодетным матерям, участникам ВОВ. *«Отец получал пенсию (60 рублей) как инвалид войны», «бабушка, как инвалид войны, получала пенсию», «мать получила Медаль Материнства», «мать награждена орденом Мать-героиня», «мать награждена медалью, как многодетная», «мать получила Алтын Алқа (золотая медаль). До этого за 5-х детей ее награждали Күміс алқа (серебряной медалью) (скорее всего, речь идет о Медалях Материнства I и II степени – авт.)», «получила орден Матери героини (13 детей)».*

Отдельно хотелось бы выделить государственную помощь, которая предоставлялась многодетным семьям. Многодетность отмечается в большинстве семей, а также у односельчан (в среднем 5–6 детей). В отдельных случаях указывается на наличие у соседей или родственников 11–12 детей. Отношение к многодетным хорошее, уважительное: *«многодетными родителями восхищались», «все уважали их, они с гордостью носили свои медали, везде многодетных матерей пропускали без очереди, относились с уважением», «относились к этим семьям все очень хорошо, возможно играло и время – послевоенная эпоха».* Респонденты вспоминают, что многодетным семьям оказывалась государственная поддержка в виде выдачи пособий, пенсий, одежды, продуктов, предоставления жилья, наград, знаков почета. Наряду с этим, помощь оказывали соседи, родственники.

Таким образом, в 1950–1960-е годы как городское, так и сельское население было охвачено всесторонней системой государственной поддержки. Она выражалась в виде предоставления жилья, всевозможных льгот и материальных поощрений, пособий и пенсий, обеспечения продуктами, одеждой, предметами быта. Советские труженики награждались грамотами, медалями, орденами, профессиональными званиями. Дети их имели возможность получить бесплатное образование.

Хотелось бы отметить, что многие респонденты – дети чабанов. Но, судя по ответам, одним оказывалась широкая и активная поддержка государства, другим – нет. Необходимо учитывать тот факт, что часть респондентов – люди преклонного возраста, а воспоминания касаются их детства. Возможно, респонденты не могут сейчас воспроизвести в памяти воспоминания, касающиеся государственной поддержки их семьям. Вполне вероятно, что родители не заостряли на этом внимания. Возможен и другой вариант интерпретации ответов респондентов: жилье, предоставление мест в интернате, бесплатное образование, стипендия, направление на работу и другое не расцениваются респондентами как меры государственной поддержки, а воспринимается ими как само собой разумеющееся.

Несмотря на сказанное, большинство опрошенных с благодарностью называют те или иные мероприятия по государственной помощи. Коротко спектр данных мер можно резюмировать словами одного из респондентов: *«бесплатное образование, бесплатная медицина, стабильная работа, стабильная заработная плата».*

Хотелось бы отметить, что многие респонденты – дети чабанов. Но, судя по ответам, одним оказывалась широкая и активная поддержка государства, другим – нет. Необходимо учитывать тот факт, что часть респондентов – люди преклонного возраста, а воспоминания касаются их детства. Возможно, респонденты не могут сейчас воспроизвести в памяти воспоминания, касающиеся государственной поддержки их семьям. Вполне вероятно, что родители не заостряли на этом внимания. Возможен и другой вариант интерпретации ответов респондентов: жилье, предоставление мест в интернате, бесплатное образование, стипендия, направление на работу и другое не расцениваются респондентами как меры государственной поддержки, а воспринимается ими как само собой разумеющееся.

Несмотря на сказанное, большинство опрошенных с благодарностью называют те или иные мероприятия по государственной помощи. Коротко спектр данных мер можно резюмировать словами одного из респондентов: «бесплатное образование, бесплатная медицина, стабильная работа, стабильная заработная плата». Именно ощущение стабильности и предсказуемости, а также позитивных ожиданий от будущего – главная ценность, полученная от государства поколением 1950–1960 гг. рождения.

Один из самых противоречивых сюжетов – оценка деятельности государства по созданию условий социального развития детей и поддержке семьи в период 1970–1980 годов.

Самым показательным стало следующее интервью – респондент, 1975 года рождения, место рождения – село в Семипалатинской области, настойчиво утверждал, что родители не получали никакой помощи от государства, хотя в семье родилось 13 детей (10 выжило). При этом, позже респондент отмечает, что: *«Да, получали (о помощи государства). Моя мама еще была депутатом, ездила на съезды в Москву. Была активной женщиной»* - отмечается противоречивость и неопределенность позиции и воспоминаний. Эта тенденция прослеживается и в ответе на вопрос «Ваш дом, в котором вы жили, кто предоставил вам?». Респондент сначала отвечает: *«Мы сами построили его»*, причем, так как он был одним из младших детей, вряд ли мог физически участвовать в строительстве. Затем он уточняет: *«Позже, уже за их вклад, труд дали им новый 4-комнатный дом»*. И, на дополнительный вопрос «Значит, получили жилье от государства?», отвечает *«Да»*. Дальнейшие расспросы показывают, что *«мама часто ездила по путевкам. Отец не любил такое. Мама ездила. Помню, была несколько раз в г. Железноводске. Да, это помощь государства. За хороший труд вклад в развитие. Путевки давали редко, поэтому мама старалась не пропускать»*.

Обращает внимание тот факт, что в одной фразе содержатся противоположные утверждения: *«мама часто ездила по путевкам»* и *«путевки давали редко»*. Также выясняется, что у матери было *«много нагрудных знаков, орденов, грамот у нее, какие, не помню»*. Очень показательное искажение сознания: так как «путевки», «почетные награды» и

даже «4-комнатный дом» противоречат личной установке респондента *«в советское время никакой помощи от государства не получали»*, то эти факты как бы вытесняются, исключаются из картины мира и о них респондент начинает говорить, только отвечая на уточняющие вопросы.

Респондент утверждает, что не помнит, говорили ли родители о роли государства, при этом – *«мама депутат и ездила на съезды в г. Москву»*.

Противоречие в оценке советского прошлого вновь выявляется в следующей фразе: *«В то время практически каждая семья была многодетной. Все общались тесно, все дети росли вместе, играли. Статус у них был высоким. В то время не было богатых и бедных как сейчас. Все жили равноправно»*.

Все это примеры когнитивных искажений, «подгонки» образов прошлого под мифологизированные обобщенные представления, которые были сформулированы в последующие годы. В личных воспоминаниях конкретные детали сохраняются отдельно от оценок, воспринятых извне. Этот внутренний конфликт не осознается и не рефлексировается – ни один респондент не сказал, что были свои плюсы и свои минусы, не попытался дать взвешенную или разностороннюю оценку.

Урбанизация как фактор формирования поколений. Практически все респонденты, родившиеся и выросшие в 1950–1960 годы в сельской местности, в настоящий момент проживают в городах Казахстана. Переезд в город был связан с получением высшего (среднеспециального) образования, устройством на работу.

Большинство респондентов отмечает, что из населенных пунктов, где прошло их детство, многие уехали. Население мигрировало в города страны, а также за рубеж. *«Сейчас там в нашем селе есть средняя школа, но, говорят, учащихся практически нет, дома остались заброшенными. Был крупным совхозом в свое время, сейчас осталось примерно 50–60 домов, где живут. Раньше этот совхоз занимался животноводством, земледелием. Сейчас из этого практически ничего нет»*, *«Актобе застраивается, со всех районов и сел сейчас переезжают сюда. Даже если нет своего жилья, снимают и живут в городе, села остались пустыми, безлюдными. Животноводство, земледелие все пришло в упадок»*, *«может быть, многие бы с удовольствием остались в деревне, но там нечем заняться, даже пасти скот нет места»*.

С одной стороны, отток населения из сельской местности – общереспубликанский тренд, с 1970-х годов казахи все более активно включаются в урбанизационные процессы. С другой стороны, ответы респондентов выявили проблему опустынивания и заброшенности многих сел вследствие социально-экономических проблем. Наибольший расцвет этих населенных пунктов пришелся на 1950–1960-е годы, то есть, на советский период.

Примерно с 1970-х годов оформляется устойчивый тренд на урбанизацию казахского населения, но еще тридцать лет казахи будут

составлять меньшинство городского населения в стране. Историческим исключением являются отдельные города южного региона – Кызылорда, Тараз. Данные переписей свидетельствуют, что в 1970 гг. доля казахов в общей численности городского населения составляла 17,2%, а в 1989 г. этот показатель составил 26,6%⁹⁰. И лишь в перепись 2009 года зафиксировано 56,6% казахов в общей численности городского населения Казахстана⁹¹.

Это явление подтверждается и в ответах респондентов, родившихся в 1970–1980 годы: все опрошенные проживают в городах (либо областных центрах, либо городах республиканского значения). При этом часть из них в этих городах родилась, но их родители были выходцами из сельской местности, а некоторые сами родились в селе, но переехали в города. Основным урбанизационным сценарий в этот период реализовывался по маршруту «место рождения (село и ПГТ)» – «ближайший областной центр», где располагались высшие учебные заведения, а также был относительно большой выбор профессионально-технических учреждений. Таким образом, типичной причиной и способом переезда в город становилась учебная миграция.

По словам участников исследования – урбанизационный выбор продолжили делать в последующие годы подавляющее большинство их земляков, в том числе родственников и знакомых, ровесников: *«Многие уехали в крупные города Казахстана – в Астану, Алматы, Семей, Павлодар, Караганду, кто-то переехал за рубеж», «99% родственников переехало в город», «В 90-е годы много людей уехало в город. Не было работы в поселке»* и т. д.

Следовательно, урбанизация казахов в последние десятилетия XX века происходит под влиянием многих факторов разного уровня: это и результат масштабного социально-политического и социально-экономического кризиса, вызванного распадом СССР, и необходимость получить профессиональное образование более высокого уровня (что практически невозможно было сделать, оставаясь в сельской местности), и эмиграционный отток представителей славянских этносов, в результате чего в городах возник дефицит квалифицированных специалистов, освободилось много рабочих мест, городское жилье стало значительно более доступным по цене. Появилась возможность отправить «первопроходцев» закрепляться в городах. Так возникают первичные «социальные базы» для последующего переселения всех родственников, и эта практика сохраняет свою актуальность и эффективность до сегодняшних дней.

⁹⁰ Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 19–21.

⁹¹ Этнический состав урбанизации в Казахстане: межпереписные изменения с 2009 по 2021 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-ethnic-profile-of-urbanization-in-kazakhstan-the-intercensal-change-between-2009-and-2021/?lang=ru>. Дата обращения: 04.06.25

Выводы:

- Для большей части поколений казахов, родившихся в 1950–1980 гг., характерны детство и юность, проведенные в сельской местности. Взросление в городской среде скорее является исключением, а не правилом;

- Структура родительских семей постепенно от традиционно расширенной начинает переходить к нуклеарной, но этот процесс идет достаточно медленно. Главной причиной торможения процесса такой модернизации является тот факт, что сельское домохозяйство в большей степени поддерживает устойчивые межпоколенные связи;

- Многодетность внутри казахского социума воспринимается как норма и самими респондентами объясняется не столько сельским образом жизни, сколько этническими особенностями казахов. При этом отмечается, что многодетность в этот период присуща и представителям других этносов – немцам, русским, узбекам, татарам и другим. Но, этот факт не порождает противоречия в этническом сознании;

- Несмотря на восприятие многодетности через этническую призму, отмечает изменение репродуктивных стратегий в сторону уменьшения числа детей от поколения к поколению. Респондентами не рефлексировались эти процессы, «городской репродуктивный стандарт» становится частью нормы;

- Традиции, воспринимаемые как семейные и этнические, устойчиво сохраняются. Этого нельзя сказать о религиозных практиках – советские атеистические установки проникают во внутренний мир семьи, религиозность связывается со старшими поколениями (бабушки и дедушки). Активная реставрация религиозных практик начнется только в 1990-е годы;

- Жилищные условия в детстве соответствуют доиндустриальному сельскому типу (отсутствие коммунальной инфраструктуры). Но такие признаки бытовой технологизации, как электрификация, радио, автотранспорт и т. д. становятся повсеместными;

- Уже с 1950-х годов формируется система базовых социальных услуг (медицинских и образовательных), которые становятся все более доступными в большинстве сельских населенных пунктов. Однако, качество этих услуг и разнообразие их выбора находятся в прямой зависимости от статуса населенного пункта, а контраст между селом и городом сохраняется и хорошо осознается;

- Различия в качестве базовых социальных услуг и уровне развития культурно-бытовой сферы становятся мощным мотивом урбанизации.

- Для поколений казахов 1950–1980 годов рождения социальная государственная поддержка являлась устойчивым перманентным фактором повседневной жизни. Однако, восторженно-благодарная оценка этой поддержки в 1950-1960-е годы, к концу советского периода эволюционирует к более сдержанным формам.

3.3 Поколение казахов 2000-х годов рождения: общие характеристики условий социализации

Внутренние факторы социализации

Условия ранней социализации. Семейные структуры. Анализ материалов интервью показывает неуклонный переход к семьям нуклеарного типа: *«Проживали с родителями, аташек и апашек рядом не было»* (Караганда), *«В детстве жила только с родителями, без апашек и аташек»* (Акмолинская область), *«С рождения живем с родителями»* (Астана), *«Жил всегда только с родителями»* (Карагандинская область), *«Жила с родителями, аташка с апашкой жили отдельно»* - такие и подобные ответы дали более половины респондентов. Показателен ответ респондентки из Актау: примерно до 4 лет проживала с родителями, братом, бабушкой и дедушкой. Потом стали жить отдельно: *«Переехали только своей семьей»*.

Другие варианты в основном связаны с драматическими или трагическими событиями (развод, смерть одного из родителей и т. д.): *«Проживала с мамой и бабушкой»* – смерть отца (Шымкент), *«После развода родителей и до повторного замужества матери проживал с ней и бабушкой»* (Усть-Каменогорск), *«Проживаю с матерью и старшими сестрами после развода родителей»* (Алматинская область), *«Росла с мамой и ее родителями»* – *«отца никогда не видела»* (ВКО), *«Когда младшим детям был год, погиб отец, некоторое (недолгое) время проживали с бабушкой и дедушкой»* (Шымкент), *«В основном детстве с бабушкой, с дедушкой, маму почти не видел – много работала»* – после смерти отчима (Кокшетауская область), *«Жила с мамой, бабушкой, сестренкой»* - развод родителей (Астана) и т. д.

Редко, но встречаются случаи сохранения многопоколенных структур именно как следование традиционным установкам – воспитания ребенка при активном участии других родственников (например, бабушек и дедушек): *«Проживала только с родителями, но, когда было 13 лет, к нам переехала бабушка»* (Шымкент), *«В детстве (до 5 лет) проживала с бабушкой, потом с родителями и сестрой»* (Карагандинская область), *«Жил с дедушкой и бабушкой в детстве. Потом жил с родителями и сестрами, братом»* (СКО), *«До лет 8–9 проживал в полной семье, то есть это дедушка, бабушка, мама, папа. После девяти лет у меня осталось только бабушка с мамой»* (ВКО), *«Отец – младший сын в семье, поэтому жили с его родителями «по традициям»* (Шымкент) и т. д.

Можно констатировать, что продолжается процесс модернизации семейных институтов, семья все больше нуклеаризируется, расширенные семейные структуры в ответах респондентов упоминаются все реже и, зачастую такие варианты не носят характер обыденных практик, а связаны с драматическими событиями.

Брачные практики и их оформление. Подавляющее большинство респондентов рождены и выросли в условиях «законного» брака – именно

такое понятие чаще всего используют участники исследования. Основная форма брака – регистрация в ЗАГСе, наиболее типичный ответ: родители в первом и единственном законном браке. Региональные особенности не фиксируются.

На уточняющие вопросы о религиозной церемонии заключения брака между родителей были получены следующие ответы: *«Брак родителей оформлен в загсе и в соответствии с религиозным ритуалом»* (Актау), *«Не уверен, была ли религиозная церемония, никогда не задумывался»* (ВКО), *«Как у всех казахов была мусульманская церемония»* (Петропавловск), *«На счет религиозного обряда не уверен»* (ВКО), *«Точно не знаю про религиозный, но точно в государственном браке»* (Шымкент), *«Родители в браке, брак официальный и религиозный»* (Кызылординская область), *«У родителей светский брак, оформленный в ЗАГСе – «законный» (по выражению респондентки)»* (ВКО).

В совсем единичных случаях респонденты отмечают, что их родители не состояли в браке: *«Родители в браке не состояли»* (Усть-Каменогорск), *«Родители не состояли в браке, отца никогда не видела»* (ВКО), *«Мои родители не в официальном браке. Официально не расписаны»* (Кокшетау).

Разводы родителей в семьях респондентов нельзя назвать большой редкостью: *«Родители расстались, предполагаю, что у отца были другие брачные отношения»* (Актау), *«Когда учился в 7 классе, родители развелись»* (Алматинская область), *«После развода родителей и до повторного замужества матери проживал с ней и бабушкой»* (ВКО), *«Родители развелись, когда мне было 2 года. Потом отец женился второй раз»* (Тараз), *«Родители всегда разводились, а потом обратно женились, три раза. До сих пор брак зарегистрирован, но они уже вместе не живут»* – при этом в семье пятеро детей (Шымкент).

Возможны как варианты с повторным браком (примеры приведены выше), так без него: *«Мать больше не вышла замуж так как брат-близнец был против, и эта тема со временем забылась и не поднималась»* (Шымкент), *«Родители были в браке, сейчас нет. Оба не создали другой брак»* (Актобе), *«Через год после моего рождения они (родители) развелись. Отец вступил в другой брак»* – мать в новый брак не вступала (Жезказган), *«Мама официально во втором браке, потому что в первом браке просто вместе жили»* – по сути, у матери первый зарегистрированный брак (Кокшетау).

Подводя итог, можно отметить, что институт брака в родительских семьях имеет все признаки модернизированного – респонденты с уверенностью говорят о государственной регистрации, но вопрос о религиозной церемонии зачастую вызывает сомнения. При этом довольно часто встречаются истории о разводах и повторных браках.

Репродуктивные стратегии родителей. Модернизация семейно-брачных институтов, отмеченная ранее, коррелируется и с изменением репродуктивных стратегий. Число детей в семьях респондентов очень вариативно – от одного до шести:

- «Единственный ребенок» (Тараз), «Единственный ребенок» (Костанай);

- «Двое детей, сестра и брат с разницей восемь лет» (ВКО), «Двое детей» (Карагандинская область), «Двое – брат и сестра, разница 16 лет» (Усть-Каменогорск);

- «Трое детей – два брата и младшая сестра, разница между детьми 9 и 3 года» (Петропавловск), «Трое детей – сестра, брат, сестра» (Алматы);

- «Четверо детей» (ВКО);

- «Пять детей – четыре брата и сестра (самая младшая)» (ВКО);

- «В семье шесть детей» (Актау).

Так как исследование носит качественный, а не количественный характер, то распределение по числу детей в семьях респондентов не является статистически точным. Однако, можно отметить, что наиболее часто встречаются варианты три, два и четыре ребенка (в порядке убывания количества зафиксированных ответов). При этом число респондентов из семей с единственным ребенком и семей с шестью детьми практически равное (по 6–7 ответов). То есть, число детей в семьях этого поколения стремится к средним показателям от двух до четырех, малодетные (один ребенок) и многодетные семьи (шесть детей) фиксируются как более редкие случаи.

Вариативность отмечается и в том, как участники исследования определяют «репродуктивную норму»:

- «Много было семей, где один ребенок, только один ребенок» (Усть-Каменогорск), «Два ребенка в семье – это нормально, в окружении было где по три ребенка, где по одному» (ВКО), «В основном у всех было два ребенка. Нормально был жить одному, сестренка появилась, когда мне было 16 лет» (Усть-Каменогорск), «Максимальное число детей в семьях соседей – трое. Многодетных семей в окружении не было. Обычное число детей в семьях ровесников – двое» (ВКО);

- «В среднем - трое, четверо детей» (ВКО), «В окружении по 3–4 детей в семьях» (Караганда), «В среднем 4–5 детей» (Актау), «В среднем, было так же, как и у нас - четверо, либо трое» (Шымкент), «В социальном окружении много детей в семьях, от трех и больше. Среди родственников от трех детей начинается. У некоторых пятеро, семь детей уже. Это для нас нормально» (Туркестанская область), «Четверо-пятеро детей в среднем в социальном окружении» (Жезказганская/ныне Улытауская область), «В окружении 5–8 детей в семье» (Туркестанская область).

Отдельно выделим следующий ответ: «В среднем два, максимум три ребенка. Были конечно семьи, где было больше детей, но их было мало. Двое, трое считалось нормой. Но когда училась в 6–7 классе, я заметила, что многодетных семей стало больше, был какой-то бум, возможно, пособия увеличили за количества детей. Именно поэтому был какой-то бум, иметь больше четырех детей» (Астана).

Ответы демонстрируют два варианта, где репродуктивной нормой может выступить как малодетность или среднедетность (модернизированный

вариант), так и многодетность (традиционный вариант). Нельзя не отметить региональные различия в «репродуктивных стандартах» – материалы интервью служат иллюстрацией к статистическим данным, отражающим региональную поляризацию⁹² репродуктивного поведения, характерную для первой четверти XXI века.⁹³

Некоторые респонденты отмечают отличия по числу детей в семьях их родителей или бабушек и дедушек (фактически, поколения 1950–1960-х и 1970–1980-х годов) и делают акцент на «традиционной многодетности»: *«У моих родителей тоже было их двое в семье, и у папы, и у мамы. Больше детей было только в семьях у моих апашек и аташек»* (Усть-Каменогорск), *«У старшего поколения было побольше, там 3–4 детей, бывало. И я тоже так хотела, чтобы было больше братишек и сестер. А у родителей много детей в семьях было. У папы в семье семь детей, он самый младший, у мамы - три ребенка»* (Алматы).

Иногда в ответах респондентов звучали объяснения многодетности в предыдущих поколениях: *«У бабушки с дедушкой шестеро детей, потому что не было никаких мер предохранения»* (ВКО), *«У бабушки с дедушкой 13 детей. Они пасли скот, жили на джайляу в юрте, нечем было заняться, вот и рожали детей»* (ВКО), *«У бабушки было 9 детей. Сейчас у молодежи цель – купить жилье, машину, посмотреть мир, развиваться, а раньше другие цели были – родить много детей, увидеть внуков»* (ВКО), *«С папиной стороны было 13 детей, с маминой стороны – 9 детей»* (Жезказганская/ныне Улытауская область).

Пояснения многодетности, которые респонденты давали инициативно (то есть, специальный вопрос не задавался), позволяют сделать следующие предположения. Во-первых, для многих представителей поколения 2000-х годов большое число детей в семьях – это исторический атрибут других жизненных условий, которые остались в прошлом. Их ответы констатируют модернизацию репродуктивного сознания. Во-вторых, хотя процесс такой модернизации протекает регионально неравномерно – наиболее интенсивно в восточных регионах, – тем не менее, он постепенно получает распространение по всей территории страны.

Дуализм естественного воспроизводства населения определяют два противоположных, но неразрывно связанных процесса – рождаемость и смертность. Это одна из причин, по которой респондентам задавался о вопрос о первом случае смерти среди родных или близких, который они могут вспомнить. Вторая причина – это возможное социализирующее влияние опыта утраты, как неотъемлемой части взросления.

⁹² Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н., Столярова Э. О., Краснобаева Н. Л., Өмірзақ Т. Е. Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы. Усть-Каменогорск, 2022. 515 с.

⁹³ Аубакирова Ж. С., Столярова Э. О., Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Итоговый аналитический отчет по результатам социологического исследования. Алматы: ОО "общество инвалидов "МЕЙІРІМДІ ЕЛ", 2023. - 435 с.

Социальные и социализирующие аспекты смертности. Анализ ответов участников второго этапа исследования позволил зафиксировать следующие варианты, отражающие различный опыт первого столкновения со смертностью.

Первый и наиболее частый вариант – уход из жизни представителей самого старшего поколения семьи: *«Первая смерть – дедушка»* – респондентка училась по втором классе (Караганда), *«Бабушка со стороны мамы»* – респонденту было 5–6 лет (Мангистауская область), *«Прабабушка»* – респонденту было 14 лет (Мангистауская область), *«Аташка с апашкой в возрасте 60 лет»* – респондентке 10 лет, *«Аташка со стороны мамы»* – респондентке 20 лет (Акмолинская область) и другие схожие ответы. В большинстве подобных ситуаций респонденты присутствовали на ритуале прощания (*«На похороны ездили всей семьей»* – Петропавловск). По мнению многих психологов участие детей старше 6–7 лет в похоронных традициях является важным фактором приобщения к культуре и формирования социально-родственных связей, обучения совместному переживанию не только радостных, но и горестных событий, а также культурно приемлемым формам выражения различных эмоций.

Другой, более редкий, но более трагичный для респондентов вариант – смерть одного из родителей. Такие случаи для участников опроса не так и редки, в основном речь идет о потере отца: *«Отец (умер), через год после смерти дедушки»* – респонденту было 19 лет (Алматинская область), *«Когда учился в 7 классе умер отец»* (ВКО), *«Мне было 12, когда умер отец»* (Жамбылская область), *«Учился в 7 классе, когда умер отец»* (ВКО), *«Первая смерть близкого человека в 20 лет – отец»* (Алматы), *«Трагично – это смерть отчима, это отец моего младшего брата, который средний ребенок. Получается вот когда он погиб, мне было 17 лет»* (Кокшетау).

Отдельно нужно отметить случаи, когда респонденты говорили о смерти братьев, сестер или схожих ситуациях: *«Мне было 18 – смерть брата»* (ВКО), *«Две беременности матери окончились неблагополучно: нас в семье должно быть семь детей»* (Кызылординская область), *«Один ребенок умер в младенчестве, старший брат 1992 года внезапно умер в 2022 году, сейчас трое детей осталось»* (Шымкент).

Реже всего встречается вариант, когда респонденты к моменту достижения совершеннолетия отвечали, что у них нет опыта переживания смерти близких: *«Такого у меня еще не было»* (Шымкент).

Таким образом, практически все респонденты имеют опыт потери близких. Смерти в семьях, по воспоминаниям участников исследования, отмечаются в трех-четырех поколениях – первое и второе поколение бабушек-дедушек (прабабушек-прадедушек), то есть, ориентировочно послевоенное поколение; третье поколение родителей, и здесь важно отметить частоту мужской смертности – смертности отцов респондентов, ориентировочно, это поколение 1970–1980 гг.; четвертое поколение самих респондентов.

Как уже отмечалось выше, смерть близких – это не только вероятный травмирующий фактор (не всегда респонденты маркируют эти факты сильными эмоциональными переживаниями), но и важный элемент социализации, приобретения знаний о практиках поведения в подобных ситуациях.

Подводя итог анализа материалов интервью в части описания респондентами условий ранней социализации можно отметить, что в ответах нашли отражения такие демографические процессы как рождаемость и смертность, а также представления о семейно-брачных институтах и репродуктивных «стандартах», характерные для родительских семей. По всем обозначенным позициям в родительских поколениях отмечается процесс модернизации традиционных норм, хотя он и имеет некоторые региональные различия. Далее будет рассмотрено, находит ли это отражение в семейно-брачных и репродуктивных установках самих участников исследования.

Семейно-брачные и репродуктивные установки. Условно можно выделить следующие варианты семейно-брачных и репродуктивных установок, которые отражают наследование/возрождение традиций или процесс дальнейшей модернизации. Но, некоторые позиции респондентов скорее описываются как гибридные формы. За единичным исключением все респонденты на момент проведения исследования еще не создали собственные семьи и не имеют детей.

1. Вариант наследования или возрождения семейно-брачных и/или репродуктивных установок предыдущих поколений:

- Семья родителей многодетная (четверо детей). Планирует 3–4 детей. Придерживается религиозной формы брака (ВКО);

- Семья родителей не многодетная. Планирует 3–4 детей, возможно, будет многодетной матерью – «сама люблю детей». Придерживается обеих форм брака, но на первое место ставит светский брак (ВКО);

- Семья респондента многодетная (5 детей). Семья бабушки с дедушкой многодетная (8 детей). Планирует 4–5 детей, первого ребенка – сразу после свадьбы. «Думаю, это хорошо, иметь много детей, увеличивается численность народа, развивается демография». Придерживается обеих форм брака (Тараз);

- Семья респондента многодетная (4 детей) – «У нас практически все многодетные, у всех по 4–6 детей». В планах создание семьи и рождение 3–4 детей (Шымкент);

- Семья респондента не многодетная. В планах замужество и материнство (рассматривает возможность многодетности). Знает о государственной помощи многодетным. «Государство распределяет деньги многодетным по школам, школы, в свою очередь, обеспечивают бесплатным питанием и выдают деньги в виде пособия» (Тараз);

- Семья респондента многодетная (5 детей). Создание семьи в планах «когда закончу учебу и устроюсь на работу». В планах не менее 4 детей. «Сын

обязательно нужен, если будет четыре девочки – сын будет пятым и так далее» (Усть-Каменогорск);

- Семья респондента не многодетная. Планирует создание семьи в 24 года, материнство – в 25 лет, хочет 5 детей (Алматы);

- Семья многодетная (6 детей), планирует создание семьи в 21 год. Планирует 3–4 детей. Первого ребенка сразу после свадьбы. Придерживается обеих форм брака – светской и религиозной (Туркестанская область).

Приведенные выше примеры оказывают, что, во-первых, респонденты, ориентированные на многодетность, чаще сами происходят из многодетных семей (хотя, есть и исключения) и в этом случае происходит прямое наследование традиции многодетности. При этом многие респонденты хорошо осведомлены о формах государственной поддержки многодетности. Можно предположить, что в таком репродуктивном выборе присутствует достаточно прагматичный элемент. Тем более, что по большей части этот вариант фиксируется в южных регионах, где существуют серьезные проблемы на рынке труда и выбор многодетности может быть обусловлен желанием таким образом получать дополнительную материальную поддержку семьи.

2. *Вариант модернизации семейно-брачных и/или репродуктивных установок (установка на профессиональную, экономическую самореализацию, высокие требования к условиям воспитания детей, вероятный отказ от многодетности):*

- Родительская семья многодетная. Желаемое число детей – трое. Предполагаемая форма брака – светский и религиозный. Создание семьи – после достижения возраста 25 лет (ВКО);

- Семья респондента не многодетная. В планах создание семьи, двое детей. *«Семью желательно создавать уже получив профессиональное образование»*. В отношении планируемой семьи и детей высказала следующие мнения: *«жить отдельно от родителей обязательно для того, чтобы создать свою семью»*, *«мой ребенок рос в благополучной, понимающей семье»*, *«хочется, чтобы было собственное жилье и финансовая независимость»*. Придерживается светского брака. *«Религиозная церемония может быть, но для меня это серьезного значения не имеет» (Актау);*

- Семья родителей не многодетная. Отношение к многодетности отрицательное: *«если семья бедная, но многодетная, то это говорит о низком уровне образования семьи, так как в основном они надеются на помощь государства. Я больше за качество, нежели за количество»*. Первого ребенка планирует после замужества через 2 года: *«пожить для себя два года после замужества, поднакопить» (ВКО);*

- Замужество и материнство не планирует. *«Я не хочу детей. Нет такого желания, что мне нужен наследник, что я должна родить. Кто мне там стакан воды принесет и так далее. Материнского инстинкта по факту не существует. Я за это не беспокоюсь»*. *«Сначала реализовать за себя как специалист, найти свое дело, увидеть мир»*. Придерживается светского брака (ВКО);

- Семья респондентки не многодетная. Планирует создание семьи в 23–25 лет. Планирует двоих детей. Первого ребенка – к 30 годам. До рождения первого ребенка хочет путешествовать с мужем, получить дополнительное образование, развить себя или открыть бизнес. На первом месте – религиозный брак, но считает, что нужен официальный брак для «страховки» женщины (Астана);

- Семья респондентки не многодетная. Планирует создание семьи в 25–30 лет. В планах 2–3 детей, первый ребенок в 26–31 год. *«Необходимо профессиональное образование, стаж, как минимум, 3 года, чтобы после декрета можно было выйти снова на работу»*. Предпочитает регистрацию в ЗАГСе, потом религиозный брак. *«Никах не имеет никаких юридических сил, ты потом не сможешь доказать, что была в браке, во-первых. Во-вторых, в случае развода, ты никак не докажешь. И есть высокая уверенность, что ты не получишь никаких алиментов»* (ВКО);

- Семья респондентки не многодетная. Планирует замужество в 25 лет, двоих детей. Считает, что государство не обязано заботиться о многодетных семьях. *«Каждый рождает детей для себя»* (Тараз);

- Семья респондентки не многодетная. Планирует замужество после 25 лет, двоих детей. *«Сначала нужно получить хорошее образование, тем более, девушкам нужно хорошо познать себя, тогда и с выбором супруга не ошибешься»* (Астана);

- Семья респондентки многодетная (4 детей). В планах нет создание семьи (Шымкент);

- Семья респондента многодетная (6 детей). Планирует создание семьи после 25 лет. В планах не более 3 детей (Караганда);

Семья респондента многодетная (4 детей). Планирует замужество в 25 лет. *«Когда будет стабильная средняя зарплата, стаж надо набрать, отработка 3 года гранта»*. Планирует 2–4 детей. Придерживается светского брака (Шымкент);

- Семья респондента многодетная (5 детей). Создание семьи до 25 лет, планирует трое детей (не хочет иметь многодетную семью, считает идеальным семью с тремя детьми). *«Сразу жениться после окончания учебы не планирую, сначала надо найти работу и накопить на свадьбу»*. Будущую жену представляет, как девушку с высшим образованием, настроенную на карьеру. *«Нормально сначала выстроить карьеру и получить хорошее образование, и только потом создавать семью»*. Придерживается светского брака (Актобе);

- Семья респондента не многодетная. Создание семьи в долгосрочной перспективе. В планах один ребенок. *«Помимо того, что нужна любовь, наверное, своя жилплощадь, также устойчивое финансовое состояние, стабильная работа»* (Усть-Каменогорск).

Самый частый выбор участников исследования, когда вопросы касались семейно-брачных и репродуктивных установок, явно несет на себе отпечаток модернизации. Причем зачастую респонденты – это уже второе поколение (родительские семьи не многодетные), утратившее многие значимые

традиционные нормы и практики. Четко прослеживается рациональный и прагматичный подход к созданию семьи и рождению детей. В ответах хорошо виден высокий уровень запросов на самореализацию и учет личных потребностей, что принципиально отличает от традиционных установок на коллективные «интересы рода».

3. *Гибридные формы семейно-брачных и/или репродуктивных установок, сочетающие элементы традиции и модернизации:*

- Семья родителей не многодетная. Планирует создание семьи в 22–25 лет, первого ребенка планирует в 23–25 лет. Придерживается религиозной формы брака (ВКО);

- Семья родителей многодетная (шестеро детей), планирует создание семьи в 25 лет, планирует 4–5 детей. Первого ребенка планирует в 26 лет. *«Думаю о работе, устроится на работу, построить карьеру»*. Придерживается светской формы брака (Актау);

- Семья респондента не многодетная. Женат, ждут первенца. *«Сначала жена говорила, что хочет 10 детей. После первой беременности мнение изменилось, готова родить не раньше, чем через 5 лет. Все будет зависеть от нашего с женой здоровья»* (Алматы).

Гибридные формы семейно-брачных и репродуктивных установок – это свидетельство продолжающихся в настоящее время процессов трансформации казахского социума.

Линейные причинно-следственные связи с установками родителей далеко не всегда прослеживаются. Но, важно учесть, что практически у всех респондентов семьи бабушек и дедушек были многодетными. В то же время заметно, что многие из респондентов, демонстрирующих модернизированные установки на семью, брак и родительство, уже происходят из не многодетных семей, то есть, процессы модернизации этих институтов начались раньше.

Для уточнения репродуктивных ориентиров респондентов им задавался уточняющий вопрос об отношении к многодетности. Некоторые ответы уже были приведены выше. Но, хотелось бы на этом аспекте остановиться отдельно.

В целом, никто из респондентов не делал прямых заявлений об отрицательном отношении к многодетности. Напротив, в ответах можно встретить такие слова: *«Многодетные семьи увеличивают численность населения в нашей стране»* (ВКО), *«Дети играют друг с другом, являются друзьями, доверяют тайны (в многодетных семьях)»* (ВКО), *«Все удивляются и умиляются, когда слышат количество детей многодетных»* (Актау), *«Думаю, это хорошо, иметь много детей, увеличивается численность народа, развивается демография»* (Тараз), *«Думаю, это хорошо иметь много детей, будут друг друга поддерживать. Только родные могут по-настоящему понять и поддержать»* (Туркестанская область), *«Иметь много детей, воспитать, вырастить их – это огромный труд, за это, я считаю, они достойны уважения»* (Мангыстау).

Два подхода к репродуктивной самореализации – традиционный и модернизированный – ясно отражены в ответах респондентов. Традиционный

подход ориентирует на общие интересы этноса и рода. Как следствие, формируется представление об обязательствах по отношению к многодетным семьям со стороны государства и общества. В наиболее упрощенной форме эта установка приобретает характер иждивенчества, а ее распространение приводит к росту социальной напряженности.

Модернизированный подход подразумевает ориентирование на индивидуальные потребности детей и родителей. А это, в свою очередь, предполагает личную ответственность.

Двойственность, гибридность репродуктивного мышления можно увидеть в таком ответе: *«С одной стороны, растет число казахов, но они не должны просить деньги у государства, для себя рожают» (ВКО).*

По-видимому, значительное влияние на поколение респондентов оказывают внешние факторы – урбанизация как таковая или выраженная в форме учебной миграции в города приводит к отрыву от традиционных сельских устоев, актуализирует необходимость адаптации к городскому образу жизни. Выстраивание новых социальных связей по месту учебы происходит в основном в кругу сверстников, что также нарушает привычную иерархию, характерную для традиционных расширенных семей. Вероятно, очень серьезное влияние на установки изучаемого поколения оказывает и открытое информационное пространство, разнообразие форм социальной самореализации, которое оно демонстрирует.

Итак, поколение 2000–х гг. рождения испытывает воздействие факторов разного генезиса. С одной стороны, семейные традиции, с другой – влияние внешней среды. Передача и закрепление традиций происходит не только под влиянием непосредственного семейного окружения, но и более широких родственных связей. Этот фактор в современном казахском социуме по-прежнему играет большую роль, о чем свидетельствуют приведенные ниже материалы.

Внутренние социокультурные факторы (семейные традиционные и религиозные практики). Семейная периферия: родственные связи. Помимо собственно семьи, в ее расширенной или нуклеарной форме, в социуме издревле формировались структуры семейной периферии – система внешних семейных связей, которая была призвана выполнять защитную, поддерживающую функцию. Вместе с тем существование семейной периферии накладывало и значительное число взаимных обязательств, а также давало родственникам возможность, до известной степени, контролировать поведение членов семьи.

Таким образом, традиционная семейная периферия обладает двойственной природой – с одной стороны, это страховка на случай форс-мажорных обстоятельств, механизм солидаризации широкого круга людей, связанных даже дальними родственными узами, а также основной инструмент поддержания целостности рода. С другой стороны – это система внешнего социального контроля, регламентирующая повседневные практики семейного быта. Вместе с модернизацией и урбанизацией приходит не только тренд на

нуклеарные семьи, но и постепенное размывание традиционной семейной периферии. Это длительный процесс и на ранних этапах его признаки не так легко выявить и зафиксировать.

Подавляющее большинство респондентов подчеркивают теплые отношения с родственниками, которые сопровождали их детские и юношеские годы. На вопрос о семейных традициях обычно перечисляются совместные праздники – Кудалык, различные традиционные казахские мероприятия, связанные со сватовством и т. д.

Помимо праздников еще одной распространенной формой родственного взаимодействия является совместное решение бытовых проблем или ведение бизнеса.

Как важный признак модернизации можно отметить смешивание этнических казахских обрядов и культурно заимствованных праздников: *«Праздновали дни рождения, Новый год совместно с родственниками с обеих сторон. Поездки на отдых вместе с другими родственниками с семьей, каникулы. В прошлом году съездили на Коныр аулие, так называется место с большой горой, у нее вход в пещеру и в самом низу пещеры. Есть пещерное озеро там очень холодное. Нужно три раза погрузиться. Сакральное место - святым считается»* (ВКО), *«Очень часто встречаемся с родственниками. Каждую неделю к нам приезжали. Каждые выходные жарили шашлыки, либо выезжали за город»* (Усть-Каменогорск), *«Хорошее общение с родственниками мамы. Собирались вместе на национальные и религиозные праздники, Новый год, 8 марта. Ходили без приглашений друг к другу, все понимали, что это праздник и двери открыты»* (Карагандинская область).

Интересно, что некоторые респонденты отделяют понятие этнических традиций от традиций сугубо семейных: *«Дома была традиция семейных ужинов, не принято кушать вне дома»* (Актобе), *«Я помню, что у нас с родственниками были очень теплые отношения, именно со стороны мамы. Мы каждую субботу, то есть каждую неделю все собираемся вместе и просто пьем чай, разговариваем. И я с детства часть именно, конкретно вот этой семейной традиции»* (ВКО), *«У нас была семейная традиция каждое первое января ходить на каток кататься на коньках. Каждый месяц мы накрываем праздничный стол, готовим бешбармак. Мы не собирались особо с родственниками»* (Жезказган) – это так же можно интерпретировать как влияние модернизации – отделение своей семьи от родовых объединений.

Но, самые явные изменения выявляются при анализе ответов на два вопроса: «Нужно ли сохранять все традиции в современной жизни?» и «Будет ли Ваша семья отличаться от семьи Ваших родителей?».

Отношение к сохранению этнических традиций. Некоторые респонденты подчеркивали этнический характер традиций и их значение для сохранения культурной идентичности: *«Я считаю, что необходимо сохранять традиции прошлого, потому что мы казахская нация, и поскольку мы казахи, мы должны жить с этими традициями. Каждый народ особенный со своими*

традициями, поэтому я считаю, что их нужно сохранять, а чтобы их сохранить, я считаю, что каждая семья должна максимально использовать эти традиции в своей повседневной жизни» (ВКО), «Все традиции не нужно сохранять, но самые важные нужно, которые позволяют нам сохранять свой национальный код. Как нация мы должны сохраниться. Этностиль нужно продвигать» (Петропавловск), «Какие-то традиции, думаю изжили себя, но вот основные, мне кажется, надо знать. Их надо знать, чтобы мы не потеряли свою историю. Еще мы разговариваем больше на русском. В основном используем русский язык для общения, читаем книги больше на русском, и какие-то мысли свои выражаем тоже на русском. И если я своим детям буду говорить на русском, тогда они вообще не будут знать родной язык. И за это очень переживаю» (Алматы), «Хотелось бы соблюдать традиции, это колорит нашей культуры. Мы останемся казахами, если будем соблюдать в будущем эти традиции» (Мангистауская область).

Пожалуй, наиболее полно общую идею передает следующий короткий ответ: *«Мы все-таки казахская семья и у нас очень крепкие семейные узы до сих пор» (Туркестанская область).*

Религиозный фактор сохранения традиций. Одним из факторов, который в процессе социализации определяет выбор нового поколения между традицией и модернизацией, являются религиозные установки в родительской семье. В ответах респондентов можно условно выделить три подхода:

1. Большое, и даже главенствующее значение религии в повседневных семейных практиках и жизни респондентов:

- «Религия у нас на первом месте. Мы придерживаемся ислама. Сейчас молодежь немного испортилась, они не серьезно относятся к религии. Есть конечно, кто придерживается религии, веры. Но в основном, сами знаете, всякими плохими вещами занимаются» (Туркестан), «Религия играет значительную роль в нашей семье» (ВКО), «Мы мусульмане, и я хожу в мечеть каждую пятницу» (Карагандинская область). Практически во всех приведенных примерах религиозные установки – это не столько индивидуальный выбор респондентов, сколько следование традиции «Мы – мусульмане».

2. Значение религии признается, но она не играет большой роли в родительской семье и/или жизни респондентов: *«Ни папа, ни мама не читают намаз, отношение нейтральное» (Мангистауская область), «Мы не фанатики, мы почитаем традиции, но, когда речь заходит о хиджабах и тому подобном, папа не в восторге, мама тоже» (ВКО), «Нас с маленьких лет не воспитывали по религиозным обычаям. У каждого был свой свободный выбор. Никто никого не принуждал» (Тараз).*

3. Отношение к религии равнодушное, в некоторой степени даже отстраненное: *«В детстве религия в семье никакой роли не играла – бабушка атеистка. Религия не интересует».* О посещении школы имамом – *«принуждение к религии».* По своей инициативе в мечеть не ходит – *«исключительно из уважения к отцу и маме. Хотя они сами ходят раз 3–4*

в год». Свою позицию определяет так: *«Мне по религии ничего не интересно»* (Усть-Каменогорск), *«Мои родители люди советского периода. В то время мы знаем, что всем твердили, религия – опиум. У них нейтральное отношение к религии»* (Костанай), *«Не верю, я атеистка»* (Кокшетау), *«Я атеист. Не знаю, семья религиозная ли, но как будто бы нет»* (Кокшетау).

Обобщая изученные материалы интервью, можно сказать, что наиболее типичный для респондентов взгляд на религию – это присутствие в жизни определенных религиозных элементов. Но, религия не является системообразующим фактором их мировоззрения. Скорее, это часть идентичности, не определяющая личность в полной мере. Нельзя не обратить внимание на тот факт, как часто респонденты подчеркивают – «мы верующие, но не фанатики». Такие понятия, как «фанатизм», «фанатики», подразумевающие строгое следование религиозным канонам в повседневной жизни, употребляются исключительно в негативной коннотации.

В завершении этого сюжета хотелось бы привести два ответа, диаметрально противоположно трактующих отношение между религией и этнической идентичностью:

- *«Мне кажется, необязательно соблюдать все традиции. Многие традиции пришли с язычества и сейчас они противоречат во многом исламу»* (Шымкент).

В этом случае народные этнические традиции практически противопоставляются религиозным канонам и, следовательно, возникает противоречие между этнической и религиозной идентичностью. Позиция следующего респондента, напротив, интерпретирует религию как адаптированный элемент этнической идентичности.

- *«Религия у нас играет неоднозначную роль. Я бы сказала, то есть – люди верующие, но я бы, наверное, сказала, что мы верующие в плане как казахи, то есть у нас нет такого более арабского ислама, а он более такой казахский традиционно казахский»* (ВКО).

Таким образом, отношение к религии, которое демонстрируют респонденты, только на первый взгляд может выглядеть гомогенным – *«Мы казахи и поэтому мусульмане»*. По сути, в религиозных установках казахской молодежи содержатся серьезные противоречия, которые выходят за рамки выбора между традицией и модернизацией.

Проекция будущей семьи респондентов. В некоторых случаях респонденты на вопрос «Будет ли Ваша семья отличаться от семьи Ваших родителей?» дают ответа – *«Моя семья будет похожа на семью моих родителей»* (и различные вариации этой мысли): *«Моя семья будет такой же как семья наших родителей, те же традиции, все будет продолжаться»* (ВКО).

Такая позиция точно соответствует традиционным установкам – критика родителей и старших недопустима, их правота не может подвергаться сомнению. Но, зачастую, в ответах можно видеть косвенную или даже прямую критику родительской семьи.

Разнообразие региональной принадлежности респондентов, которые озвучивали подобные мнения, позволяет делать вывод, что переоценка традиционных семейных ценностей стала распространенным трендом модернизации общественного сознания нового поколения казахов.

Выводы:

- Уже на уровне родительского поколения отчетливо видно влияние модернизационных процессов на семейно-брачные институты и репродуктивные практики. Социальные потрясения конца XX века не прошли бесследно и повлияли на повседневные практики социально-активных поколений того периода;

- Многие респонденты наследуют семейно-брачные и репродуктивные установки родительской семьи. Но, так как процесс модернизации частично охватил уже предыдущие поколения, то и наследовать новое поколение может не только традиции в классическом научном смысле этого понятия, но и уже модернизированные практики: нуклеарная структура семьи, среднедетность и малодетность, критическое и ревизионистское отношение к этническим традициям и религии;

- Для подавляющего большинства респондентов содержанием процесса социализации стал поиск баланса между традицией и модернизацией, даже если этот факт не всегда ими осознается. Выглядит это как стремление сохранить хотя бы часть этнических традиций и зафиксировать этническую идентичность, не желая при этом отказываться от новых возможностей, которые предоставляет модернизация.

Внешние факторы социализации

Жилищные условия в детстве. Процессы социализации реализуются в определенном материальном пространстве, которое формирует практики повседневной жизни и обладают инерцией сохранения даже тогда, когда внешние условия меняются. Поэтому было важно зафиксировать, как респонденты описывают и оценивают жилищные, бытовые и социокультурные условия, а также доступ к базовым социальным услугам (медицина и образование), в которых проходило их взросление.

Давая общую характеристику этим условиям, авторы исследования условно разделили их на три группы:

- *Сельская среда* подразумевает проживание в частном доме, частичное или полное отсутствие централизованных коммунальных услуг, как-то отопление, водоснабжение и канализация и т. д. Наличие хозяйственных надворных построек, огорода. Кроме того, так сельские населенные пункты немногочисленны по сравнению с городами, предполагается довольно узкий круг внешних, внесемейных коммуникаций. При этом социальные контакты носят более близкий и глубокий характер, что делает внешний социальный контроль более значимым элементом социализации и способствует закреплению традиционных практик;

- *Городская среда* предполагает проживание в многоквартирных домах с полным комплексом централизованных коммунальных услуг, в густонаселенных микрорайонах, где значительная часть окружения остается незнакомым, а внешний социальный контроль снижен. Как дополнительный вариант – коттеджные постройки, интегрированные в городские коммунальные сети или имеющие современное автономное коммунальное оборудование.

В то же время, для города характерно расширение круга контактов и повседневных взаимодействий за пределами семейных отношений. Такие условия могут способствовать более быстрой модернизации традиционных установок;

- *Гибридный вариант* может иметь место, если респондент проживал формально в городе, но при этом сохранялся практически сельский образ жизни (частное домостроение, неполное подключение к централизованным коммунальным сетям, пространственная отдаленность от районов городской застройки, отсутствие налаженной системы общественного транспорта или перебои с ним и т. д.). Эта ситуация характерна также для сельских населенных пунктов, прилегающих к черте ближайшего крупного города, например, областного центра. Как подвариант можно рассматривать проживание в поселках городского типа или моногородах, когда в окружающем пространстве смешиваются отдельные элементы городской и сельской среды.

Исходя из этой условной классификации можно отметить, что более трети респондентов социализировались непосредственно в сельских условиях, несколько меньшее число участников опроса – коренные горожане, хотя бы в первом поколении, третья группа – меньшая по численности, но достаточно хорошо представленная, – это те, чей процесс взросления происходил в гибридных условиях. На момент участия в исследовании все респонденты проживают в городах, главным основанием переезда является получение профессионального, в основном высшего, образования.

Таким образом, подавляющее большинство участников опроса имеют опыт проживания в сельских или приближенных к сельским условиям. В то же время все респонденты находятся под достаточно сильным модернизирующим влиянием городской среды⁹⁴ и нельзя не отметить стремление большинства участников исследования презентовать себя как городского жителя.

Далее представлены некоторые примеры того, как сами респонденты описывают жилищно-бытовые условия, в которых проходили их детские и юношеские годы.

Сельская среда: *«Деревенский дом без удобств, надворные постройки для скота. Благоустроенных домов в селе не было»* (ВКО), *«Проживание в*

⁹⁴ Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Издание 2-е, дополненное. – Усть-Каменогорск: Издательство «Медиа-Альянс». 2021. 131 с.

частном доме (три комнаты и кухня – респондент характеризует его как большой и просторный)» (Абайская область/ВКО), «Большой сельский дом, шесть комнат, кухня. В деревне все дома саманные, с печным отоплением, без водопровода и канализации. Многоэтажных домов не было» (СКО).

Городская среда: *«В детстве проживала с родителями в 3-комнатной квартире в многоквартирном (5 этажей) благоустроенном доме» (СКО), «Проживали в двухкомнатной квартире, полученной родителями от предприятия» (Карагандинская область), «Проживали в четырехкомнатной квартире многоквартирного дома» (Шымкент), «Жили в многоэтажке. Вода, свет, тепло всегда было доступно» (Жанаозен), «Нашим первым домом была маленькая однокомнатная квартира в многоэтажке» (Тараз).*

Гибридный вариант: *«С раннего детства проживает в частном доме, сейчас дом благоустроен (есть отопление и водопровод). В детстве пользовались колодцами. Сразу после переезда жили во «временке», потом построили этот дом» (Актау), «Проживание в «земляном доме» (вероятно, саманное строение), 8 комнат, газифицирован, стационарный телефон. В поселке было несколько 5-этажных домов» (Кызылординская область), «Жили в частном доме с печным отоплением, вода была проведена в дом, но центральной канализации не было, многоэтажных домов не было» (г. Иссык, Алматинская область), «У нас не было центрального отопления, вода была в доме, но туалет был на улице» (Шымкент), «У нас 4-комнатный дом, сначала не было газа, мы топили углем, воду раньше мы покупали, воды не было, потом провели газ и воду» (Шымкент).*

На примере приведенных цитат из материалов интервью видно, что большая часть представителей поколения молодежи 2000-х гг. рождения имеет непосредственный опыт проживания и социализации в сельской или гибридной среде. Это заставляет делать переоценку статистических данных о процессах урбанизации – оценивая социальные и социокультурные параметры населения нужно учитывать не только факт формального проживания в городе, но и реальные жилищно-бытовые условия ранней социализации. Это особенно важно, когда делается попытка дать ответ на вопросы о сохранении традиционных установок и практик в городах Казахстана. Процесс массовой урбанизации не может считаться завершенным, пока большинство населения остается «укорененным» в традиционном образе жизни. Только второе-третье поколение, полностью социализированное в условиях городского образа жизни и интегрированное в урбанизированную индустриальную или постиндустриальную экономику, формирует устойчивые модернизированные социальные практики и образует «городскую нацию».

Базовые социальные услуги (здравоохранение и образование). Важнейшее влияние на повышение качества человеческого капитала оказывают два базовых общественных института – система образования и система здравоохранения. Доступность и качество образовательных и медицинских услуг в значительной степени определяют успешную самореализацию каждого поколения. Анализ описания респондентами их

образовательного опыта ниже будет посвящен отдельный блок. Сейчас же остановимся на медицинских услугах.

Медицинские услуги. Начиная со второй половины XX века, доступность медицинских услуг для широкого населения в Казахстане непрерывно повышалась. Эти процессы получили позитивную оценку у старших поколений, на чьих глазах впервые в истории происходили эти изменения. Поколение 2000-х годов рождения уже росли в условиях, когда доступная медицинская помощь воспринимается как социальная норма и это объективно приводит к повышению требований к качеству системы здравоохранения.

Практически все респонденты отмечают наличие медицинских учреждений в населенных пунктах различного уровня. Однако, описание объема доступных медицинских услуг и оценки их качества различаются:

- Крупные города: *«Обычные городские больницы, регулярные прививки, курс уколов от бешенства (после укуса собаки). Врачи квалифицированные, умели обращаться с детьми»* (Усть-Каменогорск), *«Доступны как государственные, так и частные медицинские услуги»* (Шымкент).

- Другие населенные пункты (районные центры, моногорода, опорные села, отдаленные аулы и села): *«Небольшая сельская больница, стоматология. При необходимости получали направление в «центральную больницу». Медицинские осмотры детей проходили ежегодно, был педиатр»* (Абайская область), *«Медпункт на три кабинета, один врач и одна медсестра. Детям делали прививки и проводили медосмотр»* (ВКО).

Нет прямой зависимости в оценке качества медицинских услуг, критику можно услышать, как от жителей крупных городов, так и от жителей районов:

- Крупные города: *«Большое количество медицинских учреждений в городе, плохое материальное оснащение в городских больницах (у нас не было зубного врача и оборудования, в последние три года появилось)»* (Туркестан), *«Медицинские учреждения были, в школе проходили медосмотры, нас медсестра школы водила сдавать анализы. Прививки, профосмотры были»* (Тараз).

Другие населенные пункты: *«Детской больницы не было, ходили во взрослую»* (Алматинская область), *«Медицинские услуги в селе, где я жил в детстве, низкого уровня, даже стыдно сказать. Вакцинация была, флюорография была»* (Мангистауская область).

Судя по приведенным выше примерам, безусловно сохраняется разница в объеме и качестве медицинских услуг между достаточно крупными городами и другими населенными пунктами регионов. В то же время оценки респондентов могут быть противоположными даже в пределах одной области. Несмотря на встречающиеся критические замечания, можно констатировать, что, во-первых, система профилактической медицины для детей работает на территории всей республики и, во-вторых, доступ к достаточно широкому спектру медицинских услуг в период взросления был практически у всех респондентов.

Образовательные услуги. Как уже отмечалось выше, трудно переоценить значение образования для раскрытия социального потенциала населения и его трансформации в человеческий капитал. Для того чтобы рассчитывать на устойчивый результат, нужно рассматривать характеристики именно системы образования в масштабах страны, а не качество отдельных образовательных учреждений.

Современная система национального образования в большинстве стран мира представляет собой многоуровневую структуру, состоящую из следующих элементов – дошкольное развитие, среднее образование, среднее профессиональное, высшее и поствузовское образование. Кроме того, эта линейная вертикаль сопровождается различными формами дополнительного развития и повышения профессиональной квалификации. Такие тенденции отражают постоянно возрастающие требования к новым профессиональным навыкам и непрерывный рост внедрения цифровых технологий. Произошедшая за последние десятилетия информационная революция необратимо изменила не только повседневный образ жизни и экономические модели, но и подходы к образованию. Таким образом, чтобы соответствовать новым социально-экономическим вызовам, образование поколения 2000–х гг. рождения должно качественно отличаться от образования поколений 1970–1980 гг. и тем более 1950–1960 гг.

Произошло ли это на самом деле? Ответ на этот вопрос поможет дать анализ материалов интервью, представленный ниже.

Дошкольное образование. Государство регламентирует все виды образовательной деятельности путем лицензирования, сертификации, финансирования и кадровые назначения, но степень его прямого участия в различных структурных элементах системы образования сильно различается. В значительной степени это определяется положениями Конституцией РК (ст. 30), в которых речь идет о среднем и высшем образовании, то есть дошкольное образование не входит в число базовых государственных гарантий. Однако, в «Законе об образовании» (ст. 30, пункт 20) указано, что «Дошкольное воспитание и обучение осуществляются с пяти лет в виде предшкольной подготовки детей к обучению в школе. Предшкольная подготовка обязательна и осуществляется в семье, дошкольных организациях, предшкольных классах общеобразовательных школ, лицеев и гимназий. Предшкольная подготовка в государственных организациях образования является бесплатной».⁹⁵

Таким образом, государство делает активные шаги по расширению зоны своей ответственности в сфере образовательной подготовки населения. Надо отметить, что дошкольное развитие личности ребенка в реальности начинается практически с первых дней и недель жизни. Ответственные и грамотные родители уделяют этому большое внимание. Но, не всегда можно

⁹⁵ Закон об образовании в РК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.07.2025 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747&pos=29;-62#pos=29;-62. Дата обращения: 08.06.25.

рассчитывать на семейное воспитание. Вот почему, на протяжении последних двух веков развивается система яслей и детских садов, которые призваны не только обеспечить трудовую занятость родителей, но и стать местом самой ранней подготовки детей к будущей самостоятельной жизни. В этих учреждениях должны работать специалисты, имеющие не только профессиональную подготовку, но и призвание. Они могут обучить тем знаниям и навыкам, которые не всегда способна обеспечить семья. Кроме того, эти организации становятся для ребенка школой социального взаимодействия с ровесниками и людьми, не входящими в число родственников, что чрезвычайно важно в современных условиях открытого информационного пространства и широких коммуникаций. Такой опыт ребенок не может получить даже в расширенной и многодетной семье.

Однако, лишь половина участников исследования имеет опыт посещения детского сада или иных дошкольных учреждений, причем в некоторых случаях этот опыт составляет несколько месяцев, недель или даже дней: *«В детский сад я ходила только месяц или два, после была на домашнем воспитании, но не долго, так как я рано пошла в школу – в 5 лет»* (Кызылординская область), *«Я ходила в детский сад один месяц, но потом не стала ходить, так как начала плакать»* (Шымкент).

Некоторые респонденты поясняли, почему они не ходили в детский сад. Если в детстве респондента его семья проживала в сельской местности, то причина часто была в отсутствии в населенном пункте дошкольных учреждений: *«Детский сад в селе закрыли»* (ВКО), *«Не ходил в детский сад потому, что его не было»* (Жамбылская область) и другие подобные ответы.

Но, зачастую, причины носили другой характер: *«В детский сад не ходил, был с мамой, которая работала в киоске (ларьке) рядом с домом»* (Алматинская область), *«Родители не считали нужным посещать детский сад, так как дома была мама и прабабушка, было кому присматривать за мной»* (Караганда). То есть, для многих родителей сегодняшней молодежи развивающие и образовательные функции детских садов не входили в число приоритетов или эти детские учреждения были недоступны. Материалы интервью позволяют предполагать, что недостаточный уровень развития дошкольного образования – это не только вопрос отсутствия или недостатка таких учреждений, но и проблема понимания родителями значимости профессионального подхода к наиболее раннему этапу образования ребенка.

Встречаются единичные примеры, когда респонденты ходили в специализированные детские сады: *«Ходил в специализированный детский сад для детей с особенностями зрения, получил очень хорошую дошкольную подготовку – по сути, окончил первый и второй класс»* (Усть-Каменогорск).

Есть и такие ответы, на которые нельзя не обратить внимание: *«Ходил в детский сад, воспоминания не совсем хорошие. В первую очередь, воспитатели. Они были очень строгими. Если в сончас ребенок не спит, они могли побить ребенка, но сейчас уже закон ужесточили, воспитатели тоже изменились, боятся уже бить детей, это не только в Туркестане, по всему*

Казахстану есть такие случаи» (Туркестан), «Детский сад посещала, воспоминания отрицательные: из-за детского сада начала сильно заикаться – там были воспитатели, не очень такие доброжелательные, все время кричали. Резко могли разбудить, вот так вздернуть тебя, пока ты спишь. Ну, такие неприятные моменты были. Я исправляла заикание, ходила к логопедом, психологам. Но у меня заикание до сих пор присутствует, если я начинаю разговаривать в ускоренном темпе. Поэтому в основном стараюсь себя держать в спокойствии и говорить не спеша. Да, я занималась с психологом и логопедом с первого по седьмой класс. Ну, то есть они исправили то, что сделали в садике» (Усть-Каменогорск).

В целом, у тех, кто детский сад посещал, сохранились теплые позитивные воспоминания: *«Я посещал детский сад, он был новый, большой, с бассейном. Впечатления остались положительные» (Петропавловск), «Детский сад посещала, воспоминания хорошие: замечательная воспитательница, все убрано, вкусно, площадки для детей, песочницы. Самые вкусные котлеты были в Курчуме, в детском садике. Я нигде не встречала такие котлеты, до сих пор снятся» (ВКО), «Я ходил в детский сад. Впечатления от садика положительные, еда была вкусной, было интересно, хорошие дети» (ВКО) и т. д.*

Судя по материалам интервью, социальное неравенство в доступе к качественному образованию достаточно заметно проявляется у поколения 2000–х гг. рождения. И начинается этот процесс уже на уровне дошкольного образования. Главные факторы, определяющие это явление – материальный достаток в семье и место жительства респондента в детстве/юношестве.

Таким образом, качественного изменения в системе дошкольного образования не произошло – оно не стало повсеместной и общедоступной практикой развития личности ребенка. Это, в свою очередь, снижает уровень подготовленности детей к среднему образованию, а затем и качество этого обязательного образования. Ведь учителя младших классов должны ориентироваться на средний уровень, а не на самых «сильных» учеников. Следствием становится общее торможение развития интеллектуального потенциала поколения.

Среднее образование. Все участники исследования получили среднее образование, гарантированное гражданам Конституцией РК. Большинство респондентов закончили обычные средние школы, лишь немногие провели хотя бы какое-то время в гимназиях, лицеях или кадетских корпусах: *«До седьмого класса учился в кадетской школе, воспоминания, по большей части, негативные – обучение было слабым. Затем перешел в гимназию, где учились дети обеспеченных родителей» (Усть-Каменогорск), «Школа была рядом с домом, но после 6 класса перевелась в гимназию – она была дальше, но лучше» (Костанай).* Как видно из ответов, такие возможности были лишь в достаточно крупных городах. Фактически, при более высоком уровне требований к среднему образованию потребность в учебной миграции возникает еще в школьные годы. Практика периода пандемии показывает, что онлайн-

образование, на которое возлагались большие надежды, не может в полной мере компенсировать неудовлетворительное качество школ. А такое неудовлетворительное качество отмечают достаточное число респондентов:

- *«Обучение (в школе) было слабым» (ВКО) «Сложности в отношениях с одноклассниками по причине физической полноты (бодишейминг), при переезде в Алматы 1,5 месяца не учился в школе, так как не было прописки» (Алматинская область, Алматы), «Обычная общеобразовательная школа. Воспоминания о школьных годах не очень позитивные, т.к. я была замкнутым ребенком, этим пользовались – то есть был буллинг, я бы сказала. Друзей почти не было, никто не общался. Учителя проявляли хладнокровность (вероятно, имелось в виду равнодушие)» (Карагандинская область), «Школа у нас была хорошая, но учителя были очень строгими. Уровень знаний у них был хорошим, но они не могли донести свои знания детям» (Туркестан).*

Большинство же респондентов делятся позитивными воспоминаниями о своем школьном образовании:

- *«Школа - лучшая в селе и по отношениям, и по уровню образования, дружный и активный класс» (Абайская область), «О младших классах и первой учительнице: получала грамоты, рисовала стенгазету. В пятом классе – первое место в конкурсе городских школ за рисунок о пожарной безопасности, награда – альбом для рисования и грамота» (СКО), «Учителя никогда не отказывали, везде нам помогали, советовали разные видео. Лично сам директор говорил, как нам собирать документы (для поступления в вузы)» (Актау), «Хорошие впечатления, было интересно, учителя были хорошие, наш класс был очень дружным. Уровень знаний был высоким» (Жамбылская область).*

После завершения среднего образования перед респондентами встал вопрос о получении профессиональной подготовки. Небольшое число респондентов ограничились колледжем, то есть средним профессиональным образованием: *«Поступила в колледж по специальности «печатная полиграфия» (Семей), «Медицинский колледж, специальность «фельдшер» (Костанай), «Я учился в колледже, на повара» (Туркестан), «Я сама закончила колледж Болашақ. Училась на учителя английского языка» (Караганда), «В колледж поступил (специальность – разработчик программного обеспечения). Последний курс остался, вот заканчиваю» (Кокшетау).*

На момент интервью большинство получают/завершили высшее образование, более половины – на грантовой основе, в некоторых случаях поступлению в вуз так же предшествовал колледж.

Несколько слов о доступности, формах и качестве дополнительного образования. Все участники исследования отмечают, что основные формы образования параллельно связаны со школьными годами – это, либо школьные кружки и секции, либо специализированные организации по типу комплексных домов (дворцов) школьника или отдельных спортивных секций, клубов и т. д. Если школьные кружки, как правило, действуют бесплатно, то внешкольные формы дополнительного образования, обычно, платные. То

есть, дополнительное образование, как факт, было доступно всем представителям изучаемого поколения в период получения среднего образования. Но, качество и разнообразие таких услуг находится в прямой зависимости от материальных возможностей семьи и места проживания респондентов – город предоставляет значительно больше возможностей, чем сельская местность. Это неравенство может частично компенсироваться современными онлайн-продуктами (интернет-курсами).

Высшее образование и профессиональная карьера. При анализе ответов, связанных с получением высшего образования (профессии) наибольший интерес представляет не оценка качества этого образования, а каким респонденты видят его результат, будет ли диплом конвертирован в профессиональную деятельность и карьеру. Напомним, что большинство опрошенных учатся или учились на грантовой основе. То есть государство и общество вправе ожидать, что затраченные на подготовку специалистов ресурсы повысят качество человеческого капитала страны и будут приносить социальные дивиденды. На основе полученных данных складывается следующая картина, проиллюстрированная наиболее показательными выдержками из интервью.

1 группа – респонденты удовлетворены своим профессионально-образовательным выбором, продолжают двигаться по выбранной образовательной траектории, планируют дальнейшую карьеру строить в этом же направлении:

- *Получила высшее образование в университете им. Букетова, специальность – английский и китайский языки (Караганда). Продолжила развивать свои профессиональные навыки – магистратура в университете им. Абая (Алматы), специальность – турецкий язык (Кызылординская область);*

- *После школы прошла обучение в медицинском колледже, затем – в университете по специальности «Химик-эксперт» на гранте (СКО);*

- *В Алматы поступила в колледж по специальности «печатная полиграфия». Отношение к профессии: «Во время обучения было сложновато, я не очень понимала, да и профессия такая больше мужская, но сейчас я не жалею и мне нравится это направление» (ВКО);*

- *Специальность «международные отношения и политология». В планах обязательное поступление в магистратуру и докторантуру (ВКО).*

2 группа – респонденты не удовлетворены своим профессионально-образовательным выбором и дальнейшую карьеру связывают с другими видами деятельности:

- *Университет в Астане по технической специальности (телекоммуникации). В настоящее время работает по специальности, «отрабатывает грант» и учится в магистратуре. Специальностью не очень довольна: «Я бы при случае сменила профессию» (Костанай);*

- *«Поступил в «КазГУ, основной причиной было не конкретное учебное заведение, а желание обучаться в Алматы». Специальность – ресторанное*

дело и гостиничный бизнес. *«Сейчас я работаю в компании Билайн в клиентском отделе, начинал там работать еще в универе. То есть, сейчас работаю не по специальности и скорее всего в дальнейшем не связываю с ней свое будущее. Сейчас думаю о получении второго высшего, хочу заниматься преподаванием, например, философия или филология, юриспруденция»* (Шымкент);

- Профессиональное образование: *«Я учился в колледже, на повара. Учился на гранте, получал стипендию». «После колледжа я сам устроился на работу в кафе в г. Туркестане. Нет, я сейчас не работаю по профессии. Сейчас я работаю в другой сфере»* (Туркестан).

3 группа – респонденты не определились со своей дальнейшей профессиональной самореализацией:

- Хотел бы получить любое второе образование – *«Просто по приколу, хочу, чтобы у меня в досье было два высших образования. Это ради забавы»*. Четкая профессиональная мотивация отсутствует (ВКО). Одна из вероятных причин – достаточная материальная поддержка семьи, нет острой потребности в собственной экономической активности;

- *«Пока я не определился, интерес вызывает профессия гражданского пилота. Не против был бы обучаться за рубежом, например, в Чехии, Латвии и Германии»* (Петропавловск);

- *«После школы я поступила в Политехнический университет в Караганде. Не знаю, буду ли работать по специальности»* (Караганда)

Учитывая частоту встречаемости ответов разного типа, можно предположить, что большинство представителей поколения в целом довольны своим профессионально-образовательным выбором и в своей дальнейшей деятельности будут успешно реализовывать затраченные на их подготовку социальные ресурсы. Однако, нельзя не отметить, что достаточно большое число участников опроса получили высшее профессиональное образование, с которым не планируют связывать свою жизнь.

Конечно, высшее образование само по себе повышает качество человеческого капитала и способствует росту общего интеллектуального уровня социума. Но, это случай, когда имеет смысл задуматься об эффективности расходования ресурсов. Причины такого несоответствия образования и жизненной траектории разнообразны. Они нуждаются в дополнительном специальном изучении и выработке программ, способных помочь молодежи с правильным выбором специальности.

Отдельно можно привести такие мнения:

- *«Я закончила Сатпаев университет в Алматы по специальности инженер. Это был ректорский грант, стипендии не было, но училась бесплатно. По специальности я не работала, меня украл замуж, так и не работаю»* (Тараз).

- *«После окончания школы я поступила в университет Казпотребсоюза в Караганде. Получила грант, стипендию. Учусь на специальности «технолог». «Друзья моей мамы – артисты, и я спросила у них, можно ли*

рассматривать это как будущую профессию. Они ответили: ты девушка, завтра твой муж не женится (на тебе), или будет ревновать, что твой муж может быть против такой профессии в будущем. Если подумать, так оно и есть. Не жалею (что выбрала другую специальность)» (Мангистауская область).

- «Изначально я хотела поступить в академию искусств. Папа был против, т. к. я девушка. Сейчас я поняла, что это было лучшее решение» (Туркестанская область).

Слова этих участниц исследования (все трое социализировались в южных и западных регионах республики) свидетельствуют о том, что проблема традиционных установок не осталась полностью в прошлом. Мы видим, что девушки не принимают самостоятельных решений, их мнением в семье пренебрегают, а они смиряются с чужим выбором, не отстаивают свои позиции и признают право других людей (отцов и мужей) распоряжаться их жизнью. При этом подавляющее большинство девушек, которые приняли участие в исследовании, убеждены, что полученная профессия не станет препятствием на пути создания семьи и реализации репродуктивных планов.

Возможность получить образование и профессию, то есть обрести определенную финансовую независимость – это важнейший механизм выравнивания гендерного дисбаланса, все еще характерного для казахстанского социума. Но, видимо, для этого потребуется больше времени, хотя значительные успехи на этом пути уже достигнуты и массовый качественный перелом в общественном сознании поколения уже стал свершившимся фактом.

Оценивая состояние системы образования и здравоохранения в Казахстане первой четверти XXI века и степени доступности тех или иных медицинских и образовательных услуг, можно сделать следующие выводы:

- Полноценное среднее образование является не только конституционной гарантией, но и абсолютно повсеместной практикой;

- Медицинские услуги (в том числе профилактическая медицина для детей) доступны на всей территории страны;

- Сохраняются различия в качестве медицинских услуг и среднего образования, которые обусловлены местом проживания респондентов (сельская или городская местность). Эти различия осознаются и вербализируются многими респондентами. Сформированы социальные запросы нового уровня развития;

- Высшее образование перестало быть уделом меньшинства, оно доступно не только значительной части городской молодежи, но и представителям поколения 2000-х гг., родившихся и социализировавшихся в сельской местности. Получение высшего образования выходцами из сельской местности перестало быть исключением и поводом для особой гордости – оно становится правилом. Эти новые условия обеспечены государственными программами образовательных грантов разного уровня;

- Недостаточное внимание уделяется развитию и распространению дошкольного образования. Это негативно влияет на общий уровень

человеческого капитала, так как снижает эффективность всех последующих уровней образования и личностного развития. Для решения этой проблемы необходимы не только усилия со стороны государства (по аналогии с развитием системы высшего образования), но и серьезная работа по изменению общественной оценки значимости дошкольных учреждений.

Внешняя культурно-бытовая среда. Важным фактором социализации являются не только жилищно-бытовые условия, но и социокультурная среда, в которой проходят годы взросления.

Несмотря на бурное развитие в последние десятилетия глобального медиа пространства и растущую доступность любой информации в любой точке земного шара, не происходит формирования гомогенной социокультурной среды. Во-первых, каждый индивид и каждая социальная группа (в том числе и социально-лингвистическая) создает собственный информационный социокультурный «пузырь» («information bubble»)⁹⁶, во-вторых, большое влияние на личность по-прежнему оказывает материальная социокультурная среда. Поколения, родившиеся в XXI веке, социализируются в социокультурном пространстве, представляющем собой сложное сочетание материальных объектов – архитектурных сооружений различного предназначения (театры и кинотеатры, библиотеки и клубы, спортивные модули и т.д.) и насыщенной виртуальной среды. Глобальная информационная революция сделала доступ к объектам культуры всего мира более демократичным, то, что на называется – на расстоянии «одного клика», но это не значит, что материальная среда существования утратила свое значение.

Часть объектов социокультурного пространства, в котором прошли детские и юношеские годы респондентов и которые они обычно называют, можно условно назвать «классическими» - дома и дворцы культуры, театры и музеи, библиотеки и парки. Совершенно новый элемент - торгово-развлекательные центры.

Но, как видно из материалов интервью, значительная часть молодежи не проявляет большого интереса к классическим формам «культурного досуга»: *«Культура в городе Шымкент не особо популярная. И я никуда не ходила гулять, но если надо гулять, то только с мамой или с папой. Мы ходили в рестораны. Это наше культурное место, кажется, было. В кинотеатры, либо в музей мы – такое не посещали, честно скажу»* (Шымкент), *«Не было времени ходить по культурно-развлекательным объектам»*, но чуть позже *«Я в детстве был уличный – в баскетбол играл, в волейбол – в жилом комплексе хорошая спортивная площадка»* (Петропавловск).

Но есть и другие ответы: *«Возле нас Мега-центр. Каждую неделю ходили. С 14 лет уже стало интереснее ходить по театрам. Театр имени Абая, так как связан с балетом»* (Алматы), *«С мамой ходили в музеи местные, с друзьями ходили в кино»* (Актобе), *«Детская библиотека с абонементом*

⁹⁶ Информационный пузырь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: 08.06.25

(выдача книг на дом, брала на лето), кукольный театр в другом районе» (СКО).

Вероятно, восприятие социокультурного пространства во многом задаются семейными практиками и школьным опытом, этим можно объяснить отличия впечатлений и воспоминаний респондентов, проводших детство в одних и тех же населенных пунктах.

Представление о желаемом социокультурном пространстве и оценка реальных условий социокультурного развития сегодняшней молодежи включает в себя два таких виртуальных и материальных элемента, как интернет и торговые центры: *«Торговые центры, интернет после карантина ловит хорошо 4G»* (ВКО), *«Интернет хорошо ловит, 4–5 супермаркетов. Все хорошо, всего в достатке, все развито, современно»* (ВКО), *«Парк, два супермаркета, магазины, библиотека, интернет ловит 4–5 G. Очень хорошо, по сравнению с другими аулами»* (Алматинская область), *«Магазины, кафе, рестораны, интернет ловит хорошо в центре пригорода, в остальных местах – плохо»* (Астана), *«Несколько парков, 3 футбольных зала, много заведений для торжеств (кафе, рестораны), библиотека, интернет ловит хорошо. По сравнению с другими аулами, село очень хорошо развито»* (Кызылординская область) и другие подобные ответы.

Сравнивая ответы молодежи и представителей старших поколений, можно увидеть, как преемственность социокультурного пространства (ряд строений остались еще с советского времени и даже сохранили свои первоначальные функции), так и его принципиальную трансформацию – появление не просто новых объектов материальной среды: парков, зданий и др., но и качественно новых форм организации досуга – торгово-развлекательных центров. Самое заметное изменение – устойчивый акцент на доступе к интернету, оценки его качества (хороший или плохой, 4–5 G). Таким образом, в сознании новых поколений граница между виртуальностью и реальностью размывается, времяпрепровождение в цифровом пространстве становится неотъемлемой частью удовлетворения социокультурных запросов.

Оценка современных условий и перспектив развития страны поколением 2000-х годов. Респондентам этого поколения были заданы дополнительные вопросы, которые не задавались представителям старших поколений.

Эти мнения позволяют понять, как участники исследования оценивают результаты деятельности государства и общества по созданию социальных условий для развития и самореализации молодежи, оценить степень удовлетворенности нового поколения казахов условиями, созданными в стране за годы независимости и после выхода из кризиса 1990-х годов. Во-вторых, определить, как казахская молодежь видит перспективы развития Казахстана.

- Как Вы считаете, когда условия для рождения и воспитания детей в Казахстане были лучшими – в настоящее время или в прошлом?

- Когда у молодежи Казахстана было больше возможностей для профессионального развития?

- По Вашему мнению, современный Казахстан в большей степени направлен на возрождение традиций или на модернизацию?

Общие оценки созданных социальных условий:

- *«Я считаю, что (условия лучше) в настоящее время. Так как наше государство оказывает большую помощь и поддержку многодетным, малообеспеченным семьям, молодежи в сфере образования, в трудоустройстве и так далее»* (ВКО);

- *«Думаю сейчас условия лучше. Думаю, в прошлом не было денег и времени на воспитание детей. Сейчас все это есть, есть условия для воспитания»* (Караганда);

- *«Я думаю, сейчас получше все-таки много различных льгот и для школьников, и для студентов, и для абитуриентов. Появилось больше мест и для прогулок для прочего досуга и перспектив сейчас больше»* (Усть-Каменогорск);

- *«Думаю, сейчас лучше, т. к. есть разные программы, выплаты в поддержку семей, есть интернет, онлайн книги, уроки. В прошлом приходилось ходить в библиотеку»* (Алматы);

- *«Думаю, сейчас условия лучше, медицина развита. Лучше смотрят и за ребенком, и за мамой». «Думаю, в Независимом Казахстане образование лучше развито»* (Алматинская область).

Приведенные цитаты из интервью свидетельствуют, что поколение казахов 2000-х годов с благодарностью воспринимает те усилия, которые были вложены в их взросление. Важно иметь в виду, что формирование этих позитивных оценок происходило в контексте открытого информационного пространства, то есть, у казахской молодежи есть возможности сравнивать и сопоставлять условия, в которых они находятся, с ситуацией не только в других регионах или населенных пунктах страны (эта возможность была и у старших поколений), но и возможностями, доступными молодежи в других странах мира.

По мнению подавляющего числа респондентов, Казахстан уверенно движется по пути модернизации не теряя, при этом, связей со своим историческим и социокультурным прошлым, этническими традициями.

Приведем несколько наиболее показательных ответов:

- *«Я считаю, современный Казахстан идет по двум направлениям. Модернизация требуется, потому что весь мир начинает модернизироваться. Весь мир начинает изобретать, что-то новое и Казахстан должен идти бок о бок вместе с этим. При этом мы не забываем прошлое, мы не забываем предков и традиции»* (Петропавловск).

- *«Я считаю, что наш современный Казахстан – это идеально хороший баланс, то есть мы не забываем про наши какие-то старые традиции. Мы чтим предков, традиции чтим, у нас нет такого, чтобы мы как-то заоблачно обо всем забывали, то есть сильно уходили в модернизацию, но и нет такого,*

чтобы мы остались где-то в архаичном периоде, грубо говоря. Я считаю, что у нас все достаточно в балансе, все хорошо» (ВКО).

Основной акцент, респонденты делают на модернизацию, связывая перспективы развития своего поколения именно с этим трендом:

- «Государство вроде ведет курс на модернизацию. Но общество в последнее время начало больше искать себя в прошлом. И бывает заходят в очень глубокое прошлое вплоть до язычества. Но это все равно такие маргинальные явления. Я думаю, это не тенденция общая. Я все-таки думаю, (что будущее – это) модернизация» (Усть-Каменогорск);

- С точки зрения моего поколения, Казахстан становится более современным – в основном сейчас с техникой работают, с компьютерами. Многие на IT-шников учатся, ИИ все больше. Это развивается сейчас» (Усть-Каменогорск);

- «Сейчас наше поколение не придает такого значения традициям, они больше предаются модернизации, сейчас время, когда молодежь хочет проявить себя и быть уникальной» (Актау)

- «Мне кажется, что идет на модернизацию. Казахстан сейчас находится в быстром развитии, чтобы догнать остальных, поэтому за традиции не особо сильно держится» (Шымкент).

Неразрывная связь молодежи и модернизации прослеживается даже в замечаниях критического содержания: *«Казахстан все же идет почему-то в традиционную сторону – сохранить традиции, хотя для меня именно модернизация важнее» (ВКО); «Особой модернизации не вижу» (Актау); «На мою свадьбу пригласить хотелось бы только самых близких, но мои родители вряд ли с этим согласятся. Все равно все устраивают тои и зовут кучу родственников, не вижу модернизации» (Усть-Каменогорск).* То есть, отказ от модернизации, ее торможение эти респонденты связывают со старшими поколениями. Для самой казахской молодежи, родившейся и социализировавшейся в 2000-х годах, модернизация стала основным выбором и базовым социальным контекстом.

3.4 Социокультурные портреты трех поколений казахов в социальной динамике

Составление социального портрета – это описательный метод исследования, который позволяет выделить наиболее характерные черты, присущие определенному социальному явлению – в нашем случае речь идет о поколениях казахов, сформировавшихся в определенных исторических, социально-экономических и социально-политических условиях, что повлияло на их социокультурные установки, выбор репродуктивных стратегий и профессиональную самореализацию. Такой подход позволяет не только изучать конкретное поколение, но и проводить сравнительный анализ, выявлять особенности социальной динамики, фиксировать основные закономерности и тренды развития социума. Портреты составлены на

основе ответов респондентов и отражают наиболее характерные черты социальных условий формирования поколений.

Социокультурный портрет поколения казахов, родившихся в 1950–1960 годах. Большинство респондентов родилось и социализировалось в сельской местности в традиционных (как правило, многодетных) семьях. Практически все помнят смерть близкого родственника в детстве. Многие указывают на факты детской или младенческой смертности, которые случались в семье родителей (иногда, и в семьях самих респондентов).

Большая часть респондентов в детстве проживала в частных домах без удобств (водопровода, канализации, централизованного отопления). Указывается на наличие в населенных пунктах библиотек, школ, Домов культуры, деревенских клубов, магазинов и прочих объектов культурно-бытовой сферы, а также учреждений образования и здравоохранения. Достаточно разнообразная социально-экономическая инфраструктура сел отчасти смягчала отсутствие нормальных бытовых условий для жизни.

Респонденты с детства были охвачены системой здравоохранения: прививки (вакцины), медицинские осмотры, необходимая квалифицированная помощь. Однако спектр медицинских услуг не отличался большим разнообразием и не включал, как правило, сложную (раннюю) диагностику многих заболеваний, стоматологическую помощь, узкую квалифицированную медицинскую помощь.

Подавляющее большинство респондентов не посещали детский сад вследствие отсутствия учреждений дошкольного образования в населенном пункте, либо предпочтение домашнего воспитания или по другим причинам. Все респонденты получили среднее или неполное среднее образование и половина из них – высшее. Другие обучались в различных училищах и техникумах, где смогли получить среднеспециальное образование. Как правило, респонденты получили одно из перечисленных выше видов образования, с которым связали всю свою профессиональную деятельность. Все участники опроса поколения 1950–1960 годов рождения были заняты в государственном экономическом секторе, среди них нет ни одного, кто бы вел свой бизнес или работал «на себя». Дети (внуки) респондентов в большинстве случаев имеют высшее образование.

Практически все опрашиваемые демонстрируют хорошее знание национальных традиций и обычаев, подтверждают тесную связь с родственниками. Для данного поколения характерны широкие социальные связи, общение с соседями, близким окружением, независимо от национальной принадлежности.

Религия играла определенную роль в семейном воспитании. Соблюдались основные нормы и отмечались некоторые религиозные праздники. При этом религия переплеталась с национальными традициями и обычаями.

Семьи были охвачены системой государственной поддержки, которая выражалась в виде предоставления жилья, льгот, материальных поощрений,

пособий, пенсий, наград, званий и пр. Она обеспечивала доступ населения к бесплатным образовательным и медицинским услугам, независимо от места проживания. В системе государственной поддержки особая роль отводилась помощи многодетным семьям. Подавляющее большинство респондентов воспроизводят в памяти те или иные формы государственной помощи, отзываются положительно о роли государства в их жизни. Воспоминания пронизаны ностальгией по советскому прошлому и его идеализацией.

Как уже отмечалось, респонденты, по большей части, выходцы из многодетных семей. Практически все они создали семьи и имеют детей. При этом установка на многодетность не сохраняется. Среднее число детей у представителей указанного поколения – трое-четверо.

Являясь выходцами из сельской местности, в настоящее время большинство из респондентов проживает в городах республики. Переезд в город зачастую был связан с получением высшего (среднеспециального) образования, устройством на работу. У немалой части респондентов урбанизация произошла в зрелом возрасте, определенную роль в этом сыграл кризис 1990-х годов.

В целом, 1950–1960 годы – это время социального оптимизма, экономических и культурных реформ в СССР. Вышесказанное наложило отпечаток на мировоззрение и менталитет поколения, родившегося и социализировавшегося в данный период. С одной стороны, воспитанное в условиях советской идеологии и пропаганды, это поколение и по сей день идеализирует социалистический строй и роль государства, с другой – оно отличается большей гуманностью, сопереживанием судьбе ближнего, добротой, порядочностью, позитивом и меньшей «заикленностью» на материальных благах и бытовом комфорте.

Таким образом, материалы интервью подтверждают выдвигаемый ранее тезис, сформированный в результате контент-анализа казахстанских СМИ периода 1950–1960 гг.⁹⁷ Единая, взаимосвязанная и взаимодополняющая система государственной поддержки села, реализуемая практически во всех сферах и направлениях, позволила повысить качество жизни населения и значительным образом повлиять на его демографическое развитие.

Социокультурный портрет поколения казахов, родившихся в 1970–1980 годах. Мальчик или девочка, родившиеся в казахской семье в период 1970–1980 годов, скорее всего росли в частном доме сельского типа с ограниченным доступом к коммунальным услугам и с ранних лет имели представление о сельскохозяйственном труде.

Все эти дети имели доступ к базовому уровню медицинских услуг, получали необходимые прививки, стоматологическую помощь, регулярно

⁹⁷ Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г. А., Столярова Э. О., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Отражение в СМИ социальных условий демографического развития казахов в 1950–1980 гг. (контент-анализ республиканской и региональной периодической печати). Аналитический отчет. – Усть-Каменогорск: Издательство «Медиа-Альянс», 2023. – 185 с.

проходили профилактические осмотры. Они (за редким исключением) ходили в детский сад, обязательно учились в общеобразовательной школе (8 или 10 лет), получили среднее профессиональное и/или высшее образование. Иногда, таких образований было несколько, причем разного профиля. Это во многом связано с экономическим кризисом 1990-х годов, когда перестала работать советская система распределения и трудовой занятости.

Уровень образования определил трудовую занятость – десятилетия трудового стажа в медицине, сфере образования, предоставления квалифицированных услуг, строительстве, торговле и т. д. В более поздние годы часть смогла создать собственный бизнес, но это не самая распространенная форма экономической реализации. Своим детям представители этого поколения постарались дать высшее образование.

Национальные традиции сохранялись, но в ослабленной форме в основном за счет поддержания отношений с широким кругом родственников. На протяжении длительного времени в жизни этого поколения религия не играла значимой роли. Отдельные элементы религиозной жизни, сохраняясь в быту, не формировали устойчивой системы и не оказывали определяющего влияния на повседневные практики учебы, а затем профессиональной деятельности. Даже такие семейные обряды, как свадьбы, рождения детей, похороны и т. д. имели в большей степени светский характер или воспринимались не как религиозные ритуалы, а как этнические традиции. Собственно, религия воспринималась респондентами в детстве как анахронизм, в основном связанный даже не с родителями, а с бабушками и дедушками, который необходимо не афишировать и даже скрывать.

Оценки роли государства в период детства и юности респондентов очень противоречивы – с одной стороны, ностальгические воспоминания о бесплатных медицинских и образовательных услугах, получение родителями жилья, отсутствие заметного социального и материального неравенства, с другой – негативное отношение к «советскому колониальному прошлому». У многих из этого времени сохранилась память о трудовых наградах родителей – медалях, грамотах и т. д. Характерно – позитивное отношение к конкретным деталям своего прошлого, но негативное восприятие обобщенного исторического периода.

В сравнении с «городскими» этносами рождаемость сохраняется на довольно высоком уровне, но число детей у каждого в отдельности меньше, чем общее число братьев и сестер, в среднем – от двух до четырех. Некоторые не создали семью и не имеют детей, что является отклонением от традиционного репродуктивного поведения.

Одна из главных характеристик поколения – урбанизация, сегодняшние казахи 1970–1980 годов рождения, родившиеся и выросшие в сельской или полусельской местности, живут в крупных городах – областных центрах и городах республиканского значения.

Это поколение социального перелома – политического, экономического культурного. Внешние условия поставили этих людей в маргинальное

положение, но благоприятные социальные условия, медицинские и образовательные услуги, полученные ими в детстве, а также сохранение традиций родственной поддержки, помогли адаптироваться к новым правилам общественного устройства. Тем не менее, события 1990-х годов оставили след в демографическом поведении, негативно повлияв на показатели рождаемости.

Социокультурный портрет поколения казахов, родившихся в 2000-е годы. Родители респондента/респондентки вероятнее всего в официальном, первом и единственном браке. Количество детей в родительских семьях респондентов часто зависит от региона их проживания. Респонденты из южного региона, как правило, выходцы из многодетной семьи. Ориентированы на раннюю брачность и многодетность – вариант наследования традиционных репродуктивных установок. Респонденты из восточного, центрального, западного или северного регионов родились и социализировались в семьях, в которых среднее число детей варьируется от двух до трех. Их представления о репродуктивной норме демонстрируют современные тенденции: планируемая поздняя брачность, мало или среднедетность – вариант модернизированных или гибридных форм семейно-брачных и репродуктивных установок.

Независимо от региона проживания, у преимущественного большинства опрошенных прослеживается рациональный и прагматичный подход к условиям создания семьи и рождения детей.

Отношение к многодетным семьям в целом положительное. Респонденты осведомлены о формах государственной поддержки материнства и многодетности. Однако, присутствует и критично-рациональный взгляд на возможности семьи самостоятельно создать условия для всех детей.

Практически все респонденты имеют опыт потери близкого родственника в детстве, как правило, бабушек-дедушек, реже отцов, еще братьев-сестер.

Мальчик или девочка, родившиеся в казахской семье в 2000-е годы, является выходцем из села или имеет опыт проживания в сельских (приближенных к сельским) условиях. В то же время они находятся под достаточно сильным модернизирующим влиянием городской среды и стремятся презентовать себя как городского жителя. Элементами социокультурной среды в населенном пункте, где прошло детство респондентов, были учреждения образования и здравоохранения, дома культуры, библиотеки, музеи, парки, торгово-развлекательные центры и доступ к качественному интернету.

В независимости от того, в городе или селе вырос респондент, условия проживания его были значительно лучше, чем у представителей старших поколений. Большинство опрошенных отмечают наличие в домах (в том числе, частных) водопровода, отопления, канализации, интернета. Как правило, на одного-двух членов семьи приходится по отдельной комнате. Более того, в воспоминаниях об условиях проживания в детстве не

фигурируют саманные дома или дома барачного типа, а также коммунальные квартиры.

Материальный достаток семьи – средний или высокий. В ответах практически не встречаются упоминания о нехватке продуктов питания, одежды, финансовых трудностях семьи и пр.

Представитель поколения 2000-х имел доступ к широкому спектру медицинских услуг: профилактическая медицина (прививки, осмотры и т. д.), консультативные услуги врачей узкой специализации, стоматологическая помощь.

После окончания общеобразовательной школы, скорее всего, он или она обучаются в вузе, зачастую, на грантовой основе. Доволен своим образовательным выбором, планирует в будущем работать по профессии.

Наряду с вышесказанным, представители поколения осознают существование неравенства в доступе к социальным благам.

Респондент вырос в нуклеарной семье, которая поддерживает широкие и тесные связи с большим числом родственников. «Большая семья» респондента встречается на традиционных ритуальных совместных мероприятиях: свадьбы, дни рождения, юбилеи, похороны и пр. Наряду с этим, родственники помогают в решении бытовых проблем или в бизнесе.

Представитель молодого поколения демонстрирует знание родного языка и определенного набора элементов национальных традиций и обычаев. К некоторым из этих казахских традиций (в основном, связанных с семейно-брачными отношениями) сформировано устойчиво критическое отношение: кража невесты, калым, богатые свадьбы (в кредит) и пр. Обосновывается такое мнение тем, что данные традиции устарели, и нет необходимости их соблюдать или тем, что их соблюдение вступает в противоречие с действующими законодательными нормами.

Религия не играет большой роли в жизни респондента, не является системообразующим фактором его мировоззрения. При этом отдельные элементы религиозной жизни сохраняются в быту, переплетаясь с национальными традициями и обычаями, встраивается в структуру личности как элемент этнической идентичности.

В настоящий момент респонденты проживают в крупных городах (областные центры, города республиканского значения). Долгосрочные планы связаны также с городом: встраивание в структуру городского сектора занятости, карьерный рост, приобретение жилья и т. д.

Таким образом, поколение 2000-х годов рождения социализировалось в принципиально новых исторических, идеологических, социально-экономических и культурных условиях – в условиях суверенного Казахстана, рыночной экономики и широко доступа к глобальному информационному пространству. В размышлениях молодежи отсутствует идеологический пафос поколения, рожденного в 1950–1960 годы, и патернализм поколения, родившихся в 1970–1980 годы. Оно иллюстрирует большую самостоятельность, независимость, рациональность, финансовую

грамотность и информированность. В ответах респондентов чаще (в отличие от представителей предыдущих поколений) прослеживаются размышления о карьерном росте, обучении за рубежом, получении второго высшего или послевузовского образования (магистратура, докторантура). У поколения начала XXI века более разнообразная социальная программа, которая включает в себя не только получение профессионального образования и создание семьи, рождение детей, но и построение карьеры, создание собственного бизнеса, путешествия, саморазвитие и пр.

В сравнение с предыдущими периодами, поколение, рожденное в 2000-е годы, постепенно переходит к мало- и среднедетности, возраст создания семьи и рождения детей отодвигается на более поздние сроки. Оно иллюстрирует осведомленность о программах поддержки семьи (особенно, многодетной), но без выраженного патернализма и больших ожиданий от государства. Молодые казахи все больше рассчитывают на собственные силы, большое значение при этом придается ресурсу профессионального образования и социально-экономической самореализации.

Анализируемая возрастная категория (так называемое «поколение Z»), выросла в условиях глобализации, культуры постмодернизма, высокой конкуренции, а также наиболее полной включенности в цифровое пространство. Представители данного поколения ассоциируются с цифровой грамотностью, глобальным мышлением и активным использованием социальных медиа. Несмотря на то, что рассматриваемая возрастная когорта – достаточно разнообразная группа людей с разными интересами и ценностями, тем не менее, можно отметить некоторые схожие черты для данного поколения. Представители современной молодежи более независимы и свободны, стремятся к самовыражению и уникальности, амбициозны, ориентированы на практический результат. Ценность имеют самообразование и освоение новых навыков, прагматизм и реализм, индивидуализм и личностное пространство.

Нет конфликта или разрыва коммуникаций со старшим поколением, при этом они существуют в разных информационных полях. Для современной молодежи традиционные образцы и модели поведения, транслируемые старшими поколениями, уже не могут служить однозначными ориентирами в принятии решений по принципиальным вопросам. Вместе с тем молодежь уважает родителей, усваивает ценность семьи, умеет выстраивать отношения. Она стала внутренне более свободной, осознанной, умеет рефлексировать и обладает более развитым эмоциональным интеллектом. Отношения с родителями носят, по большей части, партнерский характер, отсутствует авторитарное догматическое давление со стороны старших. Приоритет ценности семьи может объясняться тем, что виртуальное общение, носящее фрагментарный характер, социальные сети, растущие в профиците электронных устройств, приводят к недостатку межличностной непосредственной коммуникации. Духовное общение становится ценностью

современной молодежи, отсюда и желание быть в дружеских отношениях внутри семьи, а также ценность и значимость семьи как таковой.

В целом, современная молодежь живет в бесконечном и быстро меняющемся потоке информации, в связи с чем ее мировоззрение формируется под влиянием, как ценностей, усвоенных внутри семьи, так и почерпнутых из социальных сетей, интернета, рекламы, глобального мира.

Это поколение является следующим звеном в цепи социокультурной эволюции казахского социума – более высокие стандарты социально-бытовых условий, в которых прошло их детство, сформировали и более высокие социальные запросы, семейно-брачные и репродуктивные стратегии молодого поколения казахов иллюстрируют набирающие обороты модернизационные тенденции. Можно предположить, что в перспективе рождаемость в Казахстане будет определяться современными репродуктивными нормами, формирующимися у поколения 2000-х годов.

Для подавляющего большинства респондентов содержанием процесса социализации стал поиск баланса между традицией и модернизацией, даже если этот факт не всегда ими осознается. Выглядит это как стремление сохранить хотя бы часть этнических традиций и зафиксировать этническую идентичность, не желая при этом отказываться от новых возможностей, которые предоставляет модернизация. Именно с модернизацией всех сфер жизни страны связывается личное будущее.

Сопоставительный анализ по результатам материалов интервью трех поколений казахов. Поколения казахов 1950–1980 гг. рождения, многочисленные относительно предыдущих 1920–1940 гг. и последующих 1990-х (сопряженных с социально-политическими, экономическими, социокультурными и демографическими кризисами и даже катастрофами), сформировали противоречивое представление о позднем досуверенном периоде – с одной стороны, языковая и культурная политика СССР поставила под угрозу сохранение этнической идентичности, с другой – для казахов открылись новые возможности социального развития (доступное образование и медицина, постепенное включение в процессы урбанизации и индустриализации). Тем не менее, демографические дивиденды естественного роста численности казахов, который статистически фиксируется во второй половине XX века, были достаточно успешно реализованы. Об этом свидетельствуют как официальные показатели – снижение детской смертности, рост средней продолжительности жизни, рост абсолютных количественных показателей представителей казахского этноса, так и показатели качества человеческого капитала – значительное повышение образовательного уровня, нарастающая урбанизация казахов и связанная с ней диверсификация профессиональной занятости.

Респондентами 2000-х годов рождения можно назвать новым в нескольких смыслах. Во-первых, оно родилось и социализировалось в условиях состоявшегося суверенитета Казахстана, когда основные кризисные явления 1990-х годов, вызванные распадом СССР, были уже преодолены. В

этом важное социально-политическое отличие поколения 1990-х годов, которое также появилось на свет уже в суверенном Казахстане. Важнейшим демографическим отличием между двумя «суверенными» поколениями является их численность – если поколение 1990-х было малочисленным, то поколение начала XXI века (особенно казахов) соответствует количественным признакам демографического взрыва. Почему эти изменения в репродуктивном поведении обеспечены именно казахским населением, подробно и аргументированно описано в работах А. Н. Алексеенко, Ж. С. Аубакировой, Г. А. Сарсембаевой, Н. Л. Краснобаевой, Э. О. Столярова и других исследователей.⁹⁸

Вторая причина, по которой поколение 2000-х годов можно характеризовать как «новое», это не только хронологический рубеж веков, но и ставшая фактом информационная революция. Изменение информационной среды и стремительное внедрение в повседневность разнообразных цифровых инструментов объективно сформировали новые условия социализации детей.

Первый этап представлял собой сбор материалов интервью представителей казахского этноса 1950–1980-х гг. рождения и анализ полученных данных с точки зрения предмета исследования – социокультурных установок поколений. Эти установки на получение образования, овладение языками, социальную мобильность и возможности использования новых социальных лифтов, отражают процессы модернизации общества. В то же время в казахских семьях в 1950–1960-е гг. и 1970–1980-е гг. сохраняются традиции и обычаи, элементы религиозных практик и верований. Это сложное социокультурное пространство оказало значительное влияние на реализованное в этот период репродуктивное поведение.

Методологически этот этап исследования имел анамнестический характер, так как был направлен на сбор воспоминания о детстве и юности респондентов, уже достигших зрелого возраста. В то же время, основным инструментом сбора информации стал социологический метод полуструктурированного глубинного интервью. Это позволяет определять исследование как анамнестическое и социологическое.

⁹⁸ Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Махметова Н. А., Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Исторические предпосылки формирования «казахстанской модели» рождаемости: середина XX – начало XXI века. *Voprosy istorii*. 2022. №10 (2). С. 174–185; Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Столярова Э. О., Алексеенко А. Н. Рождаемость городских казахов: социально-экономическое развитие и социокультурная среда (вторая половина XX – первая четверть XXI века. *Voprosy istorii*. 2023. №6 (1). С. 66–75; Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С. Өмірзақ Т. Е. Региональные кластеры рождаемости и поляризации процессов воспроизводства населения в Казахстане; Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н., Өмірзақ Т. Е. Рождаемость в процессах воспроизводства населения РК (этнический аспект). Сборник научных трудов XX Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» 21-22 октября 2021 г. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2021. С. 209–217 и др.

Второй этап сохраняет отдельные черты анамнестического метода, но респондентами являются представители молодого поколения казахов, то есть их воспоминания о детстве и юности еще очень свежи. Таким образом, на этом этапе исследование приобретает в большей степени социологические параметры.

Предваряя дальнейший анализ, зафиксируем исходные позиции – все три изучаемых поколения росли и формировались в различных социально-политических, социально-экономических и социокультурных условиях. Задачей исследования было выявить, как эти различия отразились на последующей самореализации представителей поколений XX века и спроектировать сценарии самореализации поколения начала XXI века. То есть сопоставить социально-демографическую и социально-экономическую ретроспективу и потенциал социально-демографической и социально-экономической перспективы казахов, которые теперь стали уже не только титульным этносом, но и самой большой этнической группой в структуре населения Казахстана.

Условия социализации в детстве и юности индивида определяют основные личностные характеристики в зрелом возрасте. То есть, личность развивается в тех социально-бытовых, экономических, политических, идеологических и культурных условиях, которые диктуют фреймы (рамки, через которые воспринимается реальность в настоящем, прошлом и будущем). Вторым из важнейших факторов формирования личности и выбора жизненной траектории, является собственный опыт, закрепленный в повседневных практиках. Причем, поведенческие практики и внутренние установки могут не совпадать, порождая глубинные противоречия и чувство социального дискомфорта. В то же время высокая способность к адаптивности, особенно присущая ранним возрастам, позволяет преодолевать эти противоречия, мифологизируя собственное прошлое и прошлое своей социальной группы (семьи, этноса, народа).

С основными обобщенными выводами и социальной поколенческой динамики более подробно можно ознакомиться в аналитическом отчете по результатам анамнестического и социологического исследования.⁹⁹

Социальная динамика. Традиционная сельская расширенная многодетная семья (1950–1960 гг.) ➡

Постепенный переход к нуклеарной среднетной семье с сохранением сильных и многочисленных родственных связей (1970–1980 гг.) ➡

Полисценарное репродуктивное пространство (все варианты детности), повсеместное распространение нуклеарных семей, разрушение практики патрилокального проживания с сохранением родственных связей по обеим родительским линиям.

⁹⁹ Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Сарсембаева Г. А., Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н. Социализация казахов в социально-демографическом и социокультурном контекстах (вторая половина XX – первая четверть XXI веков). Аналитический отчет по результатам анамнестического социологического исследования. – Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ им. Д. Серикбаева, 2025. – 344 с.

2000-е годы знаменуют собой формирование новой картины мира (информационная революция). В этих условиях семья по-прежнему играет большую роль в социализации детей, но теперь этот процесс происходит под сильным влиянием внесемейных факторов. Даже приехавшие из села респонденты уверенно ориентируются в городской жизни во многом благодаря свободному и неограниченному доступу к самой разнообразной информации. Важную роль в более эффективной адаптации к городу играет сложившийся новый этнический баланс – казахи стали устойчивым городским большинством в подавляющем числе регионов, владение двумя языками снимает многие социокультурные барьеры. Новое поколение полностью приняло городские бытовые практики, легко воспринимает все технические новшества в повседневной жизни.

Описание респондентами разных поколений жилищно-бытовых условий подтверждает тезис об изменении образа жизни от сельского к городскому. Но, нельзя не отметить, что механизм этих изменений был принципиально различным для разных поколений: В 1950–1960 годы элементы модернизации (условный «город») приходили в сельскую местность в форме медицинских пунктов, сельских библиотек, школ и домов культуры.

В 1970–1980 годы формируется новый вектор, казахская молодежь получает «сельские» профессии (трактористы, механизаторы и т. д.), которые без особых проблем трансформируются в трудовые навыки, легко применимые в индустриальном городе, схожий результат давало прохождение срочной службы в армии. Все чаще казахская молодежь едет в город для получения профессионального образования, уже в городе создаются новые семьи и рождаются представители нового поколения казахов. Это новое поколение формируется на социокультурном перекрестке – город больше не воспринимается как чужое пространство, но сохраняются сильные связи с многочисленными сельскими родственниками.

2000-е годы стали временем, когда казахи полностью осознают себя городской нацией. Для большинства представителей этого поколения – город уже стал привычным, они легко ориентируются в городских пространствах, проживание в условиях централизованной бытовой инфраструктуры становится стандартом. Основные варианты: квартира в многоэтажном доме или дом/коттедж в черте городской агломерации. Главный механизм адаптации к городской жизни носит превентивно информационный характер. Приезжая в город на учебу, респонденты хорошо представляют, что их ожидает, и с уверенностью воспринимают свою готовность осваивать городское пространство.

Фактически, между образом жизни поколения казахов 1950–1960-х годов и образом жизни «двухтысячников» лежит целая историческая эпоха. Поколение 1950-1960-х – это в большинстве своем сельские жители, по бытовым, экономическим и культурным характеристикам соответствующие традиционному, доиндустриальному обществу. Образование и здравоохранение в качестве социальных институтов, то есть на системной

и нормативной основе, только приходит в казахский аул, а городское пространство остается чуждой, неосвоенной, и даже некомфортной территорией с принципиально иной социокультурной средой (различия в языке, религиозных установках, повседневных практиках и т. д.). Поколение 2000-х – это дети XXI века. Они еще не утратили связи с этническими традициями, но уже вполне свободно, а главное, обоснованно чувствуют себя городскими жителями, носителями городской культуры. Это и владение как минимум двумя языками, и повседневное пользование современными информационными технологиями. А главное – это глобальный цивилизационный кругозор, выстраивание жизненных стратегий и траекторий с опорой не только на этнический, но и на мировой опыт развития.

Несмотря на эти различия, исследование показывает, что между этими двумя поколениями много общего, того, что объединяет их в противовес поколению 1970–1980-х. Во-первых, с демографической точки зрения, это два поколения, которые родились и социализировались в условиях «демографического взрыва», когда численность этноса устойчиво росла. И, хотя причины этого роста имеют ряд различий, главным фактором, является улучшение социально-экономической ситуации по сравнению с предыдущими историческими периодами. В случае поколения 1950–1960-х им предшествуют демографические трагедии 1920–30-х годов и Вторая мировая война, дистанцироваться от которой не удавалось даже в глубоком казахстанском тылу. Поколение 2000-х появилось на свет после тяжелейшего кризиса 1990-х, когда Казахстан уже состоялся как суверенное государство и смог стабилизировать основные социально-экономические процессы. Сейчас, когда первая четверть XXI века практически осталась позади, можно говорить, что 2000-е годы, как и 50–60-е годы XX века, стали временем общественного подъема, восстановления уверенности в завтрашнем дне и благоприятных как внутренних, так и внешних экономических условий. Такая общественная атмосфера накладывает отпечаток на ранние этапы социализации поколений, формируя установки на дальнейший жизненный успех.

В отличие от этих поколений, казахи, родившиеся в 1970–1980-е годы, формировались в других условиях – стагнация, а затем распад советской империи, крушение не только экономики, но и идеологии, в которой воспитывалось поколение их родителей, вступление во взрослую жизнь в наиболее неблагоприятные 1990-е годы. Это поколение кризиса, которому пришлось преодолевать многие трудности и на плечи которого в значительной мере легла задача превращения казахов в городскую нацию. Задача, которая еще не стояла перед поколением 1950–60-х, и уже практически была решена для поколения, родившегося в 2000-х.

Те, кто родились и социализировались в 1950–1960-х годах, к моменту распада СССР уже успели реализовать свои репродуктивные сценарии, а также достичь определенного социального статуса в сфере экономической самореализации, обеспечить себе и своим семьям жилищно-бытовую основу.

Поколение 2000-х уже получили необходимые стартовые условия – адаптация к городскому образу жизни, образование (в том числе высшее), интегрированность в глобальное информационное пространство. Удастся ли им реализовать свой потенциал – покажет время, многое будет зависеть от того, есть ли у этого поколения в запасе как минимум двадцать лет стабильного социального развития.

Подводя итог, отметим, что изучение материалов интервью представителей казахов трех поколений – 1950–1960-х, 1970–1980-х и 2000-х годов рождения, позволяет сделать вывод, что, несмотря на все исторические кризисы, социальные потрясения, и до сих пор нерешенные задачи, наблюдается единый и последовательный тренд на модернизацию казахского социума, превращение его в современную городскую нацию, которая обладает необходимым демографическим ресурсом и социально-экономическими и социокультурными условиями для дальнейшего прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на демографическую историю казахов в XX – начале XXI вв. огромное влияние оказали демографические взрывы, значительно увеличившие динамику роста численности этноса. При этом причины их возникновения были разными. Взрыв середины XX в. стал следствием этнической дифференциации системы расселения, социально-экономической деятельности. Представители казахского этноса концентрировались в сельской местности, сохраняя традиционные репродуктивные установки, поддержанные социально политикой советского государства. Именно в это время многодетность стала распространенным явлением в казахском социуме. Демографический взрыв начала XXI в. случился в кардинально иных политических, социально-экономических, этнодемографических реалиях. Казахи стали доминирующим этносом в Казахстане, том числе и в городах. Но именно в городах были наиболее высокие показатели рождаемости. Фактор социально-экономической детерминации рождаемости, в большинстве стран ведущий к ее снижению, не играет пока значительной роли в современном Казахстане. Большое значение имеют тесные родственные связи, социокультурные воззрения казахского этноса, передающиеся из поколения к поколению.

Поколение казахов 1950–1960 гг. несет на себе отпечаток больших исторических событий – их детство прошло в атмосфере послевоенного общественного подъема. Социальная политика советского государства была направлена на обеспечение самого широкого доступа к медицинским и образовательным услугам, но эти процессы шли от города к селу и потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы практически все населенные пункты получили комплекс учреждений, удовлетворяющих широкие и разнообразные запросы населения. Приметами этого времени стали новые школы и детские сады, фельдшерские пункты и больницы, магазины и автолавки с промышленными товарами, клубы и библиотеки. Все это воспринималось как несомненное доказательство роста благосостояния и прогресса, который приходил в сельскую местность. Так как основным местом проживания казахов оставалось именно село, здесь позитивные перемены были заметны даже больше, чем в городах. При этом внутренняя семейная жизнь сохраняла сильное влияние традиции – брак обычно заключался один раз на всю жизнь, повторные браки были следствием семейных трагедий, а не разводов. Многодетность была основной репродуктивной нормой, сохранялась структура расширенной многопоколенной семьи. В целом, для этого поколения характерно сочетание сильного внешнего модернизирующего импульса, проводником которого прежде всего стала система среднего образования, и внутренней преемственности этнических традиций.

Так как годы наиболее активной социальной, экономической и репродуктивной самореализации для этого поколения пришлось на стабильные десятилетия, общее восприятие прошлого окрашено в позитивные цвета.

Для этого поколения характерна высокая ценность профессионального образования, не обязательно высшего: многие родители детей, родившихся в это время, были полуграмотными, а любой квалифицированный специалист – учитель, бухгалтер, медсестра, тракторист, механизатор, агроном и т. д. – был в сельских районах буквально на вес золота. А, так как профессиональное образование можно было получить только на русском языке, его знание также повышало статус и было признаком «прогрессивности». В противоположность научно-техническим профессиональным знаниям отношение к религии было в большей степени негативным.

Таким образом, демографический взрыв у казахов в этот период времени стал следствием сочетания факторов различного генезиса – это и быстрый рост социального обеспечения, который благотворно сказался на показателях детской смертности, и сохранение традиций многодетности, экономически и социально оправданной в условиях сельскохозяйственного образа жизни, и рост рождаемости, характерный для послевоенных лет. И хотя территория Казахстана находилась в глубоком тылу, эмоциональная включенность казахского населения в общую жизнь большой страны была достаточно велика, чтобы и этот фактор оказывал влияние на демографическое поведение. Нельзя не отметить и более печальные события – в семейной памяти сохранялись довоенные потери, вызванные голодом 1920–1930 годов, что также поддерживало стремление к многодетности, как гарантии выживания семьи и народа в целом.

В отличие от 1950–1960 годов, следующее поколение казахов воспринимает доступную медицину, образование, культурно-бытовое обеспечение в селе как норму и все больше обращает внимание на еще не освоенное пространство – город. Именно в 1970–1980 годы формируется устойчивая тенденция учебной миграции как одна из основных форм перемещения уроженцев сельской местности в города, но своего максимального уровня она достигнет только в XXI веке. Одно из принципиальных отличий казахской урбанизации от классических форм этого процесса – массовый переезд сельских жителей в города происходит не в контексте индустриализации, а в постиндустриальных условиях. Если в европейских странах урбанизация стала ответом на масштабный кризис сельскохозяйственного производства и быстрый рост числа промышленных предприятий, то в Казахстане эта социальная трансформация наложилась на упадок промышленного производства в городах и коснулась в первую очередь поколения 1970–1980 годов рождения. Все более тесные контакты с городом вносят изменение и в представления о репродуктивных нормах – многодетность больше не является доминирующей формой репродуктивных стратегий.

Эти специфические условия в значительной мере повлияли на сохранение этнических традиций, главным выражением которых стали тесные и широкие родственные связи. С переездом в город эти связи не только не прерываются, но приобретают особую ценность, так как помогают встроиться в чуждую городскую среду.

Вся советская система образования, от дошкольных учреждений до вузов (на казахском языке обучаться можно было только в национальных средних школах, которых было мало и были они не везде), несмотря на ее достоинства, главным из которых все респонденты называют бесплатность, содействовала размыванию казахской культуры, ее растворению в «культуре советского народа». Это явление в 1970–1980 годы существовало во всех республиках, но только в Казахстане по причине неблагоприятного численного соотношения казахов и казахстанцев других национальностей оно проявилось настолько ярко и имело такие заметные последствия. Еще два-три поколения и казахский язык, а вместе с ним и многие этнические традиции могли бы быть полностью утраченными.

Место, которое занимают национальные традиции в жизни представителей поколения 1970–1980 гг., меняется на разных этапах их жизни. Очень обобщенно этот процесс можно описать следующим образом: в детстве это естественный фон повседневности (общение с родственниками, некоторые национальные праздники или семейные торжества), с отъездом в город на учебу расширение круга общения за счет представителей других национальностей, адаптация к усредненной городской «советской» культуре, после распада СССР быстрый рост национального самосознания и возвращение к казахским корням, как неотъемлемой части идентичности.

Многие помнят о наградах, полученных родителями за трудовую деятельность, но ценность их утрачена – никто не отметил, что эти награды сохраняются как семейные реликвии. На примере этого поколения особенно хорошо заметно, как советские ценности (которые в своей основе имели модернизационный характер) сменились возвращением к традиционным ценностям – еще один виток диалектической спирали. Это одно из возможных объяснений «традиционного ренессанса» во многих постсоветских обществах и Казахстан здесь не является исключением.

Социальная динамика казахского общества носит циклический характер: советский период, характеризующийся институциональным распространением модернизационных установок, способствовал трансформации ценностных ориентиров, тогда как постсоветский этап, ознаменованный обретением государственной независимости, стал импульсом к возрождению и переосмыслению традиционных культурных и этнонациональных ценностей. С демографической точки зрения важно то, что и социальная модернизация 1950–1960 годов и суверенное развитие после 1991 года, идеологически ориентирующее на традиционные ценности, способствовали закреплению у казахов многодетности как ценной репродуктивной стратегии.

На протяжении всей истории человеческого общества процессы социализации подрастающего поколения играют ключевую роль в формировании социального пространства и определении траектории развития социума. Социализация, понимаемая как приобщение молодежи к общественной жизни и включение ее в социальные институты, носит

диалектически противоречивый характер. С одной стороны, она является объективным ответом на потребности общества и протекает независимо от степени осознания этих потребностей самим социумом. С другой – содержание, качество и интенсивность процессов социализации подвержены влиянию субъективных факторов, способных либо ускорять, либо замедлять интеграцию молодежи в социальное пространство. Именно эти факторы могут создавать мощный прогрессивный импульс для дальнейшего развития общества. Как справедливо отмечал К. Мангейм, «молодежь не прогрессивна и не консервативна по своей природе; она – потенция, готовая к любому начинанию».¹⁰⁰

В контексте Казахстана демографические процессы второй половины XX – начала XXI века существенно влияли на условия социализации молодежи. Высокие темпы рождаемости, сохранение традиционных семейных норм, расширенные родственные сети и значительный удельный вес казахского этноса в населении создавали уникальные условия для формирования личности. Эти демографические и социокультурные особенности определяли не только количественные, но и качественные аспекты социализации, создавая условия для гармоничного сочетания традиционных ценностей с современными требованиями социальной среды.

Формирование личности происходило под влиянием как формальных институтов – государства, системы образования, молодежных организаций, – так и неформальных механизмов: семьи, родственных групп, местного сообщества. В казахстанском социуме широкие родственные связи и значительная роль семьи оставались фундаментом социальной интеграции, обеспечивая молодежи эмоциональную поддержку, социальные ориентиры и возможности для успешного включения в социальное пространство. Следовательно, демографический контекст, культурные традиции и государственная политика в области образования и социальной поддержки взаимно усиливали друг друга, создавая устойчивую систему социализации, способную формировать новые поколения, сочетающие приверженность традициям с адаптацией к современным социальным условиям.

Полученные материалы позволяют говорить о новом поколении казахов, как о социальной группе с ярко выраженным оптимистическим настроением, несмотря на ряд критических замечаний. Нужно отметить, что участники опроса – это та часть молодежи, которая получила хороший старт и возможности воспользоваться новым уровнем социальных услуг. Большой вклад в это несли их семьи. Но, объективно оценивая изменившиеся условия жизни в стране и сравнивая их с условиями жизни предыдущих поколений, нельзя не сказать об усилиях государства, направленных на развитие социальной среды, где может быть успешно реализован человеческий капитал.

¹⁰⁰ Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 114.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Компоненты изменения численности населения Казахстана в 1950–1968 гг. (тыс. человек)

Годы	Общий прирост	в том числе	
		Естественный прирост	Сальдо миграции
1950–1951	221,0	173,4	+47,6
1951–1952	266,0	189,8	+76,2
1952–1953	107,0	178,0	–71,0
1953–1954	169,0	186,9	–17,9
1954–1955	346,0	200,1	+145,9
1955–1956	582,0	226,1	+355,9
1956–1957	285,0	240,1	+44,9
1957–1958	308,0	258,1	+49,9
1958–1959	419,0	272,7	+146,3
1959–1960	460,0	279,5	+180,5
1960–1961	480,0	306,2	+173,8
1961–1962	487,0	308,4	+178,6
1962–1963	469,0	297,4	+171,6
1963–1964	257,0	284,7	–27,7
1964–1965	322,0	263,8	+58,2
1965–1966	276,0	250,1	+25,9
1966–1967	276,0	243,4	+32,6
1967–1968	265,0	234,7	+30,3

Рассчитано по: Население СССР. 1975. С. 74; Население СССР. 1987. С. 10; Демографический ежегодник. 1990. С. 93.

Таблица 2. Воспроизводство населения Казахстана в 1950–1970 гг. (на 1000 населения)

Годы	На 1000 человек		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1940	40,8	21,4	19,4
1950	37,6	11,7	25,9
1951	38,8	11,5	27,3
1952	36,8	11,9	24,9
1953	35,8	10,1	25,7
1954	36,6	10,0	26,6
1955	37,5	9,2	28,3
1956	36,2	7,7	28,5
1957	37,4	7,8	29,6
1958	36,9	6,9	30,0
1959	36,7	7,3	29,4
1960	37,2	6,6	30,6
1961	36,0	6,5	29,5
1962	33,6	6,5	27,1
1963	31,1	6,0	25,1
1964	28,4	5,7	22,7
1965	26,9	5,9	21,0

Годы	На 1000 человек		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1966	25,7	5,8	19,9
1967	24,7	5,8	18,9
1968	23,8	5,8	18,0
1969	23,4	6,2	17,2
1970	23,4	6,0	17,4

Рассчитано по: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Статистический сборник. М., 1975. С.74.

Таблица 3. Возрастные коэффициенты рождаемости, коэффициент суммарной рождаемости в 1959–1970 гг.

Возраст женщин, лет	1959	1965	1970
15–49	143,0	115,1	96,1
15–19	48,4	34,4	30,0
20–24	233,8	196,0	192,2
25–29	235,9	190,3	177,8
30–34	175,7	130,8	134,9
35–39	127,2	95,7	83,4
40–44	54,8	49,3	34,1
45–49	16,6	12,0	9,0
КСР	4,47	3,55	3,33

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сборник. Алма-Ата: Казахстан, 1988. С.189.; Народное хозяйство Казахстана в 1968 г. Статистический сборник. Алма-Ата, 1970. С.9.

Таблица 4. Возрастная структура казахских и русских женщин в возрасте 15 лет и старше в 1989 г.

Возраст женщин, лет	Всего женщин в возрасте 15 лет и старше		в том числе			
			Казахки		Русские	
	Численность	%	Численность	%	Численность	%
15–19	699014	100	345453	49,4	224123	32,1
20–24	665661	100	326959	49,1	199965	30,0
25–29	770710	100	324997	42,2	271457	35,2
30–34	682914	100	246212	36,1	275575	40,3
35–39	573227	100	186667	32,6	251834	43,9
40–44	356071	100	114242	32,1	163084	45,8
45–49	393795	100	118544	30,1	172611	43,8
50–54	436796	100	107933	24,7	206694	47,3
55–59	316263	100	65212	20,6	158008	50,0
60–64	357476	100	78032	21,8	180602	50,5
65–69	204569	100	50072	24,5	99317	48,5
70 и более	437097	100	120548	27,6	203262	46,5
Всего	5899331	100	2087055	35,4	2408631	40,8

Рассчитано по: Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алма-Аты. Итоги ВПН 1989 г. Том 2. Алма-Ата, 1992. Республиканский информационно-издательский центр. С. 360–361.

Таблица 5. Распределение женщин Казахстана по возрасту и числу рожденных детей по данным переписи населения 1989 г.

Возраст женщин в 1989 г., лет	Годы рождения	Численность женщин (без учета не указавших число рождений)			Число рождений детей			Среднее число детей, рожденных одной женщиной		
		всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
			город	село		город	село		город	село
15–19	1970–1974	697274	409151	288123	33599	18918	14681	0,05	0,05	0,05
20–24	1965–1969	656905	390998	265907	484109	251477	232632	0,74	0,64	0,87
25–29	1960–1964	760489	463882	296607	1255777	670017	585760	1,91	1,44	1,97
30–34	1955–1959	674825	431644	243181	1550557	839740	710817	2,30	1,94	2,92
35–39	1950–1954	566790	371929	194861	1554995	822322	732663	2,74	2,21	3,76
40–44	1945–1949	351750	231025	120725	1083051	535331	547720	3,08	2,32	4,54
45–49	1940–1944	388640	233284	155356	1392285	584920	807365	3,58	2,51	5,20
50–54	1935–1939	431324	261351	169973	1562963	689001	873962	3,62	2,64	5,14
55–59	1930–1934	312094	192531	119563	1126494	538513	587981	3,61	2,80	4,92
60–64	1925–1929	352182	221276	130906	1257200	634786	622414	3,57	2,87	4,75

Рассчитано по: Национальный состав населения Казахской ССР, областей и города Алматы. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том 2. Алма-Ата. 1992. С. 357–359.

Таблица 6. Распределение казахских и русских женщин по возрасту и числу рожденных детей по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Возраст женщин в 1989 г., лет	Годы рождения женщин	Среднее число детей, рожденных одной женщиной	в том числе	
			казашки	русские
15–19	1970–1974	0,05	0,03	0,07
20–24	1965–1969	0,74	0,62	0,83
25–29	1960–1964	1,91	1,70	1,53
30–34	1955–1959	2,30	2,75	1,90
35–39	1950–1954	2,74	3,80	2,06
40–44	1945–1949	3,08	4,75	2,07
45–49	1940–1944	3,58	6,09	2,21
50–54	1935–1939	3,62	6,53	2,31
55–59	1930–1934	3,61	6,55	2,45
60–64	1925–1929	3,57	6,04	2,56

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Том 2. Алма-Ата. 1992. С.357, 360–361.

Таблица 7. Возрастные коэффициенты смертности населения Казахстана в 1939, 1959 и 1970 гг. (на 1000 населения)

Возраст, лет	смертность на 1000 населения		
	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Все население	21,4	7,3	6,0
0–4	85,9	15,0	6,8
5–9	7,8	1,6	0,7
10–14	3,4	1,0	0,5
15–19	4,4	1,7	1,1

Возраст, лет	смертность на 1000 населения		
	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Все население	21,4	7,3	6,0
20–24	4,0	1,9	1,7
25–29	5,5	2,7	2,5
30–34	6,0	2,9	3,2
35–39	6,9	3,5	4,3
40–44	7,4	5,1	5,4
45–49	8,6	5,9	7,0
50–54	10,3	8,0	9,9
55–59	12,2	9,4	12,3
60–64	16,5	14,6	17,6
65–69	23,6	18,2	24,9
70 лет и старше	48,5	40,9	57,6

Рассчитано по: Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М. 1960. С.25; Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сборник. Алма-Ата.1988. С.189.

Таблица 8. Компоненты роста численности населения в 1969–1990 гг., тыс. человек

Годы	Общий прирост	в том числе	
		естественный прирост	сальдо миграции
1968–1969	212,0	227,5	-15,7
1969–1970	209,0	222,7	-13,7
1970–1971	202,0	228,2	-26,2
1971–1972	219,0	237,5	-18,5
1972–1973	207,0	233,5	-26,5
1973–1974	210,0	230,8	-20,8
1974–1975	216,0	244,7	-28,7
1975–1976	146,0	241,8	-95,8
1976–1977	140,0	246,5	-106,5
1977–1978	152,0	244,0	-92,0
1978–1979	183,0	248,0	-65,0
1979–1980	174,0	240,6	-66,6
1980–1981	195,0	236,9	-41,9
1981–1982	200,0	246,9	-46,9
1982–1983	199,0	253,2	-54,2
1983–1984	196,0	254,8	-58,8
1984–1985	194,0	269,6	-75,6
1985–1986	186,0	270,1	-84,1
1986–1987	216,0	291,7	-75,7
1987–1988	223,0	294,3	-71,3
1988–1989	205,0	280,2	-75,2
1989–1990	154,0	255,9	-101,9

Рассчитано по: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Ст. сб. М. 1975. С. 74; Население СССР. 1987. Ст. сб. М. 1988. С. 10; Демографический ежегодник СССР. М. 1990. С. 93.

Таблица 9. Рождаемость, смертность, естественный прирост населения Казахстана в 1970–1990 гг. (на 1000 населения)

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1970	23,4	6,0	17,4
1971	23,8	6,0	17,8
1972	23,5	6,3	17,2
1973	23,4	6,6	16,8
1974	24,2	6,7	17,5
1975	24,3	7,2	17,1
1976	24,5	7,3	17,2
1977	24,2	7,3	16,9
1978	24,4	7,4	17,0
1979	24,0	7,7	16,3
1980	23,8	8,0	15,8
1981	24,3	8,0	16,3
1982	24,3	7,8	16,5
1983	24,3	8,0	16,3
1984	25,4	8,2	17,2
1985	24,9	8,0	16,9
1986	25,5	7,4	18,1
1987	25,5	7,5	18,0
1988	24,8	7,7	17,1
1989	23,0	7,6	15,4
1990	21,7	7,7	14,0

Рассчитано по: Население СССР. 1973. Ст. сб. М. 1975. С. 74; Демографический ежегодник СССР. М. 1990. С. 93; Демоскоп weekly. Приложение. 2023. № 995–996 (22 августа – 4 сентября 2023 г.).

Таблица 10. Возрастные коэффициенты смертности (на 1000 населения соответствующего возраста)

Возраст/ годы	1970	1979	1988
Всего умерших	6,0	7,5	7,7
0–4	6,8	9,8	8,4
5–9	0,7	0,8	0,6
10–14	0,5	0,6	0,5
15–19	1,1	1,1	1,0
20–24	1,7	1,8	1,5
25–29	2,5	2,4	2,0
30–34	3,2	3,1	2,1
35–39	4,3	4,5	2,8
40–44	5,4	5,8	4,0
45–49	7,0	8,5	6,5
50–54	9,9	11,1	9,2
55–59	12,3	14,4	14,7
60–64	17,6	21,6	20,4
65–69	24,9	28,7	27,9
70 и более	57,6	65,9	67,8

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. сб. Алма-Ата. 1988. С.189; Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С.14.

Таблица 11. Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в 1959–1990 гг. (на 1000 человек)

Возраст женщин, лет	1959	1970	1979	1990
15–49	143,0	96,1	94,5	89,4
15–19	48,4	30,0	37,7	56,5
20–24	233,8	192,2	198,6	219,6
25–29	235,9	177,8	163,3	146,0
30–34	175,7	134,9	110,8	82,6
35–39	127,2	83,4	63,4	37,6
40–44	54,8	34,1	27,5	9,5
45–49	16,6	9,0	3,8	1,3
СКР	4,47	3,33	3,05	2,79

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С.189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы. 1998. С. 103.

Таблица 12. Суммарный коэффициент рождаемости возрастных групп в 1959–1990 гг.

Возраст женщин, лет	1959	1970	1979	1990
СКР	4,47	3,33	3,05	2,79
15-19	0,24	0,15	0,19	0,28
20-24	1,17	0,96	0,99	1,10
25-29	1,18	0,89	0,82	0,73
30-34	0,88	0,67	0,55	0,41
35-39	0,64	0,42	0,32	0,19
40-49	0,30	0,24	0,18	0,08

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С.189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы. 1998. С. 103.

Таблица 13. Вклад возрастных групп в суммарный коэффициент рождаемости в 1959–1990 гг. (%)

Годы	1959	1970	1979	1990
СКР	4,47 (100%)	3,33 (100%)	3,05 (100%)	2,79 (100%)
15–19	5,4	4,5	6,2	10,2
20–24	26,2	29,1	32,8	39,7
25–29	26,4	26,9	27,0	26,4
30–34	19,7	20,4	18,3	14,9
35–39	14,2	12,6	10,5	6,8
40–49	8,0	6,5	5,1	1,9

Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Ст. ежегодник. Алма-Ата. 1988. С.189; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы. 1998. С. 103.

Таблица 14. Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в 1990, 2000 гг.

Возраст женщин, лет	1990	2000	2000 к 1990 (%)
15–49	89,4	54,3	60,7
15–19	56,5	30,9	54,7
20–24	219,6	132,7	60,4
25–29	146,0	104,9	71,8
30–34	82,6	64,1	77,6
35–39	37,6	28,0	74,5
40–44	9,5	6,3	66,3
45–49	1,3	0,6	51,2
СКР	2,79	1,86	66,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы, 1998. С. 103; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 199.

Таблица 15. СКР возрастных групп в 1990, 2000 гг.

Возраст женщин, лет	1990	2000	2000 к 1990 (%)
15–49	2,79	1,86	66,7
15–19	0,28	0,15	53,6
20–24	1,10	0,66	60,0
25–29	0,73	0,52	71,2
30–34	0,41	0,32	78,0
35–39	0,19	0,14	73,7
40–49	0,08	0,07	87,5

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы, 1998. С. 103; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 199.

Таблица 16. Вклад СКР возрастных групп в общий СКР в 1990, 2000 гг. (%)

Возраст женщин, лет	1990	2000
15–49	2,79 (100%)	1,86 (100%)
15–19	10,0	8,1
20–24	39,4	35,5
25–29	26,2	27,9
30–34	14,7	17,2
35–39	6,8	7,5
40–49	2,9	3,8

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ж.А.Кулекеева. Алматы, 1998. С. 103; Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 206.

Таблица 17. Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 населения), суммарный коэффициент рождаемости в 2000, 2010 гг.

Возраст женщин, лет	2000	2010	2010 к 2000 (%)
15–49	54,3	79,9	147,1
15–19	30,9	28,3	91,6
20–24	132,7	146,7	110,6
25–29	104,9	155,6	148,3
30–34	64,1	111,4	173,8
35–39	28,0	62,5	223,2
40–44	6,3	16,1	255,6
45–49	0,6	0,8	133,3
СКР	1,86	2,62	140,9

Рассчитано по: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182.

Таблица 18. СКР возрастных групп в 2000, 2010 гг.

Возраст женщин, лет	СКР возрастных групп		2010 к 2000 (%)
	2000	2010	
15–19	0,15	0,14	93,3
20–24	0,66	0,73	110,6
25–29	0,52	0,78	150,0
30–34	0,32	0,56	175,0
35–39	0,14	0,31	221,4
40–49	0,07	0,10	142,8
СКР	1,86	2,62	140,9

Рассчитано по: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182.

Таблица 19. Вклад СКР возрастных групп в СКР РК в 2000–2010 гг. (%)

Возраст женщин, лет	Вклад СКР возрастных групп в СКР	
	2000	2010
15–19	8,4	5,4
20–24	36,1	28,1
25–29	28,5	29,8
30–34	17,4	21,4
35–39	7,6	12,0
40–49	1,9	3,2
СКР	100	100

Рассчитано по: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы. 2006. С. 199; Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Н.С. Айдапкелов. Астана. 2017. С. 175–182.

Таблица 20. Возрастные коэффициенты рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости в 2021, 2023 гг.

Возраст женщин, лет	2021			2023			2023 к 2021 (%)		
	Все население	в том числе		Все население	в том числе		Все население	в том числе	
		гор-е	сел-е		гор-е	сел-е		гор-е	сел-е
15–49	98,1	93,0	106,4	83,5	76,5	96,5	85,1	82,2	90,7
15–19	23,8	19,9	28,2	17,6	13,5	23,2	73,9	68,0	82,2
20–24	180,3	165,7	201,3	147,9	121,9	195,9	82,0	73,6	97,3
25–29	201,5	191,3	219,4	181,2	164,7	214,6	89,9	86,1	97,8
30–34	142,9	127,8	176,1	136,2	125,1	159,9	95,3	97,9	90,8
35–39	90,5	86,0	98,5	82,8	76,1	96,6	91,5	88,4	98,1
40–44	24,5	23,6	26,2	24,2	22,7	26,9	98,6	96,1	102,7
45–49	1,4	1,6	1,0	1,7	1,8	1,4	120,0	115,0	141,0
СКР	3,32	3,07	3,75	2,96	2,63	3,59	90,1	85,4	95,7

Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Ст. сб. Гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан, 2022. С. 140–145; Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана, 2024. С. 148–150.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
2. ВКР – возрастные коэффициенты рождаемости
3. ВКО – Восточно-Казахстанская область
4. ВОВ – Великая Отечественная война
5. ВПН – Всесоюзные переписи населения
6. ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
7. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
8. Гор. – городское население
9. ЕП – естественный прирост
- 10.ЗАГС – запись актов гражданского состояния
- 11.ЗКО – Западно-Казахстанская область
- 12.КАССР – Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика
- 13.КПСС – коммунистическая партия Советского Союза
- 14.Млн. – миллион
- 15.ОКР – общий коэффициент рождаемости
- 16.ОКС – общий коэффициент смертности
- 17.ОРВИ – острая респираторная вирусная инфекция
- 18.ПГТ – поселок городского типа
- 19.ПТУ – профессионально-техническое училище
- 20.РК – Республика Казахстан
- 21.РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- 22.Сел. – сельское население
- 23.СКО – Северо-Казахстанская область
- 24.СКР – суммарный коэффициент рождаемости
- 25.СМИ – средства массовой информации
- 26.СССР – Союз Советских Социалистических республик
- 27.СТО – Совет труда и обороны
- 28.СУ – собрание узаконений
- 29.Тыс. – тысяч
- 30.УМЗ – Ульбинский машиностроительный завод
- 31.ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- 32.ЦУМ – центральный универсальный магазин
- 33.Ч-ть/чис-ть – численность
- 34.ЮКО – Южно-Казахстанская область

Научное издание

**Аубакирова Жанна Сакеновна,
Столярова Элеонора Олеговна,
Сарсембаева Гульжан Алибековна,
Краснобаева Нелли Леонидовна,
Алексеевко Александр Николаевич**

**Демографические взрывы в Казахстане:
исторический опыт и современный потенциал**

Монография

Книга издана в авторской редакции
Ответственный за выпуск *О.Н. Николаенко*
Технический редактор *И.Ю. Широбокова*

Подписано в печать 29.09.25. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 13,12. Тираж 50. Заказ № 901-25.
Цена договорная.

НАО «Восточно-Казахстанский государственный технический
университет им. Д. Серикбаева»
070004, г. Усть-Каменогорск, ул. Протозанова, 69.